

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Александр Строев

АВАНТЮРИСТЫ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Александр Строев

Авантюристы Просвещения

«НЛО»

УДК 821(4)«17»-311.3
ББК 83.3(4)512-444.55

Строев А. Ф.

Авантюристы Просвещения / А. Ф. Строев — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-482309-5

Книга Александра Строева, профессора общего и сравнительного литературоведения, рассказывает о теневой стороне эпохи Просвещения: об искателях приключений, алхимиках и обманщиках. Она посвящена знаменитым авантюристам и литераторам, побывавшим в XVIII веке в России: Казанове, Калиостро, д'Эону, Бернардену де Сен-Пьеру, Чуди, Фужере де Монброну, братьям Занновичам и не только. Их истории служат своеобразным зеркалом, в котором отражается не столько сознание, сколько подсознание общества: его тайные желания и надежды, страхи и фантазмы. В первой части автор исследует место авантюристов в информационной системе Просвещения, их взаимоотношения с монархами и философами, во второй – сопоставляет их биографии с повествовательными моделями эпохи, мифами и бродячими сюжетами. Заключительная глава посвящена судьбам тех авантюристов, кто отправился в Россию, увидев в ней страну, где можно воплотить в жизнь самые смелые утопические проекты. Читателю предлагается второе – исправленное и дополненное – издание книги.

УДК 821(4)«17»-311.3

ББК 83.3(4)512-444.55

ISBN 978-5-44-482309-5

© Строев А. Ф.

© НЛО

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ	6
ВВЕДЕНИЕ	8
Глава 1	12
Лики авантюриста	12
Информационное пространство	21
Щеголи и философы, купцы и короли	33
Вольтер, Руссо и авантюристы	40
Тайна и общественное мнение	50
Глава 2	54
Книги в романах и судьбе авантюристов	54
Повествовательные жанры	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Строев

Авантюристы Просвещения

УДК 821(4)«17»-311.3

ББК 83.3(4)512-444.55

С86

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CCLVI

2-е издание, исправленное и дополненное

Александр Строев

Авантюристы Просвещения / Александр Строев. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Книга Александра Строева, профессора общего и сравнительного литературоведения, рассказывает о теневой стороне эпохи Просвещения: об искателях приключений, алхимиках и обманщиках. Она посвящена знаменитым авантюристам и литераторам, побывавшим в XVIII веке в России: Казанове, Калиостро, д'Эону, Бернардену де Сен-Пьеру, Чуди, Фужере де Монброну, братьям Занновичам и не только. Их истории служат своеобразным зеркалом, в котором отражается не столько сознание, сколько подсознание общества: его тайные желания и надежды, страхи и фантазмы. В первой части автор исследует место авантюристов в информационной системе Просвещения, их взаимоотношения с монархами и философами, во второй – сопоставляет их биографии с повествовательными моделями эпохи, мифами и бродячими сюжетами. Заключительная глава посвящена судьбам тех авантюристов, кто отправился в Россию, увидев в ней страну, где можно воплотить в жизнь самые смелые утопические проекты. Читателю предлагается второе – исправленное и дополненное – издание книги.

ISBN 978-5-4448-2309-5

© А. Строев, 1998, 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Памяти папы

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Я писал книгу об авантюристах в 1990-е годы, и за это время исчез Советский Союз и полностью изменилась жизнь. Прежние планы и цели потеряли смысл. То, что казалось незыблемым, рухнуло. Во многих семьях женщины сочли, что надо спасаться, забирать детей и уезжать за границу, а мужчины подумали, что именно сейчас в России перед ними открылись все пути. В 1980-е годы я мечтал работать в Институте мировой литературы, но, когда попал туда в 1989 году, надо было искать иные средства существования. Рубль обесценился, месячная зарплата научного сотрудника в начале 1990-х годов была равна 8 долларам. До 1999 года я жил между Россией и Францией, и когда у меня спрашивали друзья, где я нахожусь, то отвечал, что могу указать не место, но время: 1767 год. В начале царствования Екатерины II я чувствовал себя вольготно.

В России конца XX века у многих было ощущение, что живешь уже после конца света. Во Франции XVIII века, в канун революции и после нее, люди испытывали подобные чувства. Роберт Дарнтон в прекрасной книге о закате Просвещения показал, как Франц Месмер исцелял людей, передавал нисходящую из космоса энергию, заряжал ею бассейны с водой. Совершенно так же в России Алан Чумак заряжал по телевидению воду, которые люди наливали в графин, ставили у экрана телевизора и исправно пили. Астролог Павел Глоба регулярно предсказывал будущее. По всей стране размножились экстрасенсы, целители, ворожеи.

Замысел книги возник под влиянием идей М. М. Бахтина, ярким пропагандистом которого был профессор МГУ В. Н. Турбин, книг и статей Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, посвященных житнетворчеству, их лекций и семинаров, которые я посещал вместе с моими университетскими друзьями.

Моя кандидатская диссертация 1983 года, посвященная типологии французского романа эпохи Просвещения, персонажам и сюжетным моделям, увы, осталась неопубликованной. Но она помогла мне окунуться в галантный мир XVIII столетия, описать правила поведения пети-метров, либертенов, куртизанок. Перевод мемуаров Казановы, который я сделал в соавторстве (книга вышла в 1990 году, 9 переизданий, суммарный тираж превысил 700 000 экземпляров), помог мне изменить стиль, отказаться от «научообразия». Приехавший в Москву в том же 1990 году Жорж Дюлак, замечательный исследователь XVIII века, приохотил меня к работе в архивах, поиску неизвестных, неопубликованных документов, писем, рукописей. Я почувствовал, что перенесся в далекий мир Республики Словесности и остался в нем жить.

Благодаря Жоржу Дюлаку я в 1991 году приехал в Париж на стипендию Дидро в Дом наук о человеке, затем преподавал в университете города Монпелье в качестве приглашенного профессора, получил временную ставку в CNRS. Я познакомился с замечательными учеными Жаком Прустом, Робертом Дарнтоном, Беатрисой Дидье, Морисом Левером, Шанталь Тома, Франсуа Муру, Мишелем Делонем и многими, многими другими, в том числе со знаками творчества Казановы Гельмутом Вацлавиком, Мари-Франсуазой Луна, Фурио Луччикенти, Жераром Лауати. Они приняли меня как своего, радушно и щедро помогали в научных изысканиях, тактично поправляли. Всем я им искренне благодарен.

Книга об авантюристах росла из докладов на международных конференциях и конгрессах, из статей и лекций, из работы в архивах многих стран, из удивительных находок.

В 1990-е годы житнетворчество стало для меня реальностью. С эмоциональной точки зрения рассказ об эпохе Просвещения был отчасти автобиографичным. Подобно авантюристам, я должен был играть всевозможные роли, отвечать «да» на все предложения судьбы. Я преподавал во Франции французскую литературу XVIII века, не имея почти никакого педагогического опыта. Я писал статьи на французском и вспоминал, как Казанова высмеивал свои ошибки во французском языке, а заодно свои невольные, но, увы, нередкие бестактности. Не

говоря уже о том, как ближе к сорока годам, «земную жизнь пройдя до половины», Казанова почувствовал, что надо решать, где и как бросить якорь. В какой-то момент мне стало казаться, что судьбы моих героев перекликаются с моей, и я даже боялся читать архивные документы, чтобы не накликал беду. Но потом все же их прочел.

Книга появилась сначала на французском, благодаря Беатрисе Дидье, а затем в расширенном варианте на русском, благодаря Ирине Прохоровой, с которой дружу с университетских лет. Однако я не расстался со своими героями: я писал о Казанове, д'Эоне, Билиштейне¹ и других. Работы составили книгу, изданную на французском: «Россия и Франция эпохи Просвещения: Монархи и философы, писатели и шпионы» (1997)². Получилось продолжение – двадцать лет спустя. Надеюсь, что оно тоже будет напечатано в России. В других работах, на ином материале, я вновь обращаюсь к принципиально важной для меня теме: как завоевать репутацию в чужой стране³.

В новое издание «Авантюристов Просвещения» я внес небольшую стилистическую правку, в том числе в большинстве случаев поменял академическое «мы» на личное «я», сделал несколько исправлений, уточнений и сносок на более поздние работы, небольшие сокращения. По просьбе издательства я упростил заглавие и отказался от иллюстраций. Я сердечно благодарю свою жену Галину Кабакову, внимательно вычитавшую текст.

Книга выходит через четверть века, когда опять на очень многих в России обрушились жизненно важные вопросы, требующие кардинальных решений. «Похоже – стала вновь Россия кочевой», как писал поэт по совсем иному поводу.

Лето 2023 года

¹ Ériger une République souveraine, libre et indépendante (Mémoires de Charles-Léopold Andreu de Bilistein sur la Moldavie et la Valachie au XVIIIe siècle) / éd. I. Mihaila, A. Stroeov. Bucarest: Roza Vânturilor, 2001.

² Stroeov A. La Russie et la France des Lumières: Monarques et philosophes, écrivains et espions. Paris: Institut d'études slaves, 2017.

³ Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française: une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki / éd. A. Stroeov. Paris, PSN, 2019; Строев А. Литературные судьбы русских писателей во Франции. М.: Литературный факт, 2023.

ВВЕДЕНИЕ

«Если хотите проведать обо всех авантюристах на свете, наших современниках, обращайтесь ко мне, ибо я знал всех их *funditus et in cute*»⁴, – писал Джакомо Казанова в конце жизни своему другу графу Ламбергу⁵. В мемуарах он поминает до полусотни искателей приключений: итальянцев, французов, далматинцев и даже одного русского, некоего Карла Иванова, сына часовщика из Нарвы, выдававшего себя за принца Карла Курляндского. Их было гораздо больше в этом столетии.

Век Просвещения намеревался открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости. Но чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становилась жизнь, творчество, теории. Великая утопия породила великий террор, вершиной романа воспитания стали творения маркиза де Сада, поиск высшего знания привел к расцвету мистических учений. Энциклопедисты проиграли тем, кто вслед за Руссо обращался не к разуму, а к чувствам людей. XVIII век пытался цивилизовать на французский манер весь крещеный мир, превратить его во «Французскую Европу», где от Атлантики до Урала читали бы одни и те же книги, одинаково говорили, думали и одевались⁶. И на протяжении всего столетия жгучий интерес вызывали не правила, а исключения. В первую очередь – дикари и чужеземцы, начиная от «Диалогов барона де Ла Онтана и американского дикаря» (1704) и «Персидских писем» Монтескье (1721) до «Микромегаса» и «Простодушного» Вольтера. Мир Востока заполняет французскую прозу, там происходит действие едва ли не каждого пятого произведения⁷. Важно мнение постороннего – чужака и чудака, вроде «Племянника Рамо» Дидро; безумец превращается в носителя иной правды, иной логики, если не в пророка⁸.

Чтобы понять саму себя, классическая культура определяет свои границы, описывает то, чем она не является, и постепенно проникается правотой своих антиподов. Именно в эпоху Просвещения перерастает в уверенность подозрение, что женщины, дети, простой народ⁹ – отнюдь не недоразвитые мужчины-аристократы, а самостоятельные личности. Возникает идея исторического развития, представление о самоценности и принципиальном различии эпох.

Потому столь важно для понимания Просвещения анализировать маргинальные фигуры и явления, рассматривать правила через исключения. Авантюристы XVIII столетия – зеркало, в котором отражаются тайные желания и надежды, страхи и фантазмы общества. Каковы герои, шарлатаны и обманщики, таковы и исторические источники. Занимаясь ими, исследовать приходится не столько общественное сознание, сколько подсознание культуры, анализировать ненаписанные тексты и непроизошедшие события. Место исторических фактов и литературных произведений занимают легенды, домыслы, слухи.

В последнее время французские ученые все чаще обращаются именно к этой сфере культурного менталитета Просвещения: сошлемся на работы Арлет Фарж, Шанталь Тома, Антуана де Бека, Жан-Жака Татена. Я вполне сознательно вторгаюсь в область социальной психологии с литературоведческим инструментарием: то, что во Франции считалось достоянием историков (школа «Анналов») или философов, в России проходило по ведомству филологии. От

⁴ С лица и с изнанки (*lat.*).

⁵ Прага, 28 июля 1787 г. – *Casanova G. Patrizi e avventurieri, dame e ballerine. In cento lettere inedite. Milano, Corbaccio, 1930. P. 295.*

⁶ См.: *Carraccioli L.-A. L'Europe française. Turin; Paris: Vve Duchesne, 1776.*

⁷ *Dufrenoy M. L' Orient romanesque en France, 1704–1789. Montréal: Beauchemin, 1946–1947. 2 t.*

⁸ *Foucault M. Folie et déraison, histoire de la folie à l'âge classique. Paris: Plon, 1961.*

⁹ См. сб.: *L'Homme des Lumières de Paris à Pétersbourg. Napoli: Vivarium, 1995* и особо статью Жака Ревеля: *Revel J. L'envers des Lumières: les intellectuels et la culture populaire en France (1650–1800). P. 237–259.*

работ М. М. Бахтина, от книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929) идет традиция рассматривать поступки как высказывания, описывать жанры речевого и бытового поведения. Соответственно можно определить жанр поведения, свойственный авантюристам XVIII в., и его основные подтипы: чудотворец, целитель, алхимик, самозванец, прожектер и т. д. Этот жанр поведения входит в общую систему ролевых стереотипов эпохи, где ему противостоят амплуа щеголя, философа или игрока.

С 1970-х годов русская семиотическая школа рассматривает бытовое поведение эпохи как знаковую систему. Б. А. Успенский сформулировал этот принцип как «история *sub specie semioticae*». В рамках исследований по семиотике устной речи Б. М. Гаспаров и его последователи проводили нарративный анализ отдельных судеб.

Итак, исторические события изучаются в качестве художественных текстов: выделяются повторяющиеся мотивы в биографии реальных людей и литературных персонажей, прослеживается единая логика событий, выстраивается система действующих лиц. Одновременно предлагается спектр возможностей и создается инвариант судьбы авантюриста.

Работа ведется одновременно на трех уровнях: жизнь, легенда, литература. Культурная среда XVIII в. исследуется через сопоставительный анализ топосов, повествовательных моделей, созданных в европейской прозе и драматургии (в первую очередь французской, но также русской и итальянской), в мемуарных, эпистолярных, юридических и дипломатических жанрах, в памфлетах, следственных делах и донесениях. Материалом служат как великие творения, так и полузабытые книги, неопубликованные тексты и архивные документы.

Психологический тип авантюриста рассматривается в его преломлении в трех различных сферах: социальной, художественной и географической. Его жизнь предстает как три последовательных путешествия: в обществе, в культуре и мире, как путь на окраину цивилизации – в Россию. Социальное путешествие помогает понять роль искателя приключений в информационной системе Просвещения, его влияние на новую силу – общественное мнение, его взаимоотношения с эмблематическими фигурами эпохи: щеголем, монархом, купцом, философом. Страстные, ревнивые и восторженные чувства у рыцаря удачи вызывают два великих философа: Вольтер и Руссо.

Литературное путешествие показывает авантюриста в романе и на сцене, сопоставляет его жизнь с повествовательными моделями эпохи, с мифами и бродячими сюжетами (Дон Жуан, Фауст, метаморфоза, травестия). Третья часть книги посвящена судьбам и утопическим проектам тех, кто пытался преуспеть в Российской империи.

В соответствии с тремя сферами я выделяю три критерия, которые ограничивают понятие «авантюрист», «рыцарь удачи». Во-первых, он выходец из третьего сословия или, реже, бедный дворянин; он поддельный граф или принц, ему не суждено стать всемогущим фаворитом. Во-вторых, он не заурядный плут, а человек пишущий, литератор. В-третьих, среди многочисленных искателей приключений нас интересуют в первую очередь те, кто связан с Россией.

Путешествие на Север (Восток в культурной мифологии эпохи отдан Турции и Египту) – почти необходимая глава из жизни рыцарей удачи. Без него не могут обойтись неутомимые странники, объезжающие весь свет в поисках счастья, подобно герою басни Лафонтена, который после долгих скитаний нашел свою долю на пороге отчего дома. Даже те, кому не довелось добраться до России, как, например, Анж Гудар, посвящали ей романы и трактаты, переписывались с русскими вельможами, обращались к императрице. Интересные параллели дают приключения в Европе российских искателей удачи, сопоставления социальных типов западного авантюриста и русского самозванца. Тем самым исследование романов и судеб позволяет уточнить и дополнить картину культурных связей между Россией и Францией. Хронологические рамки работы – вторая половина XVIII столетия, «золотой век» самозванцев и авантюристов, время царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Строго говоря, под такое определение авантюриста, связанного с Россией, подходит не так уж много людей. Французы: Луи Шарль Фужере де Монброн (1706–1760), Анж Гудар (1708 – ок. 1791), барон Теодор Анри де Чуди (1724–1769), шевалье Шарль д’Эон де Бомон (1728–1810), барон Шарль Леопольд Андреу де Билиштейн (1724 – ок. 1777), Жак Анри Бернард де Сен-Пьер (1737–1814), Тимолеон Альфонс Галльен де Сальморанк (ок. 1740 – после 1785). Итальянцы: Джованни Микеле Одар (ок. 1719 – ок. 1773), Джакомо Казанова (1725–1798), Джузеппе Бальзамо, он же граф Алессандро Калиостро (1743–1795). Швейцарец Франсуа Пьер Пикте (1728–1798). Украинец Иван Тревогин или Тревога, он же принц Голкондский (1761–1790). Далматинцы братья Занновичи: Премислав Марко (ок. 1747 – после 1790), Степан, он же принц Кастриотто Албанский (1751–1786), и Ганнибал (ум. после 1788). Венгры: барон Франсуа Тотт (1733–1793) и его брат граф Андре Тотт (1730 – после 1802). Люди без родины: граф Сен-Жермен (ок. 1696 – 1784), княжна Елизавета Владимировская, она же княжна Тараканова (ум. 1775).

Разумеется, остается огромное число искателей приключений, лишь частично удовлетворяющих предложенному определению. Это, во-первых, те, кто не имеет прямого отношения к Республике Словесности: комедианты, танцовщики, музыканты (Кампиони, Джузеппе Даль Ольо), учитель фехтования (Даррагон), ювелир (Бернарди), врач (Лесток), офицеры и военачальники (принц Карл Генрих Нассау-Зиген, Семен Зорич, Иосиф де Рибас, Георг Магнус Спренгтпортен), самозванцы (правитель Черногории Степан Малый, принц Курляндский Карл Иванов, принц Турецкий Изан-бей, принц Палестинский Иосиф Абаиси, князь Польский Лицын, принцесса Брауншвейгская и др.), мистики (польский граф Фаддей Грабянко), картежники, фальшивомонетчики и т. д. Во-вторых, литераторы и дипломаты, которых лишь отчасти можно считать авантюристами: Фридрих Мельхиор Гримм, Герман Лафермьер, библиотекарь великого князя Павла Петровича, граф де Сегюр, Виван Денон. И наконец, те писатели, которые мало или почти никак не связаны с Россией, но складом характера, манерой поведения, непредсказуемыми поступками и неладами с властями весьма напоминают искателей приключений: шевалье Шарль де Фье де Муи, Жан-Батист де Буае маркиз д’Аржанс, Франсуа Антуан Шеврие, Мобер де Гуве, аббат Анри Жозеф Дюлоран, Пьер Огюстен Карон де Бомарше, Карло Гольдони, Лоренцо да Понте. Да и великим философам, в первую очередь Вольтеру, любовь к Просвещению отнюдь не мешала ухаживать за переменчивой Фортуной. Не вписываются в указанные хронологические рамки знаменитый трагист XVII в. аббат де Шуази и его современник, авантюрист Бризасье. Но, разумеется, я буду обращаться к их творениям и судьбам для сравнений, для восстановления культурного и социального контекста.

Нельзя сказать, что авантюристы Просвещения вовсе не привлекали внимания исследователей. Существует капитальная диссертация Сюзанны Рот «Приключение и авантюристы XVIII века. Опыт литературной социологии» (1980)¹⁰, где, пожалуй, впервые дан социальный и психологический анализ этого феномена, собран большой фактический материал. Весьма интересны по идеям и по материалу эссе Стефана Цвейга о Казанове, вошедшее в книгу «Три поэта своей жизни» (1928), монографии Франца Функ-Брентано¹¹ и, разумеется, Роберта Дарнтон¹². Существует огромное число работ, посвященных знаменитым авантюристам, в первую очередь Калиостро, д’Эону, Казанове. Но очень многие из них грешат неточностями, идущими от неразличения правды и вымысла, персонаж подгоняется под легенду. Так, кавалерша д’Эон превратилась в предвестника и глашатая идей феминизма. Подлинный текст мемуаров Казановы, хранимый издательством Брокгауз, стал доступен читателям только

¹⁰ Roth S. *Aventure et aventuriers au XVIIIe siècle. Essai de sociologie littéraire*. Thèse, Lille, 1980. Т. 1–2.

¹¹ Funck-Brentano F. *Figaro et ses devanciers*. Paris: Hachette, 1909.

¹² Я пользовался французскими переводами: *Darnton R. Bohème littéraire et Révolution*. Paris: Gallimard; Seuil, 1983; *La fin des Lumières*, Paris: Perrin, 1984, и др.

в 1962 г.; история рукописи и ее переделок напоминает авантюрный роман¹³. До этого исследователям приходилось довольствоваться обработкой Лафорга, который переписал эротические эпизоды, выбросив все гомосексуальные приключения, изменил стиль и взгляды Казановы, сделав из католика и противника Революции чуть ли не атеиста и демократа. Разумеется, биография славного венецианца изучена очень неплохо благодаря трудам Шарля Самарана и Джона Райвеса Чайдлса, а также специализированным «казановедческим» журналам (*Pages casanoviennes*, *Casanova Gleanings*, *Intermediaire des casanovistes*). Многие неизвестные тексты были опубликованы в 1993 г. как приложение к парижскому изданию «Истории моей жизни» (издательство Лаффон). Но все же пока отсутствует полное издание переписки Казановы и посвященного ему словаря, работа над которыми ведется.

Для раскрытия понятия приключения, взаимоотношений авантюристов и общества для меня были принципиально важны книги и статьи философов, социологов и психологов: Гюстава Лебона, Жана Габриеля Тарда, Зигмунда Фрейда, Георга Зиммеля, Карла Абрахама, Норберта Элиаса, Эриха Фромма, Владимира Янкелевича и др.

При изучении российских приключений рыцарей удачи я опирался в первую очередь на работы историков Е. П. Карновича¹⁴, Д. Ф. Кобеко, В. А. Бильбасова, А. Барсукова, а также на статьи М. П. Алексеева, М. Н. Поповой, П. Н. Беркова. Отмечу, что тема самозванчества достаточно подробно разработана современными исследователями: сошлюсь на труды К. В. Чистова, Б. А. Успенского, А. С. Мыльникова, Л. В. Светлова, М. Д. Курмачевой, А. Л. Топоркова, К. С. Ингерфлома и др. Но все же мне удалось найти ряд новых материалов об авантюристах в русских и зарубежных архивах.

Я выражаю искреннюю признательность за ценные замечания и помощь в работе сотрудникам Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, где была написана эта книга, а также коллегам из Центра по изучению XVIII века (Монпелье), администрации Дома наук о человеке (Париж) и ее руководителю Морису Эмару, Британской Академии и Фонду Вольтера (Оксфорд), Институту философии (Неаполь), благодаря которым я получил возможность работать в европейских библиотеках и архивах.

Данная книга представляет собой расширенный и переработанный вариант французского издания (*Les Aventuriers des Lumieres*. Paris: Presses Universitaires de France, 1997). Основные ее положения были представлены в виде докладов на международных конгрессах и конференциях, первоначальные варианты некоторых глав были опубликованы как статьи. Они легли в основу курсов лекций, прочитанных в 1995–1997 гг. в Университете Поля Валери (Монпелье) и Высшей Нормальной школе (Париж).

¹³ *Watzlawick H. Biographie d'un manuscrit // HNV. Т. 1. P. XV–XXVIII.*

¹⁴ *Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб.: Суворин, 1884.*

Глава 1

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лики авантюриста

В каждую эпоху создаются свои правила поведения, которым следуют как литературные персонажи, так и реальные люди. Набор возможностей ограничен, и, более того, выбор их заранее обусловлен социальным положением, состоянием, полом, возрастом, национальностью человека. Если в нынешних семьях первенец не имеет преимуществ перед другими детьми, то в прежнее время очередность рождения предопределяла судьбу. Так, во Франции XVII–XVIII вв. старший сын аристократа, наследник титула, шел служить в армию; второй сын избирал духовную карьеру, третий становился мальтийским рыцарем и, так же как второй, давал обет безбрачия. Это позволяло не делить титул, поместья и должности, которые закреплялись за семьей, передавались по наследству, покупались и продавались. Юный Поль де Гонди, будущий кардинал де Рец, герой Фронды, после смерти одного из братьев стал вторым по старшинству и был вынужден принять сан. Чего только он ни вытворял, дабы обмануть судьбу: грешил, дрался на дуэлях, соблазнял женщин, устраивал заговоры, снаряжал полки, и все напрасно – он оставался прелатом. Ему на роду было написано сделаться коадьютором, архиепископом Парижским, кардиналом.

Младшим детям нет места в семьях, тем более небогатых. Подобно сказочным «третьим сыновьям», они вынуждены пробиваться в жизни и поступать иначе, чем старшие. Потому в XVII–XVIII вв. южане заполняют Париж, пытаясь всеми правдами и неправдами сделать карьеру. Эдмон Ростан в «Сирано де Бержераке» воспекает младших сыновей Гаскони¹⁵, но в романах и комедиях Просвещения они предстают не столько как смелые воины («Мемуары господина д'Артаньяна» (1700) Куртиля де Сандра), сколько как бахвалы и пройдохи. Тех дворянских дочерей, которым можно было выделить приданое, выдавали замуж, остальных нередко насильно отправляли в монастырь (классический пример – «Монахиня» Дидро).

Соответственно, для каждого типа карьеры – дипломатической, военной, судебной (парламентской), духовной – существовали свои предписания и нормы. Но есть определенный тип людей, которым социальные рамки, напротив, помогают переходить из одной категории в другую, использовать все возможности. Это авантюристы. С точки зрения традиционного общества социальная мобильность – недостаток, если не угроза. Понятие «авантюрист» в XVII–XVIII вв. носит уничижительный характер. Согласно «Словарю Французской Академии» (1694), слово это первоначально обозначало волонтера, который жалованья не получает, но от нарядов и других армейских тягот избавлен. Затем по аналогии оно стало применяться к тем, кто, не влюбляясь ни в одну женщину, добивается расположения всех, к тем, кто похождениями пытается составить состояние. Через полвека «Универсальный торговый словарь» добавит, что авантюрист – темная личность, человек, у коего нет ни кола, ни двора, но который нагло лезет во все дела; всякому негоцианту следует их опасаться¹⁶. По сути, словари точно определяют судьбу искателя приключений: ничего не иметь, ни к чему не привязываться, избегать работы и семьи и все считать своей вотчиной.

¹⁵ «Дорогу гвардейцам гасконским! Мы дети одной стороны, И нашим коронам баронским И нашим мечам мы верны» (IV, 10). Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

¹⁶ Dictionnaire de l'Académie (1694), Dictionnaire universel de commerce (1750) – Roth S. Op. cit. P. IX–XI.

Робер Мартен Лезюир, автор романа «Французский авантюрист» (1782), сразу же уточняет в предисловии, что его герой «не интриган и не мошенник, как можно вообразить, судя по имени его: мы окрестили его *Авантюристом*, ибо с ним всяческие авантюры приключаются»¹⁷. В реальной жизни подобный человек не столько переносит удары судьбы, сколько притягивает, ищет их. Для него приключения – вернейший путь к преуспеянию. Всегда и везде он посторонний, он «всеми принят, изгнан отовсюду». Рыцарь удачи не может и не хочет делать карьеру проторенными путями, как то положено дипломату, финансисту, военному или судебскому чиновнику. Он как бы аккумулирует энергию, которая не находит применения в стабильном, неменяющемся обществе. Он – паразит, необходимый для хорошего функционирования социального механизма, он – смазка, помогающая вертеться колесам государственной машины. Авантюрист служит посредником между странами, культурами и социальными слоями, между жизнью и смертью, между нашим и потусторонним, подземным миром, между мужским и женским началом, между искусством и реальностью.

Авантюрист – всегда мессия, пророк, он тот, кто нравится и вводит в соблазн, кого подсознательно ждут с нетерпением. Он равно привлекает мужчин и женщин. Потому внешность его не может быть ординарной: он поражает взоры, он не остается незамеченным в обществе. Он огромного роста (Казанова, Даррагон, Пикте Великан) или, напротив, коренастый, мощный, широкоплечий (Сен-Жермен, граф Грабянко), он смуглолиц (Казанова, Калиостро), у него горящий магнетический взгляд «почти сверхчеловеческой глубины», прекрасный лик вдохновенного поэта (Калиостро)¹⁸. Он производит впечатление всеведущего, он знает арабский, иврит, латынь, большинство европейских языков, как Сен-Жермен; даже если он человек малограмотный и неважно говорит по-французски, как Калиостро, репутации полиглота это не помеха.

Авантюрист любит хорошо одеваться, подчеркивать свое богатство, демонстрируя или даря перстни с бриллиантами, золотые цепочки и медальоны, табакерки и часы, усыпанные алмазами, меха (Сен-Жермен, Казанова, Калиостро, Степан Заннович); у него великолепные драгоценности, которые, правда, иногда оказываются поддельными.

По свидетельствам современников (дипломата барона Глейхена или г-жи дю Оссе, камеристки маркизы де Помпадур), Сен-Жермен одевался с «великолепной изысканной простотой», «скромно, но со вкусом»¹⁹. Калиостро, напротив, предпочитал пышные восточные наряды, почти театральные костюмы арабского мудреца.

Всякий искатель приключений испытывает слабость к орденам и вымышленным титулам. Но есть и другая его ипостась, отчасти восходящая к алхимической традиции, отчасти к библейскому образу мессии: всевластие скрывается и подчеркивается внешней слабостью, богатство – лохмотьями, всеведение – бездумным прожиганием жизни. Так, по легенде, истинный обладатель философского камня и универсальной панацеи должен выдавать себя за шарлатана, дабы обмануть алчность властей, казаться бедным и больным²⁰. Рыцарь удачи таит от посторонних лицо, имя, знания, судьбу, он – «неведомый философ» (Чуди, С. Заннович)²¹.

С этим связана еще одна характерная черта авантюриста – неопределенность и непредсказуемость. Иногда свидетельские показания полярным образом расходятся, как, например,

¹⁷ *Lesuire R. M. L' Aventurier français*. Londres; Paris: Quillau l'aîné et la veuve Duchesne, [1782]. Т. 1. P. I.

¹⁸ *Mémoires de la baronne d'Oberkirch* / éd. S. Burkard. Paris: Mercure de France, 1989. P. 116; *Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen* / éd. P. Grimblot. Paris: L. Techener fils, 1868. P. 132.

¹⁹ *Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen*. P. 124; *Mémoires de Madame du Hausset sur Louis XV et Madame de Pompadour* / éd. J. P. Guicciardi. Paris: Mercure de France, 1985. P. 109 et sq.

²⁰ *Le Cosmopolite. Nouvelle lumière chimique pour servir d'éclaircissement aux trois principes de la nature (1691)* / éd. B. Roger. Paris: Retz, 1976. P. 19.

²¹ Сам термин встречается еще в сочинениях XVII в. («Приключения неведомого философа при поисках и открытии философского камня», 1646). В масонском трактате «Пламенеющая звезда» (1766) Чуди представляется как член подобного братства; позднее «неведомым философом» именовал себя знаменитый мистик Луи Клод де Сен-Мартен.

в рассказах о черногорце Степане Малом, выдававшем себя за Петра III. Тогда он именуется комедиантом, говорится о женских чертах в его облике²². Искатели приключений, будь то Степан Малый или Сен-Жермен, предпочитают ничего не утверждать напрямую, а намекать, проговариваться; они подогревают фантазию слушателей, которые сами должны раскрыть тайну. Авантюрист всегда находится в переходном состоянии, и потому шевалье д'Эон преподносит себя либо как офицера-драгуна в женском платье, заточенного в монастырь и принужденного заниматься вышиванием, либо как амазонку, деву-воительницу.

Искатель приключений, «обезьяна Бога» (как называли себя алхимики) хочет быть всем, жить тысячью жизней. Новоявленный Протей, он, как в сказке, в мгновение ока меняет свое обличье. Королю-чудотворцу достаточно произнести лишь слово, чтобы рыцарь Фортуны обернулся инженером-гидравликом, военным или финансистом, сочинил на ходу теорию налогов, как то проделывает Джакомо Казанова за время недолгой беседы с Фридрихом Великим. Барон де Чуди издавал в Петербурге по-французски журнал с характерным названием – «Литературный хамелеон» (*Caméléon littéraire*), уподобляя словесность «царскому искусству» преобразования металлов.

Переменчивость, дар импровизации – доминанта характера авантюриста. Он действует под влиянием момента, но, как подчеркивает Казанова в литературном диалоге с российским генералом, шведом Георгом Магнусом Спренгтпортемом, он не зол и не злопамятен²³. Он эгоист и гедонист, любитель наслаждений, женщин, хорошей кухни. Описаниям обедов и застольных бесед уделено изрядное место в «Истории моей жизни», где, согласно французской традиции, еда – такая же форма социальных контактов, как любовь или литературная деятельность.

Профессиональный игрок, искатель приключений суеверен. Он надеется на свою звезду и не забывает поправлять фортуны за карточным столом. Его жизнь не только азартная, но и актерская игра; он комедиант и зритель в одном лице, во всех перипетиях он смотрит на себя со стороны и восхищается собой. Так же поступает и мемуарист, с грустной улыбкой вспоминающий юношеские похождения. «Тогда завершился первый акт моей жизни, – пишет Казанова после лондонской истории с девкой Шарпийон (1763). – Второй – после отъезда моего из Венеции в год 1783-й. Третий, видать, – здесь, где я забавляюсь сочинением мемуаров. Тут комедия окончится, и будет в ней три акта. Коль ее освищут, надеюсь, ни от кого о том не услышу» (НМV, III, 247–248).

Вне общества авантюрист не существует, он всегда должен быть на людях. Он без устали ищет одобрения либо провоцирует окружающих на скандал. Впечатляющий пример подобного театрального поведения дают «Мемуары аббата Шуази, переодетого женщиной» (опубл. 1735): «Пять месяцев кряду я ломал комедию на театре большого города, представляясь девицей...»²⁴ Аббат Франсуа Тимолон де Шуази (1644–1724) снимает уединенный домик в парижском пригороде, чтобы предаться своей страсти к травестии, но при этом сознательно подвергает себя опасности разоблачения: ездит в женском платье в церковь и к духовным лицам, вплоть до кардинала, соблазняет дам и девиц, предвосхищая знаменитые эпизоды из «Фобласа» Луве де Кувре. Он устраивает шутовской брак с девушкой, переодетой юношей. Он отнюдь не скрывается, напротив – о нем пишут в газете. Аббат наслаждается, обманывая и богохульствуя, занимаясь любовью на глазах у кюре; присутствие публики или подсматривающих доставляет ему особое удовольствие. «Я – отменная комедиантка, – уверяет он, – это мое истинное призвание»²⁵. Он с воодушевлением, гораздо подробнее, чем в романах того времени, описывает

²² Соловьев С. М. История России. М.: Мысль, 1994. Т. 28. Кн. 14. С. 295–298.

²³ Casanova G. Dialogue du philosophe S. avec le philosophe K., 1797 – Leeflang M., Stroev A., Watzlawick H. La Correspondance de Giacomo Casanova avec le général Sprengporten // L'Intermédiaire des casanovistes, 1993. P. 1–19.

²⁴ Choisy F. T. Mémoires pour servir à l'histoire de Louis XIV. Mémoires de l'abbé de Choisy habillé en femme / éd. G. Mongredien. Paris: Mercure de France, 1979. P. 290.

²⁵ Ibid. P. 339.

свои наряды, драгоценности, мушки, мебель – костюмы и декорации. Показательно, что только страсть к другой игре, азартной, на время излечивает Шуази от тяги к переодеваниям, но едва он проигрывается дотла, как вновь превращается в графиню де Бар или г-жу де Санси.

Очень характерен для авантюриста выбор пространства: уединенный домик, загородная вилла (*petite maison*) находится на рубеже между столичной и сельской жизнью. Это место интимных свиданий для городской компании, для аристократов, переносящихся в пространство третьего сословия, для тех, кто хочет на время отбросить условности светской жизни, разыграть любовную «пастушескую идиллию» в духе галантных гравюр эпохи. Место приватное и одновременно публичное, ибо тайное пространство привлекает все новых адептов. Разумеется, уединенный домик – изобретение щеголей, а не авантюристов, но и они испытывают к нему слабость. Когда Казанова жил в Венеции, он пользовался домиком (*casino*) на острове Мурано; перебравшись в Париж, он завел виллу «Малая Польша». Да и жить за городом было дешевле, как отмечал тот же Казанова: все товары и продукты покупались без столичной пошлины.

Искатель приключений любит риск, он вечно ставит на кон жизнь и состояние. Он носит маску победителя, но в глубине души хочет быть побежденным. По характеру своему он обязан упускать или отвергать многочисленные возможности обеспечить положение и устроить судьбу, будь то доходное место или богатая невеста. Если он добьется успеха, остановится, то перестанет быть авантюристом. Вот почему Казанова превращает свою шелковую фабрику в разорительный гарем, взяв на содержание всех своих работниц, снабдив каждую домом, прислугой, драгоценностями. Законный брак он почитает могилой, тюрьмой.

Напротив, настоящая, а не метафорическая тюрьма становится для братьев Премислава и Ганнибала Занновичей, для Ивана Тревогина местом вдохновения и прилежной работы: они создают фортификационные планы, пишут литературные сочинения и истории своей жизни. Да и для Казановы побег из венецианской тюрьмы Пьомби, когда он, подобно Богу, сотворил из ничего инструменты и сообщника, был одним из самых ярких событий в его судьбе. Всякое приключение кончается угрозой смерти, изгнанием: Казанову высылали более десяти раз из большинства европейских столиц. Авантюрист может сам напечатать в газетах известие о своей смерти, чтобы сменить обличье, сбить с толку врагов и кредиторов, как то дважды сделал Степан Заннович. И всякий раз он начинает жизнь сначала. Эта логика судьбы как бесконечного цикла взлетов и падений, временных смертей и все новых возрождений действует в плутовском и в приключенческом романе и в реальной жизни.

Новоявленный Вечный жид, искатель приключений всегда в пути, он пересекает цивилизованный мир с запада на восток и с юга на север. Центр его вселенной – Париж, туда он беспрестанно возвращается, побывав, практически обязательно, в Италии, Испании, Голландии, Швейцарии, Англии, Германии, России и Польше. Как для Вольтера, каким он предстает в своих мемуарах, для авантюриста дорога служит универсальным средством от бед, болезней и скуки. Многочисленные рыцари удачи почти всегда следуют по одному и тому же маршруту, останавливаются в тех же трактирах с масонскими вывесками «Звезда Востока» (Амстердам), «У Святого Иоанна», «У Святого Духа». Они посещают одних и тех же людей, встречаются и ссорятся друг с другом. Они и сами замечают сходство их судеб и странствий. В «Критическом разборе „Этюдов о природе“ и „Поля и Виргинии“ Бернардена де Сен-Пьера» (1788–1789) Казанова пишет, что, сам того не зная, он в 1764–1765 гг. с годичным опозданием следовал по стопам Бернардена де Сен-Пьера в России, Польше и Саксонии²⁶. А пятнадцать лет спустя Калиостро повторит маршрут венецианца и встретится в Курляндии, России и Польше с его масонскими «братьями».

²⁶ Casanova G. Examen des *Études de la nature et de Paul et Virginie* de Bernardin de Saint-Pierre. Un inédit, écrit en 1788–1789 à Dux / éd. M. Leeflang et T. Vitelli. Utrecht, 1985 («Documents casanoviens», № 1).

Когда в 1785 г. после пропажи «ожерелья королевы» во Франции разразился грандиозный скандал, авторы памфлетов описывали племя «шарлатанов» и утверждали, что авантюристы наследуют друг другу: Калиостро – Сен-Жермену, тот – серии других, вплоть до Симона Морена, который в 1622 г. был сожжен на костре за то, что выдавал себя за Сына Господнего, а жену за Деву Марию: «Безумства возвращаются под разными именами, но они вечны»²⁷. В анонимном памфлете «Письмо, написанное из Экс-ле-Бена, в Савойе, 20 августа 1788 г. к г-ну де Бомарше от г-на Калиостро» (1788) последовательно сопоставлялись судьбы обоих авантюристов.

Искатели приключений обеспечивают циркулирование информации в Европе и, делясь ею, создают братство посвященных. Они распространяют по миру французский язык (хотя для многих он и не родной), парижские моды, нравы и обычаи, литературные новинки и философские доктрины, а вместе с ними и «французскую болезнь». По подсчетам специалистов, Казанова 11 или 12 раз лечился от четырех различных венерических заболеваний²⁸. Когда в 1740-е годы венецианец во второй раз после годового отсутствия приехал в город Орсару, местный врач бросился к нему на шею с криком: «Благодетель мой, не привезли ли вы еще чего-нибудь новенького?», ибо после первого визита Казановы он был обеспечен практикой на весь год. Сифилис уравнивает мужчин и женщин, сословия и профессии, связывает больных в цепочку ложного братства (напомним аналогичные перечисления больных в «Кандиде» Вольтера), а классическое лечение парами ртути делает тела пациентов похожими на объекты алхимических опытов.

Хотя авантюристы родом из разных краев, но изъясняются они по-французски или по-итальянски. Эти две национальности преобладают, хотя среди авантюристов встречаются русские, далматинцы, немцы, поляки, венгры, швейцарцы. Но, как правило, «северные» страны служат ареной для походов южан. Истинный рыцарь удачи – человек без отчизны, без роду и племени, без возраста, подобно «бессмертному» графу Сен-Жермену, про которого так и неизвестно, испанец он, португальский еврей, француз или венгр, если не русский. Согласно легенде, он якобы не только посетил Россию в 1762 г. по приглашению художника П. Ротари, но был одним из вдохновителей заговора, приведшего на престол Екатерину II, дружил с Григорием и Алексеем Орловыми²⁹. С Д. И. Фонвизиним граф действительно встречался в Германии в 1777 г., писал к П. И. Панину, предлагая открыть способ златоделания. Некий кудесник в письме к императрице Елизавете Петровне именуется Золтыкоф [Салтыков] Альтенклинген (Zoltikof Altenklingen), «швейцарский дворянин, по крови москвитянин» (Gentilhomme Suisse de la race Moscovite), добавив, что имя, разумеется, вымышленное, а проживает он в Голландии. Самозванная княжна Тараканова даже на предсмертной исповеди не захотела открыть своего имени. Когда авантюрист именуется «знатным путешественником», как Сен-Жермен или Калиостро на суде по делу об ожерелье королевы (1786), он объявляет посвященным свою принадлежность к ордену розенкрейцеров и именно в этом качестве излагает свою легенду. Когда Фужере де Монброн, Чуди, Казанова и другие представлялись как «космополит», «свободный человек, гражданин мира», они тем самым декларировали свою принадлежность к масонству – к братству людей вне границ и сословий. Именно так, «космополитами» и «знатными путешественниками», именовались знаменитые алхимики XVII в., в частности Александр Сетон и Михаил Сендивогий. Странники не желают служить какой-нибудь одной нации, они принадлежат к новому племени, племени авантюристов. Как манифест звучит название автобиографической книги Фужере де Монброна «Космополит, или Гражданин мира» (1750).

²⁷ Précis de la vie de Joseph François Borri (1786), Lettre d'un garde du Roi (1786) – *Tatin-Gourier J.-J.* Cagliostro et l'affaire du collier. Pamphlets et polémique. Saint-Etienne: Publications de l'Université de Saint-Etienne, 1994. P. 114–115, 91.

²⁸ Vincent J. D. Casanova, la contagion du plaisir: Divertissement. Paris: O. Jacob, 1990.

²⁹ Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen. P. 132–133; *Andremont P.* Les trois vies du comte de Saint-Germain. Genève: Vernois, 1979. P. 107. П. Андремон предполагает, что Сен-Жермен и Одар – одно и то же лицо, что, безусловно, невозможно.

Авантюрист повсюду чужой. Это его достоинство и главный недостаток. Пересечение границы волшебным образом делает человека знатным, простолюдин превращается в графа, подобно Казанове, Сен-Жермену, С. Занновичу, Калиостро, или в принца, как Тревогин, Карл Иванов и др. Он представляется ко двору, беседует с монархами, дерется на дуэли с аристократами. После поединка с графом Браницким Казанова признался польскому королю Станиславу Августу, что в Венеции не осмелился бы послать вызов патрицию. Новый человек, он быстро входит в моду, вызывает всеобщий интерес. Но колесо Фортуны поворачивается, мода кончается, и авантюрист забыт, если не изгнан и не арестован.

Среди авантюристов дворян немного: барон де Чуди, барон де Билиштейн, шевалье д'Эон (хотя последнему вчиняли иск за перекраивание генеалогии). Искатели приключений – выходцы из третьего сословия, отрекшиеся от своих корней. Авантюрист – предатель, предающий самого себя, предвосхищающий излюбленную Борхесом «тему предателя и героя». Он бежит, прячется от себя за десятками изобретенных им имен и титулов. Так, Сен-Жермен зовется генерал Салтыков, принц Ракоши, граф Цароги, маркиз де Монферат, граф де Беллами, граф де Вельдон; Джузеппе Бальзамо – граф Калиостро, граф Феникс, граф Пеллегрини и т. д. Он проходит масонскую инициацию, дабы обрести свое истинное имя, сокрытое от профанов. Когда Казанову спрашивали, по какому праву он именуется Сейнгальт (это анаграмма его розенкрейцерского имени), он отвечал, что алфавит принадлежит всем и он взял те восемь букв, которые ему понравились, – человек свободен в выборе имени.

Авантюрист не знает или не хочет знать своих родителей. Сен-Жермен слывет внебрачным сыном либо португальского короля, либо принцессы Пфальц-Нейбургской, вдовы испанского короля Карлоса II. Казанова предпочитает считать себя побочным сыном патриция, нежели законным – комедианта, он находит себе богатого и знатного приемного отца, венецианского сенатора Маттео Джованни Брагадина. Авантюрист охотно ставит себя в исходную ситуацию огромного числа романов XVIII столетия, примеряя роль незаконнорожденного или подкидыша. Он вечно ищет покровителя и, как показала Шанталь Тома в своей книге о Казанове, образ короля превращается для него в символический образ отца³⁰.

Детская психологическая травма усиливает чувство одиночества. Авантюрист изначально выключен из среды себе подобных, он иной, и с этой точки зрения он напоминает «низкого» героя волшебной сказки, «глупого» третьего сына или падчерицу-замарашку, которым суждены приключения и превращения. А Казанова до восьми лет не говорил и был дурачком, пока его не вылечила старая колдунья. Ребенок, родившийся в многодетной семье, где никому до него нет дела, или брошенный матерью и воспитанный бабушкой (как Казанова), испытывает недостаток родительской любви. Именно поэтому, став юношей и покинув отчий дом, он хочет всем понравиться, пытается (и вполне успешно) всех соблазнить, входит в доверие – до неизбежного разрыва, бегства, ареста. На вершине успеха отключается психологический защитный механизм, вызывая неминуемое падение. Как показал немецкий психиатр Карл Абрахам в статье «История пройдохи в свете психоанализа» (1925), донжуанство искателя приключений, его внутренняя потребность нарушить закон и оказаться в тюрьме связаны с подсознательным поиском матери, семьи, убежища. Пациент Абрахама, молодой немец, исколесивший Австро-Венгрию во время Первой мировой войны, излечился от тяги к перемене мест, счастливо женившись на женщине значительно старше себя³¹.

Притягательность, искусство нравиться необходимы для того, чтобы составить репутацию, сделать карьеру. Искатели приключений пробуют свое обаяние и на мужчинах, и на женщинах. Гомосексуальные связи, которые были у Чуди, у Казановы (в Турции, во Франции,

³⁰ Thomas Ch. Casanova, un voyage libertin. Paris: Denoël, 1985.

³¹ Abraham K. Histoire d'un chevalier d'industrie à la lumière de la psychanalyse // Idem. Œuvres complètes. Paris: Payot, 1966. T. 2. P. 158–172.

в России), вполне естественны для столь переменчивого и многоликого существа, как авантюрист, не говоря уже о травестии Шуази и д'Эона. В пристрастии к «итальянской любви» памфлетисты обвиняли Калиостро. Активные лесбиянки-соблазнительницы вызывают у Казановы интерес и симпатию, он чувствует в них родственную душу, как, например, в Марколине. Напомним, что по одной из многочисленных психологических интерпретаций Дон Жуан бросает женщин именно из-за своего латентного гомосексуализма: он не находит у очередной жертвы того, что подсознательно ищет и в чем не может себе признаться.

Назовем еще одну причину одиночества: нарциссизм, доходящий до самообожествления. Как уверяет аббат Шуази, любовь к женщине разрушает его счастье: «Хоть я крепко любил ее, себя я любил еще сильнее и мечтал понравиться всему роду человеческому»³². Бог есть любовь, и именно его место желает занять аббат. Казанова вторит Шуази, утверждая, что обманщик хочет видеть весь род людской у своих ног («Разговор философа с самим собой»). Как подчеркивает Мари-Франсуаза Луна³³, венецианец любит разыгрывать роль всемогущего и милостивого божества: «Все семейство бросилось передо мной на колени, молясь на меня как на Бога» (ИМЖ, 594).

Авантюрист, как правило, холост, но почти всегда рядом с ним очередная спутница. Он редко одерживает победы над знатными и богатыми дамами и, если уж это удастся, без зазрения совести пользуется их деньгами и связями. Наследники маркизы д'Юрфе уверяли, что Казанова вытянул у нее не меньше миллиона ливров. Но чаще искатель приключений соблазняет или покупает мещанок и актрис. Именно это заставило маркиза д'Аржанса покинуть родной дом, вызвало гнев его отца; в итоге, избрав после многочисленных приключений незавидную профессию литератора, маркиз довершил «падение» женитьбой на комедиантке. В фонде Степана Занновича в архиве Амстердама немало писем от его поклонниц, но за исключением авантюристки графини Кингстонской все дамы – мещанки, замороженные звучным княжеским титулом.

Во французских романах XVIII в. удачливые крестьяне, солдаты и философы, герои Мариво, Муи, Мовийона, Ретифа, Лезюира и др., ищут состоятельных любовниц и жен; они делают карьеру, поднимаются по социальной лестнице благодаря успеху у женщин. Литература XIX столетия, от Стендаля и Бальзака до Мопассана, закрепила подобный принцип жизнеописания, когда судьба предстает как цепь любовных побед, ведущих на вершину. Естественно, что мемуары Казановы были прочитаны в аналогичной перспективе. Но венецианец знает, что в обществе правят мужчины. Пытаясь преуспеть, добиться места и положения, он обхаживает вельмож, добивается их дружбы. Напротив, женщин он предпочитает покупать.

Профессиональные игроки и плуты зачастую работают на пару, используя женщин как приманку для простаков и как прикрытие – супруги всегда выглядят респектабельнее. Анж Гудар со знанием дела описывает эту технику в трактате «История шулеров, или тех, кто поправляет Фортуну» (1757). Если авантюрист женится и супруги (Анж и Сара Гудар, Алессандро и Серафина Калиостро) отправляются путешествовать по Европе, то, забыв о ревности, они равно пользуются плодами своих побед. Среди поклонников Сары Гудар были король Неаполитанский, граф Алексей Орлов, граф П. А. Бутурлин; за Серафиной, по легенде, ухаживал князь Потемкин.

Отсутствие дома, семьи и родины компенсируется вступлением в космополитическое братство. Авантюрист, как правило, подвизается одновременно в нескольких сообществах: ученых, франкмасонов, комедиантов, игроков. Именно в этих сферах он чувствует себя своим, подключаясь к скрытому от посторонних, но чрезвычайно интенсивному потоку информации, принимая особые нормы поведения.

³² Choisy F. T. Op. cit. P. 298.

³³ Luna M.-F. Casanova et ses Dieux // Europe. 1987. № 697. P. 59–67.

Мир театра подразумевает жизнь единой семьей, вечные скитания, называемые гастролями, отказ от своего «я» ради актерского амплуа. Простолюдины, которые играют королей, меняют имена, костюмы и роли, ищут счастья по всей Европе, которых обожествляют и презируют, отлучают от церкви, так похожи на авантюристов, тянущихся к ним. Казанова упоминает в мемуарах двести актеров и музыкантов – это его семья, его любовницы, его друзья.

Сообщество профессиональных игроков построено по образцу республики, а не семьи. Карточная игра и лотерея воспринимаются как модели человеческой жизни, их закономерности можно просчитать. В теории, игра делает людей равными, дает возможность попытаться счастья, разбогатеть сравнительно честным путем. На практике в этой республике царит строгая иерархия. Внизу – простые игроки, наверху – те, кто ведет игру, банкеты и организаторы лотерей. У них, у «элиты», своя собственная табель о рангах. Анж Гудар в трактате «История шулеров, или тех, кто поправляет Фортуна» рисует иерархию пройдох по образцу масонского ордена³⁴. Он рассказывает об их традициях, обычаях и законах, создает портреты знаменитых картежников. Мир этот он знал не понаслышке.

Братства масонов и ученых во многом восходят к утопическим и мистическим идеям начала XVII в., сформулированным в «Описании христианской республики» (1619) Иоганна Валентина Андреэ, «Новой Атлантиде» Фрэнсиса Бэкона (опубл. в 1627) и «Пути света» (1641) Яна Амоса Коменского³⁵. Путь к идеальному обществу рисуется как восхождение к высшему знанию. На первых ступенях «пути света» ученые добровольно отказываются от брака и создают дружеский круг общения. По достижении седьмой ступени происходит всеобщее возрождение, осуществляемое «универсальной коллегией благочестивых и даровитых людей всех стран», возводится Храм мудрости. Главные инструменты в преображении мира, по Яну Коменскому, – идея всеобщей гармонии, универсального знания и универсального языка. Ф. Бэкон подробно описывает структуру и организацию Ордена Соломонова храма или Коллегии дней творения, где ученые ведут поиск, собрание и изучение всех знаний на земле. Идеи Коменского и его последователя Гартлиба были использованы в Англии при создании первых научных обществ. В XVII в. в Европе возникает представление о том, что все ученые – граждане единой Республики Словесности, где все равны, все дружат и помогают друг другу, стремясь к одной цели, к знанию. В следующем столетии ученая утопия ослабевает и усиливается ее мистический, масонский вариант.

Отзвуки или прямое развитие этих идей возникают во многих утопических сочинениях авантюристов: у Бернардена де Сен-Пьера, Казановы и, наиболее подробно, у Ивана Тревогина. Чуди в посвященной И. И. Шувалову книге «Философ на французском Парнасе, или Игривый моралист» (1754) пишет, что для философа весь мир – отчизна, вселенная – единая республика, чьи самые отдаленные провинции подчиняются целому и соединены теми же пружинами³⁶.

Сам искатель приключений не столько отстаивает идеалы ученого братства, сколько использует их. Авантюрист сражается за свободу, равенство и братство, но для себя одного. Он рекомендует себя гражданином Республики Словесности, чтобы познакомиться со знаменитыми учеными и философами (Галлер, Вольтер, Лафатер), поставить себя на одну доску с просвещенными властителями и тотчас предложить им свои услуги. Искателю приключений нужны границы, чтобы их пересекать, нужна иерархия, чтобы было куда подниматься. Казанова называет себя депутатом Республики Словесности, когда сочиняет для Екатерины II про-

³⁴ Goudar A. L' Histoire des grecs ou de ceux qui corrigent la fortune au jeu. La Haye, 1757.

³⁵ См.: Херасков И. М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX в. // Масонство в его прошлом и настоящем. М.: Задруга, 1914 (репринт М.: Икпа, 1991). Т. 1. С. 1–35.

³⁶ Le Philosophe au Parnasse français ou le Moraliste enjoué. Lettres du chev. de L**. Amsterdam, 1754. P. 138.

ект реформы российского календаря, он делается ученым и литератором, когда ищет места при дворе Станислава Августа.

Искатель приключений пробует десятки профессий: солдата, моряка, педагога, химика (или, чаще, алхимика), финансиста, фабриканта. Казанова был журналистом, офицером, дипломатом, тайным агентом, библиотекарем, актером, скрипачом, адвокатом и священником, он писал математические и исторические трактаты, стихи, пьесы и романы, читал проповеди, организовывал лотереи, заводил фабрики, исследовал рудники, исцелял больных, превращал металлы в золото, а женщину в мужчину. Примерно те же ремесла пробуют искатели приключений, герои комедий Гольдони, романов Лезюира, Гудара, Муи, не забывая, разумеется, о мошенничестве и шпионаже.

У авантюриста остаются при этом две мечты: он хочет служить лично королю, и он хочет писать. Краснобай и графоман, он стремится обменять свои идеи или добытую им информацию на покровительство сильных мира сего, войти в доверие к просвещенному монарху, стать его секретарем, историографом, советником. Искатель приключений бомбардирует государя текстами: письмами, мемуарами, поэмами, проектами, он предлагает переписать его жизнь, превратить ее в произведение искусства, что он уже проделал со своей собственной. Перепробовав все ремесла, авантюрист возвращается к своему истинному призванию – производству, распространению и хранению текстов. Журналист, историк, мемуарист, издатель превращается в библиотекаря.

Подчеркну еще раз: сознание своей культурной миссии отличает авантюриста от заурядного плута. Он размышляет над своим поведением, анализирует подвиги своих собратьев, создает теорию восхождения на вершины жизни. Стратегия антисоциального поведения разрабатывается в мемуарах (маркиз д'Аржанс, Казанова, Калиостро), автобиографических сочинениях («Космополит» Фужере де Монбронна), романах Муи, д'Аржанса, Анжа Гудара, Мобера де Гуве, Шеврие и трактатах («История шулеров» Анжа Гудара).

Слово – не только средство восхождения, но и любимый род оружия, хотя, скажем, Казанова превосходно владеет и шпагой, и пистолетом. Для индивидуалиста худший враг – его двойник. Описание похождения рыцаря удачи становится грозным оружием в руках его соперника. Так, Франсуа Шеврие публично разоблачает своего врага Мобера де Гуве, такого же литератора-авантюриста, в романах-памфлетах «Три плута» (1762), «История жизни Мобера, именуемого шевалье де Гуве, брюссельского газетчика» (1763)³⁷. Казанова нападает на братьев Степана и Премислава Занновичей («Критическое рассмотрение разногласий, существующих между Венецианской и Голландской республиками», 1785), Анжа Гудара («Прозопопея Екатерины II», 1774–1775), Сен-Жермена и Калиостро («Разговор мыслителя с самим собой», 1786)³⁸, критикует Бернардена де Сен-Пьера. Шевалье д'Эон печатно ругался с Анжем Гударом, Тевено де Морандом и Бомарше, что, правда, не помешало ему избить Гудара палкой. Polemические и сатирические функции берет на себя судебный мемуар: под пером шевалье д'Эона, Калиостро, Бомарше юридический жанр превращается в литературный, в автобиографические записки.

³⁷ *Chevrier F.* Les Trois C [Coquins]. S. I., 1762; Histoire de la Vie de H. Maubert, soi-disant chevalier de Gouvest, Gazetier à Bruxelles. Londres, 1763.

³⁸ *Casanova G.* Exposition raisonnée du différent qui subsiste entre la république de Venise et celle de Hollande (1785); Supplément à l'exposition raisonnée... (1785); *Prosopopea Ecaterina II und Istanza* / éd. E. Straub. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1993; *Le Soliloque d'un penseur*. Prague, 1786.

Информационное пространство

Нормативные поэтики редко соответствуют литературному процессу эпохи. Классицистическая иерархия жанров и в XVII, и в XVIII вв. упорно ставила на первое место трагедию, третируя свысока прозаические жанры, порицая роман за вымысел и безнравственность, вовсе не замечая сказку и сказочную повесть. Но, исследуя чужую культуру, легко впасть в аналогичный грех, привычно используя исторически сложившуюся систему авторитетов и ценностей. Правда, уже начиная с 1960-х гг. французские ученые-«восемнадцативечники» переходят от изучения «литературы генералов» к исследованию литературного процесса. Работы по истории чтения, ставшие популярными в 1980-е гг. во многом благодаря усилиям Роже Шартье и его коллег, подтвердили, что в эпоху Просвещения знали и любили совсем иные книги, чем те, что вошли в хрестоматии и учебники. Эротические сочинения продавались вместе с атеистическими под общей рубрикой философских трудов, запрещенных и потому пользовавшихся повышенным спросом. В составленном Робертом Дарнтоном списке из 15 книг, бывших бестселлерами с 1769 по 1789 г., фигурируют пять «скандальных хроник» и памфлетов, три эротических романа (в том числе «Тереза-философка»), «Год 2440» и «Картины Парижа» Мерсье, «Орлеанская девственница» Вольтера, «Система природы» Гольбаха, «История обеих Индий» аббата Рейналя и анонимное «Философское письмо»³⁹. Напомню, что читатель XVIII в. знал совершенно иного Дидро, чем мы, ценя в первую очередь издателя «Энциклопедии». Кроме «Нескромных сокровищ» (1748), его художественная проза при жизни не публиковалась и была известна в лучшем случае лишь полутора десяткам коронованных подписчиков «Литературной корреспонденции» Ф. М. Гримма да нескольким близким людям. «Племянник Рамо», «Жак-фаталист», «Монахиня», ряд политических (в том числе все работы о России) и эстетических («Салоны») сочинений из художественного процесса своего времени полностью выпали.

По традиции история изучает события и судьбы, литературоведение и философия – тексты, а в стороне остается промежуточный слой: слухи, рассказы и легенды, которые обволакивают жизнь людей, задуманные и отброшенные планы, непроизошедшие события. История и литература придают законченный вид клубящейся магне возможностей. Выбор одной из них уничтожает множество остальных. Приняв решение, Гамлет убивает бесконечность и самого себя, он делает будущее предсказуемым, и всеобщая резня становится неотвратимой. Этот промежуточный слой можно определить как подсознание культуры. После открытий Зигмунда Фрейда стало ясно, что человек не сводится к его словам и делам, не по ним надо судить о том, что происходит в душе, а по опискам, ошибкам, снам, случайностям. Думается, что подобную возможность надо предоставить исследованию истории культуры.

Аналогичный подход уже давно возник внутри самой художественной литературы. В романах Натали Саррот подробно описываются кровавые драмы и приключения, разыгрывающиеся на уровне тропизмов, мельчайших бессознательных движений души, тогда как на поверхности не происходит ничего, событий нет, жизнь остается по-прежнему банальной. Проза Борхеса или пушкинский «Евгений Онегин» разрушают единство действия; тождественность персонажей себе и судьбе заменяется перебором противоречивых повествовательных возможностей и литературных масок. В XVIII столетии подобные эксперименты проделывал в своих романах Стерн, подчиняя основное действие отступлениям от него.

Ряд исследователей уже обращались к той малоизученной области культуры, которую можно определить как городской письменный фольклор. Еще в 1929 г. П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон писали, что «даже проникнутой духом индивидуализма культуре вовсе не чуждо

³⁹ Darnton R. The forbidden best-sellers of pre-revolutionary France. New York; London: W. W. Norton, 1995.

коллективное творчество. Достаточно только вспомнить о распространенных в современных образованных кругах анекдотах, о родственных легендам слухам и сплетням, о суевериях и мифах, об этикете и моде»⁴⁰.

Арлет Фарж в книге «Жизнь парижских улиц в XVIII веке» (1979) и последующих работах анализирует незначительные происшествия и слухи, используя полицейские рапорты и доносы бравых горожан. Объектом исторического и семантического анализа становится сама улица, взаимоотношения городских низов с властью, представления о государе⁴¹. Шанталь Тома в книге «Преступная королева» (1989) показывает собирательный фантастический облик Марии-Антуанетты, которую памфлеты превратили в распутную злодейку, дьяволицу, исчадие зла⁴². Сходным образом Антуан де Бек исследует гротескные трансформации, которые в общественном сознании, в картинках и текстах XVIII в. претерпевают тела короля и королевы, олицетворяющие мощь и жизнеспособность государства: к концу века мужское королевское начало из цветущего дерева превращается в сухую мертвую ветвь, а женщина, теряя человеческие черты, становится похотливым животным⁴³. Как показал Роберт Дарнтон, оскорбительно грубый сексуальный код, который использовали памфлетисты и газетчики, нападая на монарха, имел в первую очередь политический смысл: импотенция Людовика XVI трактовалась как неспособность аристократии управлять страной⁴⁴.

Слухи сначала переходят из уст в уста, потом фиксируются в письменных или печатных текстах: рукописных «новостях», литературных корреспонденциях, письмах, газетах, брошюрах, судебных памятных записках (мемуарах), дипломатических донесениях и памфлетах. Тексты, как правило, анонимные, но сохраняющие личностный характер; рассказчик – если не очевидец, то его близкий знакомый. Ссылка на авторитетный источник может либо варьироваться, либо вовсе опускаться за «общеизвестностью» факта, не требующего подтверждений. Слухи рассчитаны на коллективное потребление: новость принадлежит всем, и каждый обязан дополнить и развить по собственному усмотрению исходную информацию.

Активность слушателя предопределяет изменчивость текстов, сохраняющих тем не менее инвариантную структуру. Как в традиционном фольклоре, одна и та же история может рассказываться про разных людей или, напротив, все события циклизуются вокруг одного персонажа. Легенда разрастается и разветвляется, ее целиком или по частям излагают в разных жанрах, от поддельных мемуаров и романов до волшебных сказок, песен, эпиграмм, анекдотов (как это было с Калиостро⁴⁵) или фарсов (как в случае с Марией-Антуанеттой). Письменные тексты дополняются изобразительным рядом: лубочными картинками, гравированными портретами, книжными иллюстрациями, иногда откровенно порнографическими или фантастическими, и тем не менее благодаря своей наглядности играющими роль вещественных доказательств. Происходит процесс, аналогичный тому, который К. В. Чистов описал применительно к русским самозванцам: вместе с именем лжегосударь получает уже готовую легенду, в основных чертах остающуюся неизменной на протяжении нескольких веков⁴⁶. Нередко слухи, распространяющиеся в обществе, восходят к весьма древним архетипам. Рассказ о том, что принц крови похищает детей и принимает целебные ванны из их крови, в 1750 г. вызвал бунт пари-

⁴⁰ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 379.

⁴¹ Farge A. *Vivre dans la rue à Paris au XVIIIe siècle*. Paris: Gallimard, Julliard, 1979.

⁴² Thomas Ch. *La Reine scélérate. Marie-Antoinette dans les pamphlets*. Paris: Seuil, 1989.

⁴³ Baecque A. de. *Le Corps de l'histoire*. Paris: Calmann-Lévy, 1993.

⁴⁴ Darnton R. *Bohème littéraire et Révolution. Le monde des livres au XVIIIe siècle*. Paris: Seuil, 1983.

⁴⁵ Tatin-Gourier J.-J. *Cagliostro et l'affaire du collier*.

⁴⁶ Чистов К. В. *Русские народные социально-утопические легенды*. М.: Наука, 1967.

жан⁴⁷; он не может не напомнить, что подобные обвинения в ритуальных убийствах некогда выдвигались против первых христиан, а вплоть до XX в. против евреев (дело Бейлиса).

Подобный тип информации (рассказы, сплетни, слухи) предполагает непосредственное и повседневное распространение и потребление. В отличие от художественных текстов и исторических событий, которые сохраняются в культуре и в памяти поколений, на другой день новость должна быть забыта и заменена следующей. При этом действует общее правило: интерес события обратно пропорционален расстоянию. Фонвизин в «Письмах из Франции» (1778) писал: «Словом, одна новость заглушает другую, и новая песенка столько же занимает публику, что и новая война. Здесь ко всему совершенно равнодушны, кроме вестей. Напротив того, всякие вести рассеиваются по городу с восторгом и составляют душевную пищу жителей парижских»⁴⁸.

Сверхважное происшествие, такое, как дело об «ожерелье королевы», на долгое время приковывало внимание Европы, порождает лавину полемических текстов. Разнообразие жанров свидетельствует о желании авторов использовать и поддержать интерес публики. А первоначально новость возникает в жанрах, предполагающих ее систематическое порождение и распространение, устное (светская беседа, общение в философском или литературном салоне, дискуссии в кафе) или письменное (письма, донесения, периодические листки). Это тексты относительно короткие, они требуют секрета, доверия, посвященности, близких отношений.

Характерно с этой точки зрения эпистолярное поведение Фридриха Мельхиора Гримма (1723–1807), друга Дидро и недруга Руссо⁴⁹. В течение двадцати лет он рассылал по европейским дворам свою «Литературную корреспонденцию» (1755–1773, затем он передоверил ее Генриху Мейстеру) – своего рода рукописную эпистолярную газету, где каждые две недели сообщал новости парижской культурной жизни. Разумеется, подобных корреспонденций было множество, только при русском дворе их получали три: для Екатерины II писал Гримм, для Павла – Жан-Франсуа Лагарп, для Марии Федоровны – Блен де Сенмор⁵⁰. От своих корреспондентов Гримм требовал строгого соблюдения тайны и весьма сурово выговаривал королю польскому Станиславу Августу за то, что тот давал другим почитать номера. Этикет требовал писать монархам на полулисте, тогда как регулярная переписка предполагала доверительность и потому «Литературная корреспонденция», а затем и частные письма Гримма к Екатерине II пишутся на бумаге в четвертку.

Рукописный характер повышал престижность периодического листка и подчеркивал «интимность» информации, даже если производство было поставлено на поток. «Рукописные вести» (*nouvelles à la main*) в XVIII в. во множестве изготовлялись в специальных конторах, своего рода информационных агентствах. В тех случаях, когда переписчики не могли справиться с большим числом заказов, тексты гравировались на досках и так тиражировались. Первым это стал делать в 1774 г. Рамбо. Так возник гибридный жанр, промежуточный между письменным и печатным (*nouvelles burinées*).

Чем более текст публичен и общедоступен, тем выше степень его предсказуемости. Анри Дюрантон убедительно показал, что в информационной системе Просвещения практически

⁴⁷ Darnton R. *Bohème littéraire et Révolution*. P. 98.

⁴⁸ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 408.

⁴⁹ О биографии Гримма см.: Scherer E. *Melchior Grimm*. Paris: C. Lévy, 1887, о «Литературной корреспонденции» – Kölvig U., Carriat J. *Inventaire de la «Correspondance littéraire» de Grimm* // SVEC. Vol. 225–227. 1984. Подробнее его эпистолярное поведение я разбираю в статье: Stroev A. *Friedrich Melchior Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes, 1755–1804* // *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle* / éd. G. Dulac. Ferny: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2004. P. 55–81.

⁵⁰ Готье Ю. Литературная корреспонденция Блен де Сенмора в Россию // *Литературное наследство*. Т. 29/30. М.: АН СССР, 1937. С. 201–258.

отсутствует то, что составляет ее основу в современную эпоху: голый факт, происшествие⁵¹. Первая французская газета, основанная в 1631 г. Теофрастом Ренодо, была посвящена придворным новостям, предельно регламентированным. Подобно тому как французская проза и драматургия XVIII в. стремится выстроить в логическую цепь хаос случайных событий, привести их к хорошему финалу, дабы восторжествовала мировая гармония (Н. Я. Берковский писал в этой связи о «двойной перспективе» Просвещения⁵²), периодические издания упорядочивают мир, сообщая о вещах предсказуемых и регламентированных свыше. В 1760-е гг. *Gazette de France* отводит первые страницы Турции, России или Польше, где случаются стихийные бедствия, заговоры или мошенничества, тогда как французские новости, помещенные в конце, состоят целиком из официальных сообщений. Конечно, это объясняется в первую очередь тем, что вести печатаются в хронологическом порядке, а вести из дальних стран идут долго. Но контраст очевиден. Совершенно так же «Санкт-Петербургские ведомости» сообщают о европейских скандалах, политических, научных и культурных новостях, опять-таки частенько начиная с Турции. Публикуя летом 1764 г. подробный отчет о поездке Екатерины II в прибалтийские провинции, газета, разумеется, ни словом не обмолвилась о попытке Мировича совершить государственный переворот, о гибели Иоанна Антоновича. Лишь позже будет глухо сообщено о казни Мировича в соответствии с «известным указом». Революции могут происходить в дальних странах, но не дома. В этом смысле можно сказать, что человек и культура Просвещения предпочитают рассказывать о себе не в жанре дневника, а в жанре ежедневника.

В периодическую и литературную корреспонденции политические новости хлынули вместе с Революцией. В отличие от них дипломатические донесения эпохи Просвещения полны слухов, рассказов и домыслов, на основе которых строятся политические гипотезы и делаются прогнозы. Даже в тех случаях, когда дипломат не сочиняет целиком новости, как выдумывал их по лени своей русский посланник в Неаполе граф Федор Головкин (за что и был в 1795 г. отправлен в отставку), он сообщает в первую очередь то, что было бы приятно услышать его правительству, что подтверждало бы правильность «генеральной линии» и подчеркивало собственные успехи. Как сформулировал Ю. Н. Тынянов: «Есть документы парадные, и они врут, как люди». Содержание и характер депеш меняется даже в зависимости от способа их отправки. Поскольку в России вся идущая за рубеж корреспонденция перлюстрировалась, курьеры перехватывались, дипломатические шифры расшифровывались или покупались, французские посланники обязаны были превозносить царствующую императрицу и ее двор (разумеется, аналогичная служба перлюстрации, «черный кабинет», существовала во Франции). Всем памятен был пример маркиза де ла Шетарди, который, излишне доверяясь шифрам, позволил себе нелестно отозваться о Елизавете Петровне и в 1744 г. был за то выслан; дипломатические отношения между Россией и Францией надолго прервались. После этого в 1756 г. шевалье Дуглас, тайный агент Франции, а затем поверенный в делах, наперед представлял свои реляции вице-канцлеру Воронцову перед отправкой в Версаль. Если же текст напрямую шел министру иностранных дел или в отдел секретной переписки короля («Секрет короля»), то картина рисовалась иная, даже в мелочах. Так, шевалье д'Эон в конце 1750-х гг. в донесениях из Петербурга расхваливал роскошь русского двора, а приехав в Версаль, написал, что русские одеваются дурно. Правда, и Денис Иванович Фонвизин, как истинный дипломат, уверял, что одет богаче всех французов: действительно, никто, кроме него, на юге Франции, в Монпелье, ни собольего сюртука, ни горностаевой муфты не носил⁵³.

⁵¹ *Duranton H.* Correspondance littéraire, lettre érudite et périodique: l'espace informatif à l'époque classique // *Correspondances littéraires inédites*. Paris; Genève: Slatkine, 1987. P. 9–20.

⁵² *Берковский Н. Я.* Эволюция и формы раннего реализма на Западе // *Ранний буржуазный реализм*. Л.: ГИХЛ, 1936. С. 5–104.

⁵³ *Фонвизин Д. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 432–433.

Регулярное обсуждение политических событий побуждает строить гипотезы. Госпожа д'Эпине в автобиографическом романе «История г-жи де Монбриан» рассказывает, как женевицы собираются в кружках («серклях»), дабы обсудить европейские новости и дальнейшее развитие событий, как ошибаются, строя прогнозы на почерпнутых на углу новостях. «Я знаю и в Париже подобных оригиналов», – добавляет автор⁵⁴. В романе один из них навлекает беду на Гримма (Волькса), придав их частной переписке политический характер.

Конфиденциальность информации порождает призраки, желаемое выдается за действительное. Так, в начале царствования Екатерины II французские дипломаты усиленно подчеркивали шаткое и неустойчивое положение императрицы, подробно описывали заговоры, борьбу придворных партий, крестьянские бунты и появления самозванцев⁵⁵. Сходным образом в конце века Ф. М. Гримм, заканчивавший свою литературную и политическую карьеру в должности русского посланника в Гамбурге (1796–1798), энергично боролся на бумаге против «якобинского заговора», инспирированного французскими эмиссарами, который окончился всего лишь открытием «Французского дома» (своего рода культурного центра).

Скорость передачи информации заменяет достоверность. Гримм, для которого сочинение писем было профессией, специально подчеркивает это, когда посылает «Литературную корреспонденцию» королю Польши Станиславу Августу в 1767 г. («Будет ли работа, чье главное достоинство состоит в спешности и потому не допускает тщательной отделки, достойной внимания монарха...»)⁵⁶ и дипломатические депеши императору Павлу I в 1798 г. («Поспешность, необходимая при составлении донесений, [...] своевременность которых составляет их первое и обычно главное достоинство, принуждает меня впоследствии исправлять многие неточности...»)⁵⁷.

Чиновники и монархи эпохи Просвещения не презирают слухи, напротив, они целенаправленно и умело их используют. Французская полиция манипулирует общественным мнением с помощью наемных памфлетистов, производит своеобразные опросы населения, запуская слухи в виде пробных шаров⁵⁸. Чтобы управлять, надо предугадывать и предвосхищать. В 1745 г. генерал-контролер финансов Орри рекомендует интендантам «сеять слухи» об увеличении ввозных пошлин, дабы изучить общественное мнение. Он указывает места, где надо проводить опрос (кафе, гульбища), и речевые формы, на которые надо обратить внимание (пересуды, ропот, ругательства, поношение правительства)⁵⁹. Так поступают литературные персонажи: Базиль в «Севильском цирюльнике» описывает клевету как лучший способ уничтожить противника: еле слышный слух разрастается во всеобщий хор гонителей (II, 8). В комедии Екатерины II «Имянины госпожи Ворчалкиной» (1772) пройдохи, желающие выгодно жениться, задумывают: «Пропустим через кого-нибудь слух, что скоро выйдет от правительства запрещение десять лет не венчать свадеб»⁶⁰.

В делах политических императрица охотно использовала намеренную утечку информации. 6 февраля 1791 г. она сообщала своему статс-секретарю А. В. Храповицкому: «Послано письмо к Циммерману в Ганновер по почте, через Берлин, дабы через то дать знать прусскому королю, что он турок спасти не может. Я таким образом сменила Шуазеля [французского мини-

⁵⁴ *Épinay L. d'. Les Contre-confessions. Histoire de madame de Montbrillant / éd. É. Badinter et G. Roth. Paris: Mercure de France, 1989. P. 1262.*

⁵⁵ 17 сентября 1765 г. маркиз де Боссе доносил, что слухи упорно ставят во главе восставших княгиню Дашкову и брата императора Иоанна. – ААЕ. СР. Tables analytiques. Т. 146.

⁵⁶ Ф. М. Гримм к Станиславу Августу, Париж, 1 февраля 1767 – Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin / éd. Ch. de Moüy. Paris: E. Plon, 1875. P. 269.

⁵⁷ Ф. М. Гримм к Павлу I, Гамбург, 12 (23) февраля 1798 г. – АВПРИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 296. Л. 59.

⁵⁸ *Darnton R. Bohème littéraire et Révolution. P. 98.*

⁵⁹ *Ozouf M. Le Concept de l'opinion publique au XVIIIe siècle // Idem. L'Homme régénéré: Essais sur la Révolution française. Paris: Gallimard, 1989. P. 21–53.*

⁶⁰ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб.: Академия наук, 1901. С. 68.

стра иностранных дел в первую Русско-турецкую войну. – А. С.], переписываясь с Вольтером». На это Храповицкий ответил 5 августа 1791 г.: «...а ныне по корреспонденции с Циммерманом сменили Герцберга»⁶¹. Для достижения высших политических целей Екатерина II распускала порочащие ее слухи. Чтобы доказать свое русское происхождение, она намекала, что она – внебрачная дочь И. И. Бецкого, который и сам был незаконнорожденный; чтобы лишить права на престол своего сына Павла, государыня в мемуарах давала понять, что родила его от Салтыкова, а не от Петра III.

Когда в 1782 г. император Иосиф II с тревогой извещал Екатерину II, что прусский король Фридрих II проведал о намечающемся секретном союзе между Австрией и Россией, царица успокоила его: «Когда император Петр I бывал занят каким-либо важным замыслом, он имел обыкновение посылать на рынок послушать, о чем там толкуют, и часто оказывалось на поверку, что там говорили именно о том самом, что в это время занимало и его мысли. Причина этого, я думаю, заключается в том, что мысли, вызываемые самим ходом событий, зарождаются разом не в одной голове; бывает и так, что люди утверждают что-нибудь такое, что им в самом деле неизвестно, для того только, чтобы узнать, верно ли они угадали»⁶².

Изящное словцо Екатерины II: рынок говорит о том, о чем думает государь, – позволяет вернуться к людям, для которых распространение новостей было профессией. Идеи Просвещения смогли, по известной формуле, овладеть массами и стать материальной силой, проникнуть во все страны и социальные слои потому, что была создана информационная среда: тексты – люди – пространство. Как показал в ряде книг и статей Роберт Дарнтон, во Франции XVIII в. культура, подобно обществу, организована по корпоративному принципу⁶³. Художественные, философские или экономические открытия приходили к читателям через огромное число культурных посредников – эпигонов и компиляторов. На материале французской прозы этого времени отчетливо видно, как новые повествовательные модели, созданные талантливыми авторами, в первую очередь Мариво и Кребийоном, далее усиленно эксплуатируются подражателями; великие писатели, как правило, трансформируют и ломают уже готовый канон. Огромную массу текстов создавали толпы профессиональных литераторов, те, кого презрительно именовали писаками, литературной богемой, *Rousseau des guisseaux*. Одних только романов и повестей во второй половине столетия вышло более двух тысяч; брошюр, едва ли не основного рода чтения, было много больше, не говоря уж о потоке революционной публицистики.

Любимые жанры литературных поденщиков, «почтовых лошадей просвещения», – это компиляции и проекты новых сочинений. Сохранилось полторы сотни «издательских заявок», которые подал в Типографическое общество Невшателя аббат Ле Сени: романы, история, философия, в том числе задумал он «Письма русского философа на различные литературно-критические темы»⁶⁴. Антуан Ла Барр де Бомарше в «Серьезных и шутивных письмах» (1733) разоблачал секреты «литературных авантюристов», выдающих себя за ученых. Абсолютно невежественные и слишком бедные, чтобы купить научные труды, они сами сочиняют их, черпая знания из словаря Пьера Бейля и книг, стыдливо спрятанных библиотекарями. Они выполняют заказы издателей, которые заранее дают им план будущих творений⁶⁵. Г. И. Бужан в 1735 г. с презрением писал о литераторах-«пришивальщиках», заполонивших страну

⁶¹ Дневник А. В. Храповицкого. М.: Моск. университет, 1901. С. 208–209, 216.

⁶² Екатерина II к Иосифу II, 18 (29) октября 1782 г. – РА, 1880. Кн. 1. С. 296. Оригинал по-французски: *Joseph II und Katarine von Russland. Ihr Briefwechsel / von Alfred von Arneth*. Wien: W. Braumüller, 1869. P. 168. 16 (27) августа 1775 г. Екатерина II использует те же формулы в письме к Гримму – СБРИО. Т. 23. С. 31.

⁶³ *Darnton R. Bohème littéraire et Révolution*. P. 23.

⁶⁴ *Darnton R. Gens de lettres, gens du livre*. Paris: O. Jacob, 1992. P. 18.

⁶⁵ *La Barre de Beaumarchais A. Lettres sérieuses et badines*. La Haye: J. Van Duran, 1733. Т. 8 (Lettre XVII. Secret qu'ont les Aventuriers littéraires de passer pour des savants). P. 262–278.

Романсию⁶⁶. Муи утверждал в предисловии к роману «Финансист» (1756): «Чтобы писать, как делает подавляющее большинство, нужны лишь вкус и усердие, дабы просматривать книги в избранном жанре и пользоваться знаниями талантливых людей»⁶⁷.

Подобно искателям приключений, авторы мгновенно реагируют на запросы публики и книгоиздателей, предлагая и производя тексты почти из любой области гуманитарных знаний. Не успели еще выйти четвертая и пятая часть «Удачливого крестьянина» Мариво (1735–1736), как шевалье де Муи начинает печатать «Удачливую крестьянку» (1735), выпуская по части в месяц как «роман с продолжением» (всего двенадцать частей). Никола Ретиф де ла Бретонн, профессиональный типограф, бывало, сочинял книги прямо в процессе набора, на двенадцать томов у него уходило двадцать четыре дня.

Те, кто должны писать, чтобы жить, делают людей и события популярными, превращая их в тексты, по сути пересоздавая их (как в наши дни поступает телевидение). Самые грозные публицисты берут деньги за то, чтобы не печататься. Газетчик Тевено де Моранд, виртуоз политического и литературного шантажа, заранее предлагал заинтересованным лицам скупить на корню и уничтожить тираж только что испеченного им памфлета. В 1775 г. в Лондоне шевалье д'Эон, а затем Бомарше по распоряжению короля выторговали у него памфлет против фаворитки, госпожи дю Барри. В 1783 г. все в том же Лондоне Анж Гудар скупал подобные скандальные сочинения по приказу Версаля.

Движение информации в обществе и в культуре шло параллельно, снизу вверх и сверху вниз. Событие рождало слух и далее последовательно трансформировалось в «устные вести» (*nouvelles de bouche*), «рукописные вести», памфлеты, периодику и, наконец, книги. Если произведение, спектакль или доктрина становились художественным или научным событием, то сведения о нем могли распространяться либо уже известным путем, либо в обратной последовательности: книги – периодика и письма – слухи. Тогда в конце цепочки обычно оказывались путешественники, пересказывающие вести из Парижа. Аналогичным образом новости циркулировали в обществе, либо расходясь концентрическими кругами от малого числа избранных к широкой публике: посвященные, близкие друзья – салон – ученое сообщество, Академия – лавка книгопродавца – масонская ложа – театральная ложа – кафе – места публичных прогулок (Тюильри, Пале-Рояль), либо, напротив, приходя с улицы, становились предметом для обсуждения в кафе и салонах, дабы потом попасть к издателям и превратиться в книги⁶⁸.

Разумеется, информационное пространство Просвещения не было однородным, оно разделялось на группы и партии. В первую очередь, по социальному признаку: литературная богема дискутировала в кафе (Дидро в «Племяннике Рамо» описывает жизнь парижских кафе, превратившихся, по сути, в клубы), элита собиралась в салонах. Во время революции салоны и кафе строго делились по политическим пристрастиям, при Людовиках кружки враждовали по идейным или личным причинам. Энциклопедисты собирались у Гольбаха и Неккера (причем г-жа Неккер так старательно готовилась к приему ученых гостей, что заранее программировала беседу, наперед записывала вопросы и остроумные реплики), у г-жи Жоффрен. А ее дочь, маркиза де ла Ферте-Эмбо, в пику матери стала королевой созданного ею шутивного ордена Лантюрюлю, высмеивавшего ученые штудии⁶⁹. Ее четверги охотно посещали иностранные дипломаты и знатные приезжие. По рекомендации Гримма, декана ордена, принц Генрих Прусский и великий князь Павел Петрович прошли в Париже пародийный обряд посвящения. Гримм принимал в орден новых членов и во время своих поездок за границу (так, в Риме он,

⁶⁶ *Bougent G. H. Voyage merveilleux du prince Fan-Féredin dans la Romancie. Paris: Lemerrier, 1735.*

⁶⁷ Cit. d'après: *Coulet H. Le Roman jusqu'à la Révolution. Paris: A. Colin, 1967. T. 2. P. 148–149.*

⁶⁸ *Darnton R. The forbidden best-sellers of pre-revolutionary France.*

⁶⁹ *Photiades C. La Reine des Lanturelus Marie-Thérèse Geoffrin, marquise de La Ferté Imbault (1715–1791). Paris: Plon, 1928.*

видимо, посвятил кардинала де Берниса)⁷⁰. Лантюрлю были в моде, и шуточный сан помогал Гримму вызывать интерес у коронованных особ, от Италии до России, в частности у Екатерины II⁷¹. Подобные «игровые» корпорации вполне характерны для XVIII в.: за столом у актрисы Жанетты Франсуазы Кино собирались граф де Келюс, д'Аламбер, Дидро, Руссо, Мариво и др. В этом «Обществе края скамьи» за регулярные обеды расплачивались импровизированными рассказами, из которых потом составлялись сборники.

Знаменитые авантюристы, такие как Калиостро, манипулировали общественным мнением, апеллировали к нему, дабы обелить себя и повлиять на судей. Они заботились о своей популярности, печатали в газетах хвалебные статьи и интригующие объявления (д'Эон, С. Заннович); о поле кавалерши д'Эон англичане держали пари. Но популярность может сослужить дурную службу, вызвать преследования властей, что и произошло с Калиостро. Человеку известному трудно скрыться: Степана Занновича узнали и разоблачили по портретам, которые он сам велел изготовить в большом количестве. Поэтому искатели приключений нередко предпочитают конфиденциальные, а не публичные информационные каналы. Они используют уже существующие связи и создают свои собственные.

Прежде всего это осведомительство и шпионаж. Сложившаяся во Франции система распространения вестей, «устных» и «рукописных», предполагала наличие целого штата вестовщиков. Во многих знатных домах был свой платный осведомитель, получавший около десяти ливров в месяц. Подобно «Хромому бесу» Лесажа, они как бы снимали крыши домов, подслушивая и подсматривая, вытаскивая тайны на свет божий. Некоторые вестовщики проникали в салоны и министерства, пользуясь вымышленным титулом: так, некий авантюрист Франсуа Бушар выдавал себя за виконта де Монтемайора, наиболее важные новости он, подобно дипломатам, шифровал⁷².

Такого персонажа, чья жизнь посвящена поиску и распространению новостей, причем нередко весьма полезных, описывает Кантемир в третьей сатире: вестовщик Менандр,

С зарею восставши, везде побывает,
Развесит уши везде, везде примечает,
Что в домах, что на улице, в доме и в приказе
Говорят и делают, кто где с кем подрался,
Сватается кто на ком, кто где проигрался,
Кто за кем волочится, кто выехал, кто въехал,
У кого родился сын, кто на тот свет съехал⁷³.

Надо было быть в курсе всех событий не только для развлечения и светской беседы, но дабы не пропустить перемен при дворе, выдвижения нового фаворита, возможности получить место или бенефиций. Соединение престижности и полезности породило, как уже говорилось, большой спрос на периодические выпуски вестей, изготовлявшиеся в специальных конторах как для избранной, так и для широкой публики. Добытчики и распространители устных и письменных вестей объединялись, конкурировали, постоянно занимались плагиатом. Рукописные газеты и их «редакции» выполняли роль адресных и справочных столов, бюро объявлений и даже службы знакомств. Распространяли новости женщины, продавцы лимонада, официанты в кафе, кабатчики. За рубеж вести вывозить запрещалось, контрабандисты-газетчики попадали

⁷⁰ Гримм к маркизе де ла Ферте-Эмбо, Рим, 21 февраля 1776 г. – BL. Add. Mss 39, 673. Fol. 175–176.

⁷¹ Екатерина II к Гримму, Тверь, 21 января (1 февраля) 1775 г. – СБРИО. Т. 23. С. 13–15; Гримм к Екатерине II, Париж, 5 (16) июня 1782 г. – СБРИО. Т. 44. С. 219–220.

⁷² *Funck-Brentano F. Figaro et ses devanciers*. P. 21.

⁷³ *Кантемир А. Сатиры и другие стихотворения*. СПб.: Академия наук, 1762. С. 44.

в тюрьму. Годовая подписка на престижные «листки», например на «Французского наблюдателя» Шеврие (*Le Spectateur français*), стоила 240 ливров⁷⁴.

Одним из самым популярных было «агентство» шевалье Шарля де Фье де Муи (1701–1784), плодовитого прозаика и полицейского осведомителя. Бюро его официально существовало с 1744 г. на улице Сент-Оноре, но фактически работало с 1730-х гг. Создавая скандальные, литературные и с 1742 г. светские хроники, Муи использовал полученную из полиции информацию, а взамен делился своей. Добывая новости, он и в замочные скважины подсматривал, как сам рассказывал. Услугами его пользовались многие, вплоть до Вольтера (1736, 1738–1739) и герцога Лотарингского Станислава Лещинского (1741–1747). Муи безуспешно пытался стать литературным корреспондентом Фридриха II, издавал в 1751 г. газету «Мотылек, или Парижские письма» (*Papillon, ou Lettres parisiennes*). Человек он был полезный, но опасный, пользовался в Париже скандальной славой и в Бастилию попадал несколько раз, в 1741 и 1745 гг.

Литературные вести шевалье де Муи распространялись и за рубеж, в том числе в Россию. В 1730-е гг. через Академию наук они поступали некоему высокопоставленному вельможе: может быть русскому, а может быть – одному из фаворитов-французов Елизаветы Петровны, маркизу де ла Шетарди или Лестоку⁷⁵.

Другим авантюристам также приходилось сотрудничать с полицией, частенько арестовывавшей их. Делали это Анж Гудар, видимо, Фужере де Монброн и, увы, Казанова. После многолетних скитаний венецианец смог вернуться на родину, став осведомителем той самой государственной инквизиции, что заточила его в Пьомби, тюрьму под свинцовой крышей. Сохранились его доносы (1774–1782): Казанова выдавал знакомых, причем сообщал именно о том, за что сам поплатился, – о плутнях, о театральные шашнях, о распутном поведении, о хранении безбожных и непристойных книг, о связях с иностранцами (венецианская знать не имела права видаться с чужеземными посланцами).

Чуть более почетным было ремесло секретного агента. Во Франции их вербовали сразу две службы: министерство иностранных дел и «Секрет короля», созданный Людовиком XV, чтобы всех контролировать и проводить свою политику втайне от министров и, главное, от всесильной фаворитки, маркизы де Помпадур⁷⁶. Обе службы частенько соперничали, что вносило путаницу в дела, разрушало субординацию, и дипломаты частенько не знали, кого им слушаться. Д'Эон, работавший на разведку, отказался в 1763 г. сдавать дела и архив новому посланнику в Лондоне де Герши, ссылаясь на секретное письмо короля. Когда в начале 1760 г. граф Сен-Жермен был отправлен маршалом де Бель-Илем и королем в Гаагу, чтобы начать тайные переговоры о заключении сепаратного мира с Англией и Пруссией, министр иностранных дел граф де Шуазель, проведав об этом, настоял на публичном дезавуировании Сен-Жермена и высылке его из Голландии⁷⁷. Фридрих II заинтересовался предложением графа Сен-Жермена, хотя писал, что трудно поверить, что в посредники выбран человек, которого иначе как авантюристом не назовешь (*Qu'on ne saurait envisager que comme un aventurier*); граф де

⁷⁴ *Funck-Brentano F.* Op. cit. P. 49.

⁷⁵ Муи к Л. Эйлеру, Париж, 6 ноября 1739 [?] г. – Тарту, 5/2023. См. также ААН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 166–171.

⁷⁶ Из сочинений на эту тему см.: *Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc.* / éd. M. E. Boutaric. Paris: E. Plon, 1866; *Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV* / éd. D. Ozanam, M. Antoine. Paris: Klincksieck, 1956–1961, 2 t.; *Perrault G.* Le Secret du Roi. Paris: Fayard, 1992–1996, 3 t.

⁷⁷ *Souvenirs de Charles-Henri baron de Gleichen.* P. 130–131. Д'Аффри, французский посол в Голландии, в своих донесениях Шуазелю от 22 февраля, 7, 10 и 14 марта, 8 и 25 апреля 1760 г. пишет о финансовых проектах Сен-Жермена, о том, что тот хочет добиться для Франции огромного займа. – ААЕ. СР. Hollande. Vol. 503. Fol. 154, 200, 212–213, 217–218, 312, 383, etc., publ. *Langeveld L. A.* Der Graf von Saint-Germain. Berlin: E. S. Mittleret; La Haye: W. P. van Stockum, 1930. P. 285–287). П. Андремон называет сумму (30 миллионов флоринов), но полагает, что денежные дела служили прикрытием дипломатических интриг. См.: *Andremont P.* Les Trois vies du comte de Saint-Germain. P. 89.

Шуазель именовал его «первостатейным авантюристом» (*aventurier du premier ordre*)⁷⁸. В официальном заявлении д'Аффри от 30 апреля 1760 г., опубликованном в Голландии, говорится, что «Его Величество приказывает объявить этого авантюриста человеком, не заслуживающим доверия» (*réclamer cet aventurier comme un homme sans aveu*)⁷⁹.

На французскую разведку работали Казанова и Бернарден де Сен-Пьер (в 1764 г. он выполнял секретные задания в Польше, поддерживая антирусскую партию)⁸⁰. Анж Гудар работал на французского посла в Лондоне де Герши, посылал донесения послу в Риме кардиналу де Бернису. В 1769 г. он выпустил эпистолярный роман «Китайский шпион» (не без помощи Казановы, перу которого принадлежат несколько писем) – парафраз «Персидских писем» Монтескье. Под видом китайцев, которые доносят императору о положении дел в Европе, он, по сути, изобразил самого себя. Образ писателя-шпиона, постороннего, который ведет путевой дневник или посылает письма, фиксирует свои впечатления, сатирически разбирает по косточкам чужую жизнь, пытается постичь скрытый смысл событий, как нельзя лучше соответствует жизни искателя приключений.

Услуги тайного агента неплохо оплачивались. Казанова даже считал, что государство бросает деньги на ветер. В начале Семилетней войны, в 1757 г., он получил 500 луидоров за инспекцию французского флота в Дюнкерке, так и не поняв смысла своей поездки (видимо, король хотел удостовериться в готовности войск произвести высадку в Англии; в эту пору в туманном Альбионе шевалье д'Эон готовил план высадки). Но главная награда для шпиона – быть признанным властью, возможность получить место или пенсия, хотя бы для этого и пришлось предать родину, как это сделал барон де Чуди.

Барон приехал в Россию после скитаний по Европе. Он жил в Голландии и в Италии (в 1745 г. принимал участие в работе неаполитанских масонских лож). За памфлеты, направленные против папы Бенедикта XIV, осудившего масонство⁸¹, он был арестован в Неаполе и бежал. В Петербурге он жил под своим литературным псевдонимом, шевалье де Люси; ни рекомендаций, ни грамот, подтверждающих его настоящее имя и дворянское происхождение, у него не было, а потому он не мог рассчитывать на хорошую должность. Даже главный его покровитель, фаворит Елизаветы Петровны И. И. Шувалов, сделавший Чуди своим секретарем, опасался, не помогает ли он авантюристу. Поместив в «Литературном хамелеоне» сатирический портрет вельможи, весьма похожего на А. Г. Разумовского, француз навлек на себя немилость. В 1756 г. Чуди принужден был поехать проведать отчизну и повстречал по дороге в Риге французского агента Мейссонье де Валькруассана. Тот доверил соотечественнику секретное донесение. Вместо того чтобы послать письмо в Польшу по агентурной сети, Чуди через рижского вице-губернатора генерала Воейкова отправил донесение в Петербург Шувалову – именно затем, чтобы предательством подтвердить свою преданность, заменить рекомендации доносом: «Я благодарю случай, доставивший мне возможность дать несомненное доказательство моих чувств... Привязанность к России продиктована щепетильностью моею, а не рекомендациями, коих представить не могу... Они необходимы человеку неизвестному, но я таковым не являюсь, и если перемена имени на некоторое время подвергла меня нападкам черни и прислуги, ибо всегда людей чести поносят те, у кого ее нет, то я надеюсь, что впрямь Ваше Превосходительство соизволит...» и т. д., и т. п.⁸² Валькруассан был арестован, но и Чуди

⁷⁸ Фридрих II к Геллену, послу в Голландии, 22 марта 1760 г. – *Langeveld L. A. Op. cit. P. 296*; Шуазель к д'Аффри, 19 марта 1760 г. – ААЕ, СР, Hollande. Vol. 503. Fol. 239, *Langeveld L. A. Op. cit. P. 296*.

⁷⁹ *Resolutien van de hoog mogende heeren Staaten Generaal, 1760. P. 250–251; Langeveld L. A. Op. cit. P. 286.*

⁸⁰ *Maury F. Étude sur la vie et les œuvres de Bernardin de Saint-Pierre. Paris: Hachette, 1892.*

⁸¹ *Étrenne au pape ou les Francs-maçons vengés. Réponse à la bulle d'excommunication lancée par le pape Benoît XIV. La Haye: E.-L. Saurel, 1752; Le Vatican vengé, apologie ironique. La Haye, 1752.*

⁸² Чуди к И. И. Шувалову, Либава, 4 (15) января 1756 г. – РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 6051. Л. 18–20.

не избежал Бастилии: причины провала французская разведка вычислила быстро⁸³. Оба они были одновременно отпущены на свободу – политический климат менялся, именно в этот момент шевалье Дуглас и шевалье д’Эон готовили союзный договор между Францией и Россией. Вполне возможно, что Чуди добился бы большего, если бы избрал иной путь и, выполняя предписания Шувалова, вступил в контакт с французской дипломатией: обе страны тайно искали возможности сближения. Но, как бы то ни было, Чуди заслужил награду – должность первого гофмейстера Пажеского корпуса.

Другую важную информационную сеть составляют масонские связи. Благодаря им авантюрист получает доступ в светское общество и радушный прием во всех странах Европы. Масонские дипломы XVIII в., которые во множестве хранятся в архивах, выдавались в первую очередь «братьям», уезжающим за границу⁸⁴. Казанова писал, что «всякий молодой путешественник, если желает он узнать высший свет, не хочет оказаться хуже других и исключенным из общества себе равных, должен в нынешние времена быть посвящен в то, что называют масонством» (ИМЖ, 95). Разумеется, особый интерес вызывали те, кто приносил тайное знание, будь то рецепт изготовления золота или новый масонский ритуал, подобный тому, что учреждал повсюду Великий Копт Калиостро. Видимо, Чуди оказал влияние на развитие русского масонства, в частности на систему, созданную П. И. Мелиссино⁸⁵.

Третья среда, в которую активно внедряются авантюристы, – это мир финансов. Как сформулировал не без иронии Фридрих II в разговоре с Казановой, лучше быть рекомендованным банкиру, чем монарху. Правда, финансовых гениев среди искателей приключений нет, если только не причислять к ним Джона Лоу. Авантюристы ведут переговоры о государственных займах, изобретают новые налоги и способы пополнить казну, пишут трактаты и мемуары о коммерции, финансах, государственном устройстве (Казанова, Сен-Жермен, д’Эон, Одар, Гудар, Билицштейн). Банкиры пересылают их корреспонденцию, учитывают векселя, снабжают рекомендательными письмами, обеспечивают полезные знакомства, поставляют нужные сведения. Анализ русских связей Казановы показывает, что знакомство с аристократами ему обеспечили банкир Деметрио Папанелопуло, итальянские и французские актеры, профессиональные игроки, а также масонские рекомендации, видимо, берлинские.

Авантюристы использовали возможности всех формальных и тем более неформальных сообществ, в которых они состояли: театральные связи, братства шулеров или литераторов. Напомним, что титул гражданина Республики Словесности сам по себе был не настолько почетным, чтобы открыть все двери. Когда Фужере де Монброн приехал в 1753 г. в Петербург, английский посол заподозрил, что репутация преследуемого литератора – всего лишь прикрытие для тайной дипломатической миссии. Именно такую «легенду» выберет для поездки в Россию три года спустя шевалье д’Эон. Французская тайная дипломатия частенько прибегала к услугам писателей и философов, причем не только тех, кто был склонен к авантюрам, как Бомарше и ему подобные. В политической игре она обращалась к Вольтеру, использовала сочинения Руссо. В ноябре 1773 г. французский посол Дюран де Дистрофф просил приехавших в Петербург Дидро и Гримма развеять предубеждения императрицы против Франции, убедить ее во взаимной выгоде «сердечного союза» между двумя странами (после раздела Польши

⁸³ Archives de la Bastille. Т. 16 (1749–1757). Paris: Pedone, 1884. P. 414–417.

⁸⁴ В ЦХИДК (б. «Особый архив») в числе прочих находилось прошение от 21 мая 1781 г. о выдаче подобного патента воспитателю графа Павла Строганова Жильберу Ромму, будущему монтаньяру и изобретателю республиканского календаря, состоявшему в знаменитой ложе философов, писателей и художников «Девять сестер» – Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 65–65а. Позднее европейские масонские архивы были возвращены, и в настоящее время этот документ хранится в архиве «Великого востока» в Париже.

⁸⁵ В своей книге «Пламенеющая звезда» (1766) Чуди напечатал речь, произнесенную им в петербургской ложе «С. Т.» (?) 1 (12) марта 1760 г.

Франция пыталась изменить расстановку сил в Европе и предлагала России свое посредничество для заключения мира с Турцией)⁸⁶.

Мы уже говорили, что одна из целей содружества ученых и литераторов – разведка знаний и талантов. Именно так определяет роль Ф. М. Гримма, культурного посредника между Россией и Западом, его приятель, венецианский сенатор Анжело Кверини. Прочтя в газетах предложение создать Бюро шпионства за заслугами (*Bureau d'espionnage du mérite*), предназначенное для поощрения талантов, он утверждает, что Екатерина II уже создала такое бюро в сердце своем, поставив Гримма во главе его⁸⁷.

В заключение посмотрим, чем отличается от авантюриста человек, делающий карьеру в Республике Словесности. Гримм принадлежит к тому же поколению, что и Казанова, у них множество общих знакомых по всей Европе, от того же Анжело Кверини до д'Аламбера и кардинала де Берниса. Они жили в одно и то же время в Париже, но, видимо, так и не встретились. Гримм блестяще умел обольщать, подстраиваться под собеседника, особенно коронованного (как всякий мещанин, он питал искреннюю любовь ко всем монархам). Дидро звал его «гермафродитом» за дар перевоплощения⁸⁸, он тщательно следил за своим туалетом, белился. Хотя Руссо и «не мог понять, как важный Гримм смел чистить ногти перед ним», Гримм был действительно дельным человеком. «Дьячок философии», как он себя аттестовал, он старательно лепил свой собственный образ, противопоставляя его репутациям знаменитых философов – Дидро и Руссо⁸⁹. Авантюристы, как правило, южане, а Гримм сознательно представлял как типичный немец, чьи два главных таланта – «умеренность и аккуратность». Он хотел казаться человеком всеведущим и исполнительным, на которого можно всегда положиться. При этом он отстаивал концепцию жизненного поведения, прямо противоположную той, которой следовали искатели приключений. Никакого риска, никакой лотереи, никаких блестящих проектов, честность – лучшая политика. Во всем надо соблюдать умеренность, счастье – в посредственности и незаметности, скрытое влияние сильнее показного. Гримм твердо знал: чтобы быть услышанным в Петербурге, надо говорить из Парижа, и решительно отказывался делать карьеру при русском дворе. Благодаря тому, что в течение двадцати лет (1774–1796) он, оставив «Литературную корреспонденцию», был привилегированным личным корреспондентом Екатерины II, он сосредоточил в своих руках поставку в Россию произведений искусства. Все, кто хотел продать императрице коллекцию картин или библиотеку, преподнести или посвятить свое сочинение, получить ангажемент в Петербурге или аккуратно получать пенсион, должны были обращаться к нему. Екатерину II, по ее словам, «бомбардировали» книгами, и русским послам было запрещено их принимать от авторов; на «самотек» императрица уж тем более не отвечала. В отличие от авантюристов, переносчиков новостей, обязанностью Гримма было не столько собирать, сколько ограничивать и отфильтровывать поток информации. Получая жалованье, ордена и чины от русского двора, он идеально вписался в созданную царицей систему культурной дипломатии.

⁸⁶ *Diderot D. Œuvres politiques / éd. P. Vernière. Paris: Garnier, 1963.*

⁸⁷ А. Кверини к Гримму, 13 февраля 1778 г. – СПбИИ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 1.

⁸⁸ Дидро к Фальконе, июль 1767 г. – *Diderot D. Correspondance / éd. G. Roth et J. Varloot. Paris: Minuit, 1955–1970. T. VII. 1962. P. 196.*

⁸⁹ Подробнее об этом см.: *Stroev A., Dulac G. Diderot en 1775 vu par Grimm (Lettres inédites de F. M. Grimm à la princesse A. Golitsyna et au comte S. Roumiantsev) // DHS. № 25. 1993. P. 275–293; Stroev A. Rousseau utopiste jugé par Grimm // J.-J. Rousseau. Politique et nation. Paris: H. Champion, 2000. P. 757–772; Строев А. Летающий философ (Жан-Жак Руссо глазами Гримма) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 132–145.*

Щеголи и философы, купцы и короли

Разговор о Гримме, авантюристе-буржуа, возвращает к проблеме ролевых масок, поведенческих стереотипов, которым следовали люди эпохи Просвещения. Наша задача – соотнести поведение авантюристов с общепринятым, показать, в чем оно подражательное, а в чем принципиально новое. Материалом служат биографии людей XVIII столетия, а также романы Кребийона-сына, Мариво, Ла Морьера, Дюкло, Шеврие, Дидро, Лезюира и других, комедии Пирона, Седена, Грессе, Палиссо, памфлеты и письма.

Поскольку во Франции XVIII в. доминировала аристократическая модель бытия, светское этикетное поведение включалось в общее понятие цивилизованности наравне с искусством. Как показал еще в 1939 г. немецкий ученый Норберт Элиас⁹⁰, современное представление о культуре как о единстве художественных текстов и хранящих/порождающих их институтов (театров, музеев, библиотек и т. д.), кажущееся в России единственно возможным, приходит в XVIII в. из Германии и связано с буржуазной, бюргерской концепцией мира. До этого времени само слово «культура» употреблялось во Франции в основном для обозначения сельскохозяйственных культур, а искусства описывались в одном ряду с ремеслами.

Н. Элиас подчеркивает, что понятие цивилизации стирает различие между народами и сословиями, предлагая сегодняшнюю норму как идеал, к которому все обязаны стремиться; сам термин вырабатывается нацией, чувствующей свое превосходство над другими, ставящей себя в центр мироздания.

Оплотом «аристократической цивилизации» в XVIII в., в отличие от XVII в., был уже не двор (Версаль), а столица. Соответственно, модель поведения придворного, наиболее регламентированная, продуманная и описанная, сменилась более свободными этикетными правилами. Парижские манеры воспринимались как истинно светские и истинно французские, и потому в чужой стране любой мещанин, любой иностранец, поживший в Париже, становился образцом галантности и хорошего тона. Французы вполне последовательно описывали свою жизнь как единственно возможную форму цивилизации, любую другую – как варварство. Манифестом подобных представлений были книга Луи Антуана Карраччиоли «Французская Европа» (1776) и роман-памфлет Лезюира «Европейские дикари» (1760).

Цивилизация – это не столько результат, сколько процесс, предполагающий превращение «естественного», природного человека в существо социальное, в того, кто овладел навыками правильного поведения. С этой точки зрения в обществе важна не индивидуальность, а соответствие нормам; в разговоре воспитанный человек должен не искать истину, а сообразовываться с мнением собеседника. Подобной вежливости не простил французам Д. И. Фонвизин, упрекавший их за то, что «всякий отказался иметь о вещах свое собственное мнение», «чтоб слыть умеющим жить», за то, что ум для них состоит в остроумии и умелом плетении словес⁹¹. Цивилизованный человек должен не «быть», а «казаться». Это противопоставление (*être – paraître*) – едва ли не центральное для Франции XVII и XVIII вв. Появление иных моделей поведения связано с сомнением в правильности цивилизации, с предпочтением природы – обществу, чужака (дикаря, крестьянина, иностранца) – себе (идеи, которые наиболее полно воплотил Руссо). Слом общественного сознания, заставляющий воспринимать внешнее и показное как ложное, приводит к разграничению «высокой» культуры и культуры повседневного, обиходного существования, к возникновению оппозиции «полезное – эстетическое». Цивилизация универсальна и переменчива, она включает категорию моды, культура – свое-

⁹⁰ *Elias N. La Civilisation des mœurs. Trad. de l'allemand. Paris: Calmann-Lévy, 1973; Elias N. La Société de la cour. Trad. de l'allemand. Paris: Flammarion, 1985.*

⁹¹ *Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. С. 473.*

обычна и неизменна, она хранит «вечные ценности»; именно на нее ориентируются нации или классы, желающие на весь мир заявить о себе.

Во Франции бытовое поведение, включающее умение правильно одеваться, есть, вести беседу, писать письма, объясняться в любви, естественно смыкалось с салонными формами культуры: философскими беседами, шутливыми ритуалами, сочинением стихов и рассказов, разыгрыванием спектаклей, литературными мистификациями. Частная переписка нередко превращалась в открытую: письма известных людей, посвященные интересным, важным темам, копировались, читались в салонах, печатались, обильно цитировались. Так, в случае с Ф. М. Гриммом, пересылавшим Екатерине II всю заслуживающую внимания корреспонденцию со своими подробными комментариями, понятие частного, индивидуального письма практически теряет смысл. Светская литературная игра могла порождать и значительные произведения: так, «Монахиня» Дидро возникла из эпистолярного дружеского розыгрыша. С другой стороны, как было показано выше, выход книг и премьеры спектаклей становились событиями художественной жизни Парижа именно в процессе их обсуждения в салонах и кафе, центрах формирования общественного мнения, а различные «Литературные корреспонденции», рассылавшиеся по Европе, увековечивали оценку.

Стройную картину образцовой цивилизации нарушали два обстоятельства. Во-первых, новые модели жизнеповедения, «буржуазная» и «философская», поставили под сомнение аристократические принципы. Во-вторых, усиление роли общественного мнения, превратившегося в реальную власть, подрывало основы социальной иерархии и государственного устройства.

С точки зрения аристократа буржуазный образ жизни воспринимается как возможный, но презираемый, философский же – как невозможный, как своего рода антиповедение. Для придворного в XVII в. и для щеголя (*petit-maître*) в XVIII в. жить в обществе – важное и самоценное занятие, а вовсе не безделье. Показателен с этой точки зрения ответ Екатерины II на вопрос Фонвизина «Отчего у нас не стыдно не делать ничего?»: «Сие не ясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего»⁹². Позорным для аристократа будет, напротив, труд и зарабатывание денег.

Щеголь царит в парадных покоях, нередко разделенных на две части, мужскую и женскую. Свет не терпит конкуренции и беспощадно высмеивает семейную жизнь, супружеский долг или просто привязанность. Во множестве французских романов XVIII столетия моделируется одна и та же ситуация: муж и жена почти демонстративно живут врозь, на детей практически не обращают внимания. Для поддержания репутации щеголь обязан разоряться, за показным блеском должны скрываться или, напротив, афишироваться огромные долги. Аристократическое общество в этом смысле живет по принципам индейского праздника потлача или, если угодно, деревенской свадьбы: престиж семьи – не в том, сколько сберегли, а сколько потратили, пустили по ветру.

Напротив, для буржуа престижна и важна работа (торговля, производство), он копит, а не тратит; скромный вид подчеркивает тайное богатство. Семейное счастье делает ненужными любовные победы. Его идеал – постоянство. Героем романа – «списка любовных побед» может быть либо модный щеголь, либо юный крестьянин, поднимающийся по социальной лестнице, но не буржуа. Светскому остроумию противостоит мещанский здравый смысл. Кичиться своим состоянием, тратиться на актрис и меценатствовать – значит принимать аристократическую модель поведения, как это делали многочисленные «мещане во дворянстве», покупавшие знатные титулы.

⁹² Фонвизин Д. И. Указ. соч. Т. 2. С. 273. Подробнее о культурном контексте полемики см.: Berelowich W. Préface // *Fonvizine D. Lettres de France*. Paris: CNRS éd. et Oxford: The Voltaire Foundation, 1995. P. VIII.

Но есть одна область, в которой буржуа ведут себя как авантюристы, ставят не на стабильность, а на непредсказуемость, – это коммерция и биржевая игра. Характерно, что Вольтер, читая «Общие замечания об Английском королевстве» шевалье д’Эона, отметил именно тот раздел, где речь шла о старинной торговой компании «купцов-авантюристов», созданной для вывоза шерсти и разорившейся, когда во имя развития мануфактур экспорт шерсти был запрещен под страхом смерти⁹³.

Ради прибыли торговцы обязаны идти на риск и потому охотно пользуются услугами искателей приключений. С помощью каббалы Казанова столь удачно предсказал будущее голландскому финансисту (вернется ли из плавания корабль, надо ли предпринимать рискованную операцию), что тот предложил ему стать его компаньоном и жениться на его дочери. По рекомендации Казанова его приятеля, авантюриста графа Тиретту, охотно приняли на службу в амстердамский торговый дом, и тот, отправившись в Индию, сделал там карьеру.

Правда, подобное доверие вознаграждается отнюдь не всегда: братья Премислав и Степан Занновичи выманили у голландских купцов большие деньги, обещав вложить их в несуществующие торговые корабли. Поскольку поручителем их был венецианский дипломат, то афера едва не вызвала войну между двумя республиками, голландской и венецианской. Изредка литераторы-авантюристы, не брезгавшие никакими коммерческими операциями, даже работоторговлей (но на ней Вольтер наживался), сколачивали огромное состояние, как, например, Бомарше.

Французская внешняя политика XVIII в. во многом строилась не на завоевании новых земель, а на торговой экспансии и мирной колонизации. Рядовые французы мечтали повелевать чужими странами, вкладывая деньги в торговое предприятие и при этом несметно богатея. На этом был основан грандиозный успех основанной Джоном Лоу «Компании Миссисипи», стоимость акций которой с 1716 по 1720 г. выросла во много раз. В сочинениях тех, кто отстаивал идеалы буржуазного жизнеповедения, купцы рисовались, с одной стороны, как истинные философы, а с другой – как монархи, подлинные властелины мира. В комедии Седена «Философ, сам того не зная» (1765) заглавный герой, коммерсант, скрывающий свое дворянское происхождение, гордо заявляет, что одним росчерком пера отдает приказания на другом конце света, что он служит всем нациям⁹⁴.

Мир знатности и мир богатства с миром искусства связывают две характерные фигуры: откупщик-меценат (д’Эпине, Ла Поплиньер) и светская дама, хозяйка салона, сама не чуждая философии и изящной словесности, покровительница ученых и писателей, как г-жа Жоффрен, маркиза де ла Ферте-Эмбо, г-жа Неккер, г-жа д’Эпине и др.

Разумеется, и мир писательский не был един. На одном полюсе находились литераторы, поденщики Республики Словесности, зависимые от покровителей, ищущие мецената, подлаживающиеся под вкусы публики, превозносящие власть или хулящие ее, как Тевено де Моранд, ибо памфлеты расходились лучше панегириков. На другом полюсе – аристократ и дилетант, пописывающий для своего удовольствия и нередко помогающий бедным собратьям по перу, как граф де Келюс. Разумеется, в обоих случаях графомания не только не исключалась, а скорее предполагалась; само же писательство воспринималось как ремесло низкое, едва ли не постыдное⁹⁵. Обе эти модели поведения так или иначе адаптировались к буржуазным (всё на продажу) или дворянским принципам (благородное времяпрепровождение).

Напротив, философ воспринимался как человек не от мира сего, нарушающий все принятые нормы, для которого личная свобода важнее правил общежития и социальной иерархии. Любая зависимость – любовь, дружба, семья, родина – для него тяжелые оковы. Наиболее

⁹³ D’Éon. Observations générales sur le royaume d’Angleterre // Les Loisirs du chevalier d’Éon de Beaumont. Amsterdam, 1774. Т. 7. Р. 302 – Corpus des notes marginales de Voltaire. Т. 3. Berlin: Akademie-Verlag, 1985. Р. 419.

⁹⁴ Sedaine M. J. Le Philosophe sans le savoir (1765) // Théâtre du XVIIIe siècle. Paris: Gallimard, 1960. Т. 2. Р. 530.

⁹⁵ Подробнее о положении авторов см.: Masseau D. L’invention de l’intellectuel dans l’Europe du XVIIIe siècle. Paris: PUF, 1994.

отчетливо это видно на примере Жан-Жака Руссо, для которого самые близкие люди превращаются в злодеев и тиранов, как только пытаются давать ему советы, а тем паче – вернуть его к общепринятым стереотипам.

Те черты, что свойственны любому литератору и вытекают из особенностей профессии, – склонность к уединению, непрерывное чтение и писание, бытовая рассеянность из-за постоянной концентрации умственных сил, непрактичность, бессребреничество – приобретают у философа гиперболические, гротескные и трагические черты. Любой «каторжанин письменного стола» (как называли Ф. М. Гримма) обрекает себя на геморрой, заворот кишок, урологические недуги, склероз и слепоту. Тех, кто добился обеспеченной жизни, разорила Революция. Медицинские сочинения XVIII столетия особо отмечали нездоровый образ жизни ученых, прямо противоположный идеалу естественной, активной, уравновешенной жизни на свежем воздухе. Классифицируя профессиональные недуги сочинителей, швейцарский врач Тиссо писал о «литературном истощении», о том, что сидячая жизнь, затворничество, пренебрежение телом во имя рассудка приводит к расстройству и того и другого и в конечном итоге к ипохондрии и мизантропии («О здоровье литераторов», 1768)⁹⁶.

«Философское» поведение во всем противоположно «щегольскому» и потому не существует без него: для отрицания необходима точка отсчета. С другой стороны, щеголю также необходим философ, который поставляет новые идеи и доктрины, чье мнение воспринимается как высший авторитет, чье поведение и сочинения служат предметом для разговоров. Романы и тем более комедии зачастую рисуют и того и другого в ироническом ключе. Но разоблачают их, исходя все из того же противопоставления «быть» и «казаться». Философ обвиняется в том, что он плохо соответствует своей роли, что на самом деле он шарлатан, как в комедии Палиссо «Философы» (1760) или в письмах из Франции Д. И. Фонвизина: «Д'Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие»⁹⁷.

Итак, философ думает, щеголь говорит. Философ пишет, щеголь беседует. «Есть ли меж придворных философы?» – спросил Казанова парижского литератора Клода Патю и услышал в ответ: «Философов нет, ибо невозможно придворному быть философом, но есть люди умные, каковые ради собственного блага не раскрывают рта» (ИМЖ, 107).

Философ читает медленно, возвращаясь, перечитывая, используя выписки в работе. Щеголь читает все подряд и очень быстро, несколько книг одновременно, читает всюду – за туалетом, на прогулке, в постели (Карраччиоли описывает эту манеру как типично французскую). Щеголь выносит суждение и мгновенно забывает произведение, тем самым уничтожая его. Философ существует в мире памяти, над которым не властно время, он беседует с предками и потомками. Щеголь живет сегодняшним днем – и соответственно, вне истории, ибо не думает ни о прошлом, ни о будущем. Как сформулировал Клод Патю, в Париже «почитают двух богов, хотя и не возводят им алтарей, – новизну и моду» (ИМЖ, 106).

Философ одинок, тогда как щеголь не существует вне света, общества, беспрестанного общения. Философ – убежденный холостяк, жена и дети отвлекают от высоких дум (в мистической интерпретации – препятствуют постижению высшего знания). Его утеха – беседа с такими же, как он, друзьями, его семья – сообщество людей науки, идеальная Республика Словесности. Любовница нянчит философа, как дитя. По свидетельству Казановы, Руссо говорил о Терезе Левассер, что она – его второе «я», что она не жена ему, не любовница, не служанка, не мать, не дочь, она для него всё (ИМЖ, 423).

⁹⁶ Tissot. De la santé des gens de lettres. 1768 – см.: *Charter R. Modèles de l'homme de lettres // Lez Valenciennes. № 18. 1995. P. 13–25.*

⁹⁷ Фонвизин Д. И. Указ. соч. Т. 2. С. 481.

Щеголь женат, но все внимание уделяет чужим супругам, забывая о своей. Он вынужден играть всегда роль соблазнителя, даже если бессилён (как в романе Кребийона «Софа», 1742), – репутация модного человека, главное достояние щеголя, заменяет все прочие достоинства. Беззаботный и любезный, он шутит и чарует без усталости и без раздумий. Он берет женщину для того, чтобы ее бросить. Знаменитая «наука страсти нежной», изложенная в романах от Кребийона до Лакло, зиждется на понятии «случая», «момента»: улучив благоприятную ситуацию, надо без промедления ею воспользоваться. Щеголь или либертен должен превозносить женскую добродетель на словах и действовать так, как если бы ее вовсе не существовало.

Философ болен от сидячего образа жизни, щеголь всегда в движении. В обществе он буквально вертится волчком, он задает вопросы и говорит, не слушая и не дожидаясь ответов. У него своя речевая маска, фонетическая и лексическая. Парижское щегольское наречие – пропуск в высшие слои общества «французской Европы», раскинувшейся от Италии до России. Ла Морльер в романе «Ангола» (1746), посвященном «щеголихам», специально выделяет курсивом характерные словечки и фразы. И. А. Крылов в комедии «Трумф» высмеивает российских модников, копирующих речь французских франтов – шепелявость, пропуск сонорных⁹⁸. Щеголь – патриот Парижа, философ – космополит и чужак («гражданин Женевы»).

Щеголь наряжен по моде, он ее законодатель, тогда как философ одет по-домашнему: так изображал Вольтера его приятель Гюбер в серии картин, сделанных по заказу Екатерины II. Он небрежен до чудаковатости (Дидро), носит восточный наряд (хотя Руссо и объяснял свое пристрастие к армянскому халату медицинскими соображениями). Философ во всем оригинален и индивидуален, он парадоксалист, тогда как остроумец-щеголь воплощает идеал одинаковости, он лучший из похожих на него. Предел поведения в обоих случаях – переменчивость, вечные метаморфозы. Щеголь уподобляется хамелеону, Карраччиоли утверждает, что трудно даже определить его пол – он похож на женщину лицом, манерами, голосом, он так же красится, пудрится. Заглавный герой комедии Пирона «Метромания, или Поэт» (1736) определяется через серию отрицаний: он не принадлежит ни к какому сословию, он не буржуа, не аббат, не судейский, не военный, он трудится день и ночь, не делая ничего, его лицо преобразуется вместе с мыслями, он одевается крайне небрежно или чересчур нарядно, все чудачки соединились в нем: мизантроп, честолюбец, ветреник, снисходительный, рассеянный; он живет под псевдонимом, музы заменяют ему любовь и состояние. Но переменчивость поэта и философа идет от нестандартности натуры, тогда как маска щеголя скрывает пустоту.

Щеголь, неверующий католик, безразличен к богословским проблемам, тогда как философ – чаще всего деист или атеист, как Дидро. В минуты озарений он, подобно Руссо, сам мнит себя Верховным существом. Современники почитают его как литературное божество (Вольтер). Философ – кумир толпы, щеголь – человек толпы.

Судьба их также различна. Удел щеголя – беззаботность, упорядоченность и предсказуемость мелких ежедневных событий. Удел философа – преследования, тюрьма и ссылка. Гонения извели практически все, начиная с Вольтера, Дидро и Руссо; арест приравнивается к философской инициации. В век Просвещения пророка не начинают слушать, пока его не побьют камнями, книгу не читают, пока она не запрещена. Наиболее известный пример – третье издание «Истории обеих Индий» аббата Рейналя. Сожженное в 1781 г. рукой палача, оно доставило автору славу мученика философии и сделалось бестселлером. Как утверждал Гюстав Лансон, для писателя Бастилия становилась преддверием славы. Аббат Морелле, попав туда, воскликнул: «Шесть месяцев в Бастилии послужат мне наилучшей рекомендацией и несомненно обеспечат мое будущее!» – и не ошибся, хотя просидел всего шесть недель⁹⁹.

⁹⁸ Лотман Ю. М. Речевая маска Слюня // Idem. Избранные статьи. Т. 3. Таллин: Александра, 1993. С. 394–395.

⁹⁹ Darnton R. Gens de lettres, gens du livre. P. 53.

Три основных типа философов Просвещения воплощают Вольтер, Дидро и Руссо. Первый – человек, преуспевший во всех областях: философии, литературе, истории и, что очень важно, в денежных делах. В своих «Мемуарах» (1759) он рисует мудреца, живущего в уединении, спокойствии, довольстве и полной независимости. Бывший наперсник монархов, он с философской радостью видит, что короли не столь счастливы и покойны и что его положение предпочтительнее¹⁰⁰. При этом финансовой независимостью он гордился едва ли не больше, чем литературными достижениями. Вольтер был человеком практичным и оборотистым, истинным буржуа, хотя его семья и получила дворянство. В мемуарах своих он советовал: чтобы составить состояние, надо внимательно читать правительственные указы. Вольтер мигмом находил в них слабые места и предмет для финансовых спекуляций. При всем своем затворничестве фернейский патриарх отстаивал идею союза элит, философов и знати, дабы произвести преобразования сверху (эта мысль была близка и д'Аламберу). Литературную богему Вольтер презирал и третировал¹⁰¹.

Дидро, напротив, относился к своим нищим собратьям с интересом и симпатией («Племянник Рамо»). Человек энциклопедических знаний, но увлекающийся, рассеянный, неловкий в практической жизни, он столь энергично жестикулировал, беседуя с Екатериной II, что императрице пришлось поставить столик между ними, чтобы уберечься, – у нее все ляжки были в синяках. Друзья и враги называли его неподражаемым оригиналом, шестидесятилетним ребенком, говорили, что он грезит наяву, не дорожит ни временем своим, ни славой.

И последний, Руссо, – осмеянный и прославленный безумец, утопист и пророк. В предисловии к роману «Удачливый философ» (1787) Р. М. Лезюир писал, что мания преследования – расхожая болезнь литераторов. Удрученные своими бедами, они считают их результатом всеобщего заговора и во всех окружающих видят правительственных шпионов. Но Руссо, по его мнению, к тому же возвышенный безумец, пророк¹⁰². Как показал Жан Старобинский, анализируя восходящий к Библии образ больного пророка, Руссо мазохистски преувеличивал свои страдания и страхи, подсознательно усиливал свои болезни, как бы закрываясь ими от общества и от общения¹⁰³. О безумии Жан-Жака профессиональные врачи и дилетанты написали многие тома.

Сам Руссо отказывался причислять себя к литераторам, ибо они делают одно, думают другое, а пишут третье. Он отстаивал единство жизни и творчества (быть и казаться)¹⁰⁴, и при этом нарушал все свои заповеди: педагог, он сдал детей в приют; противник театра и аристократов, он сочинил пьесу для представления при дворе. При разрешении философских и житейских проблем он старался поступать наперекор общепринятым идеям и нормам. Он усиленно создавал легенду о своем бессребреничестве, непокорности и неудачах и старался следовать ей. Сам себе судья и палач, Руссо жаждал и добивался преследований, обид, болезней, одиночества и нищеты.

В русском некрологе величие женеvского гражданина доказывается именно через праведность жития:

Но все сие не может стать в сравнение с добродетельностью жизни сего философа. Гонимый, вечно скитающийся, кроющийся, терпящий все нужды, все недостатки, все обиды, кои невинный человек терпеть может, то есть клевету и зависть, не токмо не мстил, но ниже на кого не жаловался. Хотя

¹⁰⁰ Mémoires de M. de Voltaire / éd. J. Brenner. Paris: Mercure de France, 1965. P. 66.

¹⁰¹ Mervaud Ch. De Westminster Abbey au Pantheon. Le statut des «gens de lettres» dans les *Lettres philosophiques* // RHLF. 1991. № 2. P. 177–195; Waller R. L'Homme de lettres en France et en Angleterre (1700–1730) // DHS. № 10. 1978. P. 229–252.

¹⁰² Le Suiре R. M. Le Philosophe parvenu. Londres; Paris, 1787. T. 1. P. VIII.

¹⁰³ Starobinski J. Jean-Jacques Rousseau, la transparence et l'obstacle. Paris: Plon, 1957.

¹⁰⁴ Goulemot J.-M. Rousseau et les figures de l'intellectuel // Saggi e ricerche di letteratura francese. Roma, 1989. Vol. XXVIII. P. 59–82.

никому преоборение не было так легко, как сему сильноречивому писателю, но *терпеть* и *прощать* было его и правило и чувство. Никто не мог склонить его, ни в какой нужде, принять какое-нибудь вспоможение [...] Впрочем, одни сочинения его могли бы произвести ему безбедное состояние, но мысли свои и наставления не считал он продажным товаром, а ставил в цену только свою ручную работу, которая состояла в переписывании нот музыкальных и за которую он брал по десяти копеек *французских* со страницы¹⁰⁵.

Для Руссо, как для евангельских пророков, для юродивых и для персонажей Достоевского, скандал – главная форма разрешения всех жизненных ситуаций и созданных им самим конфликтов.

Авантюристы, как правило, подражают щеголям, но внутренне они близки философам. Поэтому отношения с первыми у них идилличны, со вторыми – напряженны и драматичны. Авантюрист, человек из третьего сословия, следует светскому этикетному поведению в одежде, речах, манерах, отношениях к женщинам, в особенности если он выезжает за пределы Франции. Венецианец Казанова гордится своим парижским аргом, позволяющим тотчас отделить своих от чужих и в Петербурге в 1765 г. («Я не узнаю ее по голосу, но по речам уверяюсь, что эта маска хорошая моя знакомая, ибо непрестанно слышу словечки и обороты, что я ввел в моду в парижских домах». – ИМЖ, 554), и в Италии в 1772 г. Он пишет в мемуарах о своей книге «Бестолочь. Послание одного ликантропа» (1772)¹⁰⁶, опубликованной по-итальянски:

Я вставил туда предисловие на французском, используя одни лишь простонародные парижские словечки, никому не понятные. Шутка эта доставила мне близкое знакомство со многими молодыми людьми (НМV, III, 961).

Язык формирует аудиторию – избранную, просвещенную, космополитичную, благородную. Когда же, напротив, Клод Патю остроумно изъясняется по-итальянски в стиле Боккаччо, то Казанова убеждает его, что говорить так не следует.

Но при всем сходстве щеголя и авантюриста фигуры эти отнюдь не тождественны. На театре светской жизни первый – зритель, самое большее статист, тогда как второй – автор и комедиант. Модник болтает, искатель приключений творит. Щеголь, переносчик новостей, гордится тем, что он раньше всех оказывается в курсе событий; авантюрист тоже, как правило, блестящий рассказчик, но предпочитает, чтобы говорили о нем. Пересказывая истории из своей жизни, он столь гордится ими, что отказывается что-либо менять в повествовании. Даже для всесильного герцога де Шуазеля Казанова отказался сократить свой двухчасовой рассказ о побеге из Пьомби, которым снискал успех у парижан.

Щеголь – житель столицы, авантюрист вынужден беспрестанно покидать ее. Щеголь может блистать только в своем кругу, для авантюриста чужбина – дом родной. Казанова стремится соблазнять всех, от крестьянки до императрицы, из дворца он попадает в избу, дневные литературные дискуссии с Вольтером перемежаются вечерними оргиями. При этом он все равно остается чужим и привлекает внимание именно своей непохожестью. Ревнивое противоборство авантюристов с философами проистекает именно из близости их «антиповедения».

¹⁰⁵ СПбВ. № 63. 7 авг. 1778. С. 549–554.

¹⁰⁶ *Casanova G. Lana Caprina. Epistola di un licantropo. Bologne, 1772.*

Вольтер, Руссо и авантюристы

Для многих авантюристов Вольтер – едва ли не главный пример для подражания. Они либо стремятся преуспеть в тех же областях, что и фернейский отшельник, нередко встречаясь с теми же людьми (подобно ему, Казанова сотрудничал с финансистом Пари-Дюверне, ссорился с семейством де Роганов), либо пытаются использовать славу Вольтера, составить репутацию, выступая в роли его ученика или соперника.

Прославленный философ, писатель, историк, властитель дум, советник монархов, богач, Вольтер в глазах искателя приключений воплощает образец удачливости и недостижимый идеал, реализует его мечты и проекты. Да и у самого Вольтера в глубине души есть что-то от авантюриста, его терзает комплекс незаконнорожденного, парвеню, которого презирают аристократы. Ему ведомы резкие перемены судьбы, взлеты и падения, его прославляли и били палками, арестовывали, ссылали. Состояние он составил не творчеством, а спекуляциями, нередко не слишком благовидными. Фридрих Великий сильно гневался на него за махинации с саксонскими ценными бумагами.

30 января 1751 г. он писал своей сестре, маркграфине Байрейтской:

Вы спрашиваете, что за тяжба у Вольтера с жидом? Судится плут, который хочет надуть мошенника. Нельзя, чтоб человек с умом Вольтера так злоупотреблял им [...] Он вел себя как сумасшедший¹⁰⁷.

Вольтер – игрок по характеру своему; азартный картежник, он полагает, что игра делает людей равными и свободными:

В мире есть только один образцовый закон, регламентирующий ту разновидность безумия, что зовется игрой: лишь ее правила не допускают ни исключений, ни послаблений, ни разночтений, ни «тирании»¹⁰⁸.

Вольтер добивается успеха там, где авантюрист разоряется или довольствуется малым, в том числе в лотерее. Сочинив уйму финансовых проектов, искатели приключений разоряются так же быстро, как богатеют, и умирают в нищете. Патриарх, напротив, получал в шестьдесят шесть лет 120 000 ливров годовой ренты (по свидетельству Казановы), а в конце жизни уже 231 300 ливров, и был среди двадцати крупнейших рантье Франции.

Вольтер в беседах, письмах и сочинениях стремился воспитывать просвещенных монархов, что, разумеется, было делом непростым и с Фридрихом II, и с Екатериной II. Авантюрист более всего завидовал этой роли и наименее успешно с ней справлялся.

Авантюристы пытаются соперничать с Вольтером, создавая истории России и Польши, как это делали Казанова и Анж Гудар. Шевалье д'Эон вступил в прямую полемику с «Историей Российской империи при Петре Великом» (1759–1763) в своей «Непредвзятой истории императрицы Евдокии Федоровны, первой жены Петра Великого» (1774). Он исправляет неточности фернейского патриарха, укоряет его за лесть. Д'Эон создает не парадное, а приватное жизнеописание создателя новой России, рисует его как тирана, жестокого мужа и отца. История страны предстает как история семьи, изложенной от лица брошенной женщины. Д'Эон превращает подлинные факты в роман, напоминающий столь популярные в XVIII в. сюжеты о невинной жертве, преследуемой злодеями и Роком.

Лишь в одной области, пожалуй, искатели приключений успешно конкурируют со своим идолом – в тайной дипломатии и шпионаже. В молодости Вольтер отказался последовать за политическим авантюристом Гёрцем, который намеревался перекроить карту Европы и вел

¹⁰⁷ Цит. по: *Mémoires de M. de Voltaire*. P. 222.

¹⁰⁸ Цит. по: *Donvez J. De quoi vivait Voltaire?* Paris: Deux rives, 1949. P. 54–55.

тайные переговоры о заключении политического союза между Петром I и Карлом XII¹⁰⁹. Позже, в 1722 г., он предлагает свои услуги в качестве тайного агента министру иностранных дел и первому министру кардиналу Дюбуа, он готов ехать с заданием в Вену. Впоследствии Вольтер участвует во французской дипломатической игре, служит посредником между Версалем и Берлином, но Фридрих II оказывается хитрее своего наставника-философа.

И все-таки на долю авантюриста, как правило, выпадал жребий не Вольтера, а Руссо – преследуемого, безумного пророка. Сами искатели приключений, их друзья и недруги постоянно сравнивают их жизни с судьбой Жан-Жака. Анонимный автор памфлета «Очерк жизни Жозефа Франсуа Борри» (1786) утверждает, что многие шарлатаны, подобно Руссо, вечно делают неверный выбор, решая, принять им пенсию или отказаться. Ж.-Ж. Татен показывает, как сам Калиостро в «Письме к английскому народу» (1787) разрабатывает мотив всеобщего заговора против праведника, как в приписываемых ему сочинениях, в первую очередь в «Исповеди графа К****» (1787), используются стереотипы руссоистского дискурса: критика эгоизма власть имущих и городского повреждения нравов, прославление здоровой сельской жизни¹¹⁰.

Степан Заннович в своих сочинениях представлялся как одинокий философ, поклонник и последователь Руссо; в 1773 г. он написал сонет, прославляя современного Сократа¹¹¹, перевел на итальянский его музыкальную драму «Пигмалион», попытался вступить с ним в переписку¹¹². Правда, женеvский гражданин не слишком ему доверял. В третьем диалоге «Руссо – судья Жан-Жака» (1774) он обвинил д'Аламбера в причастности к пропаже копии его рукописи «Рассуждения о правительстве польском» (1772) и добавил:

...в этом деле не обошлось без д'Аламбера, так же как в случае с неким графом Занновичем, далматинцем, и польским священником-авантюристом, который из кожи вон лез, чтобы проникнуть ко мне¹¹³.

Когда Руссо приехал в Англию, шевалье д'Эон в своем письме от 20 февраля 1766 г. приветствовал славного изгнанника и представил на его суд свое дело (ссору с графом де Герши, французским послом в Англии):

У наших бед – почти что один источник, хотя причины и следствия их различны. Говорят, что вы излишне любите свободу и истину. Мне бросают тот же упрек [...] Можно во многих отношениях усмотреть параллели в причудливости вашей и моей доли [...] Любезный Руссо, мой старый собрат в политике, учитель мой в литературе, спутник в несчастье моем, вы, как и я, испытали переменчивость и несправедливость многих соотечественников наших¹¹⁴.

Руссо ответил вежливо и прекратил переписку. Подчеркнем, что Вольтер в эти годы вполне разделял точку зрения д'Эона. «Жан-Жак Руссо так же безумен, как всякие д'Эоны и Вержи», – писал он графу д'Аржанталю в 1765 г.¹¹⁵ Он просит врача Теодора Троншена

¹⁰⁹ Вольтер рассказывает об этом замысле в «Истории Карла XII» (1731) и «Истории Российской империи при Петре Великом» (1760–1763).

¹¹⁰ *Tatin-Gourier J.-J. Cagliostro et l'affaire du collier*. P. 20–24.

¹¹¹ *Soneto a J.-J. Rousseau il Socrate* (1773).

¹¹² *Pigmalione*, opera del conte Stephano Zannowich. Paris: F. A. Didot, 1773. Подробнее об отношениях С. Занновича с Вольтером и Руссо см.: *Venturi F. Rousseau e Voltaire nelle avventure cosmopolite del conte Stefano Zannowitch, dalmatino // Studi in onore di P. Alatri*. Vol. 1. L'Europa nel XVIII secolo. Napoli, 1991. P. 101–118; *Vidan G. Un voltairien négligé: Stjepan Zanovič // Studia Romanica et anglica Zagrabensia*. Vol. XXVIII. № 1–2, 1983. P. 3–23.

¹¹³ *Rousseau J.-J. Œuvres complètes*. T. 1. Paris: Gallimard, 1959. P. 962–963 (note de Rousseau).

¹¹⁴ *Correspondance complète de J.-J. Rousseau / ed. R. A. Leigh*. T. 28. Oxford: The Voltaire Foundation, 1977. P. 313–316 (№ 5062).

¹¹⁵ 24 января 1765 г., Best. D12335.

вернуть ему «безумства д'Эона»¹¹⁶, то есть «Письма, мемуары и частные переговоры шевалье д'Эона» (1764), которые он сохранит, пометив на экземпляре: «Безумства д'Эона»¹¹⁷. Справедливости ради отметим, что сам шевалье в эту пору писал герцогу де Брелье: «Я очень боюсь в самом деле сойти с ума»¹¹⁸. А Башомон писал 14 апреля 1764 г. о книге и ее авторе, что «его недостойные приемы, неуравновешенное поведение и раздерганный стиль изобличают человека злобного и сумасшедшего»¹¹⁹. Позднее, после выхода в свет своих «Досугов» (1774), д'Эон превозносил Жан-Жака в письме к издателю и уверял, что хорошо знает великого человека¹²⁰.

Казанова в мемуарах описывает, как вместе с маркизой д'Юрфе посетил Руссо в Монморанси в конце 1750-х годов, избрав обычный предлог: желавшие видеть философа приносили ему ноты для переписки. Жан-Жак показался ему человеком здравым и скромным, но не слишком учтивым. Правда, казановист Гельмут Вацлавик¹²¹ предположил, что венецианец повествует с чужих слов: он излишне лаконичен, избегает деталей и быстро переходит к рассказу о визите в Монморанси принца де Конти. Мораль традиционна: «Вот какие глупости совершают философы, когда, желая быть оригинальными, чудят» (ИМЖ, 423). Казанова постоянно сохраняет чуть ироническую дистанцию: он не доверяет словам этого «визионера» (НМВ, I, 804), отмечает в сочинениях Жан-Жака ошибки, недостойные «истинного гения» (ИМЖ, 580), приводит критическое мнение о «Новой Элоизе» противника Руссо Альбрехта Галлера (ИМЖ, 445–446), подчеркивает отличие своих мемуаров от «Исповеди» (он-де говорит о своих глупостях столь же искренне, но с меньшим самолюбованием, чем «несчастный великий человек». – НМВ, II, 714). Принц де Линь, один из первых читателей «Истории моей жизни», ставил ее выше «Исповеди».

Я предпочитаю Жака [Джакомо] Жан-Жаку, – писал он Казанове, – ибо вы веселите, а он учительствует, вы гурманствуете, а он приправляет кушанье добродетелью. Вы сорвали три десятка роз невинности, а он – один барвинок. Вы человек благодарный, чувствительный и доверчивый, он неблагодарен и подозрителен. Вы всегда были отменным ходоком, тогда как он серьезно и красноречиво повествует о своем бессилии¹²².

Тот же образ возвышенного безумца-философа, напутствующего младшего собрата, возникает в уже упоминавшемся романе Лезюира «Удачливый философ» (1787), где вместо предисловия опубликовано вымышленное письмо Руссо от 7 апреля 1767 г., который хвалит автора и рекомендует ему... познакомиться с героем романа, таким же юным философом, как он сам. Писатель и его герой предстают одновременно и как друзья Руссо, и как его творения.

Разумеется, любой начинающий хочет получить именитого литературного крестного. Те, у кого нет рекомендательных писем на Парнас, изготавливают их, и авантюристы тут не исключение. В мае 1775 г. князь Александр Белосельский-Белозерский, кстати сказать, покровительствовавший Казанове и его братьям художникам и переписывавшийся с ними, напечатал в парижском журнале «Меркюр» стихотворное послание к Вольтеру и ответ философа от 27 марта 1775 г. Письмо подлинное, разве что Вольтер по обыкновению воспользовался своими

¹¹⁶ 18 августа [1765 г.], Best. D12054.

¹¹⁷ BV 1221.

¹¹⁸ 10 февраля 1767 г. – ААЕ. СР. Angleterre suppl. Vol. 16. Fol. 254.

¹¹⁹ [Bachamont L.-P. de]. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours. Londres: John Adamson, 1777–1789. T. 2. P. 49–50.

¹²⁰ Franck A., Chaumely J. D'Éon, chevalier et chevalière, sa confession inédite. Paris: Amiot-Dumont, 1953. P. 170.

¹²¹ Watzlawick H. Mémoires et thérapie: les «Anticonfessions» de Casanova // Annales de la Société de Jean-Jacques Rousseau. Genève: Droz, 1997. T. 41. P. 281–311.

¹²² Шарль Жозеф де Линь к Казанове, Вена, 21 марта [1790]. – *Ligne Ch.-J. de. Mémoires, lettres et pensées* / éd. A. Payne et Ch. Thomas. Paris: F. Bourin, 1990. P. 649.

давними стихами, перепосвятив их князю¹²³. Но впоследствии сиятельный поэт включил в сборник «Французские стихи иностранного князя. Послания к французам, англичанам и жителям республики Сан-Марино» (1784, 2-е изд. 1789)¹²⁴ письмо от Руссо (Париж, 27 мая 1775 г.), которое у издателя переписки Руссо Р. А. Ли вызывает серьезные сомнения в подлинности¹²⁵.

Вольтер молодых писателей, тем более знатных иностранцев, хвалил исправно, а вот авантюристы ему были ни к чему. Он не обращает внимания на своих подражателей, едва замечает их. Казанова подробнейшим образом описывает в мемуарах три дня, что он провел в Фернее в 1760 г., а философ мимоходом упоминает в переписке «некоего весельчака». В женском обличе кавалерша д'Эон, «человек-амфибия», как говаривал Вольтер, вызывает безусловный интерес, а в мужском – весьма умеренный, хотя книги д'Эона патриарх хранил, оставлял заметки на полях, подчеркивал¹²⁶. В 1736 г. Вольтер начал переписываться с шевалье де Муи и регулярно получать от него сводки новостей. Философ исправно платил, но в итоге порвал с осведомителем. В конце концов Муи, как полагается авантюристу, Вольтера предал, доносил на него в полицию, напал печатно¹²⁷.

Напротив, искатель приключений непременно выставлял напоказ свои отношения с Вольтером, дружеские или враждебные. Главное – быть причастным к мифу; не надо было просить протекции у фернейского патриарха: одно его имя, употребленное в нужный момент, открывало все двери. На ученика падал отсвет его славы, его благословение помогало начать восхождение по социальной лестнице, тем более если авантюрист приезжал в Россию. Искатель приключений примерял роль последователя Вольтера или его литературного персонажа.

В 1755 г. барон де Чуди в журнале «Литературный хамелеон» (*Le Caméléon littéraire*), сообщая новости из европейской Республики Словесности, регулярно пишет о Вольтере, вызвав даже упреки в «вольтеромании» (6 апреля). В первом же номере от 5 января он защищает патриарха от нападок Ла Бомеля и Фужере де Монброна, доказывая: я не такой, как этот заезжий литератор-скандалист. И позднее, рассуждая о ремесле писателя, он не упустит случая уколоть Монброна, автора «Космополита» и «Штопальщицы Марго» (13 июля 1755).

Свою карьеру в России Чуди начал актером французской труппы при дворе Елизаветы Петровны. Не исключено, что он играл и в пьесах Вольтера, весьма популярных в России. В 1750-е гг. во французском театре Кадетского корпуса ставили «Заиру», роль Орозмана исполнил юный Петр Мелиссино. Позднее в этой роли в Петербурге снискал успех Франсуа Пьер Пикте, поставивший трагедию для придворного карнавала и празднеств зимой 1763 г.¹²⁸ Опыта он набрался под руководством самого драматурга, ибо еще в 1759–1761 гг. двухметровый женевец, по прозвищу Пикте Великан, был членом небольшой любительской труппы, собранной Вольтером, которая разыгрывала его пьесы в замке Турне¹²⁹ (напомним, что в Женеве театральные представления были запрещены). Еще на родине он стал литературным персонажем: г-жа д'Эпине изобразила его в стихотворении «Любвный циферблат» (сб. «Мои счастливые мгновения», 1759). Видимо, и в Россию он в 1761 г. поехал искать удачи, рассчитывая

¹²³ Best. D19386, D19388.

¹²⁴ *Poésies françaises d'un prince étranger. Épîtres aux Français, aux Anglais et aux habitants de la République de Saint Marin*. Cassel, 1784; 2e éd. Paris, 1789.

¹²⁵ *Correspondance complète de Jean-Jacques Rousseau* / éd. R. A. Leigh. Oxford, The Voltaire Foundation. T. XL. 1982. P. 244–247.

¹²⁶ *Lettres, mémoires et négociations particulières du chevalier d'Éon*. Londres: J. Dixwell, 1764 (BV1221), а также печатная полемика вокруг этой книги: *Pièces relatives aux Lettres, mémoires et négociations particulières du chevalier d'Éon*. Londres, 1764 et Londres, 1765; часть памфлетов против д'Эона принадлежит перу Анжа Гудара (BV2732); *Les Loisirs du chevalier d'Éon*. T. 1–13, Amsterdam, 1774. «Досуги» д'Эон сам послал Вольтеру через своего издателя М.-М. Рея (BV1222) – *Corpus des notes marginales de Voltaire*. T. 3. P. 418–420, 701–702 (notes).

¹²⁷ *Mouhy Ch. La Bigarrure ou Gazette galante* (1750). См.: *Funck-Brentano F. Figaro et ses devanciers*. P. 212–225.

¹²⁸ Приобретя в России крестьянку, Казанова тоже прозвал ее Заирой.

¹²⁹ *Candaux J. D. Histoire de la famille Pictet*. Genève, 1974. T. 1. P. 226.

на покровительство почитателя Вольтера, графа А. Р. Воронцова, который незадолго перед тем посетил Женеву.

В марте 1762 г. Пикте Великан в письме к Вольтеру расхвалил царствование Петра III, но затем вышла незадача: государь приказал высечь женева за то, что тот не снял перед ним шляпу в Летнем саду. Поэтому, верно, Пикте в серии посланий к Вольтеру по горячим следам, в подробностях и с большим воодушевлением описал государственный переворот, совершенный Екатериной II. Письма немедленно были напечатаны во Франции¹³⁰ и, кажется, в Голландии в «Утрехтской газете» (*Gazette d'Utrecht*). Пикте уверял, что письмо передали в газеты приближенные императрицы помимо его воли; граф М. И. Воронцов утверждал, что женева лично вручил письмо государыне. Поскольку Екатерина II весьма дорожила мнением Вольтера (так, она немедленно приревновала его к княгине Дашковой, которую философ превознес), Пикте получил место при канцелярии опекунов иностранных колонистов. Женева картежник, дружил со своим соотечественником придворным ювелиром Дювалем и его юным протеже Бернарден де Сен-Пьером, с Германом Лафермьером. Но, увы, через несколько лет, в 1765 г., он был арестован за соучастие в контрабанде и сослан¹³¹. Екатерина II не простила его, несмотря на заступничество Вольтера, и в 1776 г. Пикте навсегда покинул Россию.

После смерти философа служивший у него в 1766 г. копиистом Тимолеон Альфонс Галльен, именовавший себя де Сальморанк, узнав, что Екатерина II приобрела библиотеку и рукописи Вольтера, решил попользоваться его славой и выдать себя за его ученика.

Проведя многие годы у постели господина де Вольтера, коему я обязан той скромной репутацией, которую приобрел в Республике Словесности, я получил в свое распоряжение изрядное число прелюбопытных рукописей, —

писал он князю Потемкину 5 октября 1782 г. из г. Шклова, где был директором гимназии¹³². Но тщетно пытался он подарить или, вернее, обменять на протекцию рукописи, которые, видимо, переписал или просто утащил, хотя среди них были и весьма ценные. Репутация у Сальморанка была сомнительная, с его покровителем Семеном Зоричем Потемкин враждовал, да к тому же разразился скандал после ареста живших там же, в Шклове, фальшивомонетчиков Премислава и Ганнибала Занновичей.

В приложенной описи значатся письма, составленные Вольтером обширные списки книг по истории России, педагогике, демонологии, сочинения о литературе, политике, религии и церковнослужителях (весьма смелые, по уверению Сальморанка, который предлагал их и своему голландскому издателю) и, самое главное, латинский и французский варианты речей Вольтера, в которых философ доказывал, что Российской империи полезнее освободить крестьян, чем держать их в рабстве. Работа эта была представлена Вольтером в 1767 г. на конкурс Волонского экономического общества¹³³. В 1786 г. Сальморанк, уже упрочив свое положение, став преподавателем истории и риторики в Кадетском корпусе (Петербург), вторично попытался пристроить рукописи и поместил в издаваемый им на французском языке журнал «Российский Меркурий» (*Mercure de Russie*) объявление об их продаже. Дальнейшая их судьба долгое время была неизвестна¹³⁴, пока их не нашел и не напечатал Владимир Сомов¹³⁵.

¹³⁰ *Journal encyclopédique*, 1762. Т. V, part 3. P. 122–131, 141–149. Т. VI, part. 1. P. 145–151. Т. VII, part. 2. P. 140–152.

¹³¹ Подробнее о Пикте в России см.: АВ. М., 1883. Т. 29; *Кобеко Д. Ф.* Из истории французской колонии в Петербурге // ЖМНП. 1883, № 3 и 1884, № 5; *Кобеко Д. Ф.* Екатерина II и Даламбер // Исторический вестник, 1884, № 4 и № 5; *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке (Записки Московского археологического института. Т. 5). М., 1909.

¹³² АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/8. Ед. хр. 26. Л. 1.

¹³³ *Сиволан И. П.* Социальные идеи Вольтера. М.: Наука, 1978. С. 255–257.

¹³⁴ Подробнее об этом см.: *Алексеев М. П.* Книга Вольтера в библиотеке Томского университета // *Idem.* Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. С. 329–337; *Dulac G., Stroev A.* La lointaine sauvegarde: les manuscrits français du XVIIIe siècle dans les fonds russes // *Genesis*. 1993. № 3. P. 143–156.

Одновременно рыцари удачи могут избрать и прямо противоположную тактику. Чтобы овладеть магической силой тотема, его надо съесть. Подобную метафору использует в шуточном письме к своему другу, политику Джону Уилкису, шевалье д'Эон. В 1768 г. он приглашает его отведать копченых оленьих языков, привезенных ему петербургским купцом Анри Фулоном, надеясь, что языки обладают красноречием Цицерона и деликатностью Вольтера¹³⁶.

Чтобы стать равным великому человеку, надо вступить в полемику с ним. Вольтер, литературное божество, провоцирует восстания падших ангелов, тех, кто хочет упрочить свою репутацию, свергнув его. Но успех редко им сопутствует.

Злобный и желчный Фужере де Монброн, «человек с косматым сердцем», «двуногий тигр», как назвал его Дидро, пародировал Вольтера в «Генриаде, переложенной бурлескными стихами» (1745), напал на него в «Послании г-ну де Вольтеру во время пребывания его в Майнце по возвращении из Берлина» (август 1753)¹³⁷. Снабдив стихотворное послание едкими примечаниями, он превращает божественный лик (*Dieu des vers, des talents*) в портрет авантюриста, изгнанного со скандалом отовсюду, ставшего притчей во языцех, злосердечного и воспевающего преступления плагиатора, который кончит дни на Гревской площади – в общем, рисует свой портрет. В конце романа «Космополит» (1750) Фужере де Монброн писал: «...я чувствую себя хорошо везде, кроме тюрьмы». «Все страны для меня равны [...] Сегодня я в Лондоне, быть может, через шесть месяцев я окажусь в Петербурге или в Москве?»¹³⁸ И оказался – осенью 1753 г. он приехал в Россию, когда залетных французов там почти не было: дипломатические отношения между двумя странами были разорваны.

Писатель числился на дурном счету у парижской полиции, за роман «Штопальщица Марго» (1749) он попал в тюрьму Фор-л'Эвек, но при русском дворе он был принят благосклонно, вошел в доверие к вельможам. Видимо, предполагалось использовать его для дипломатических целей: как писал через два года И. И. Шувалов барону де Чуди, русские ждали приезда какого-нибудь французского аристократа, неофициальный визит был бы прелюдией для восстановления отношений. Английского посла возможная перемена русской политики весьма тревожила, и за Монброном, как я уже говорил, он пристально наблюдал¹³⁹. Монброн оказался в центре европейской политики, и потому сведения о нем тотчас попадали в газеты. В декабре 1753 г. «Санкт-Петербургские ведомости» (21.12.1753 [1.1.1754], № 102) опровергали сообщение «Берлинской газеты» (*Gazette de Berlin*, № 138) о том, что Фужере впал в немилость. Но вскоре разразился новый скандал. По словам А. П. Сумарокова, как только Монброн въехал в Москву, то неумолчно стал кричать, что Вольтер недобрый человек, а маркиз д'Аржанс крайний невежа, что в России нет хорошего бургундского вина и, самое главное, что нет на свете честности, ибо он-де ее не имеет. Русский поэт защищал Вольтера и д'Аржанса и

уверял его, что Бургонское вино в России не так дурно, как он о нем проповедовал, и опытами то ему доказывал. О Бургонском вине мнение он переменял, однако о честности остался он с тем же мнением. [...] Солгал на меня, будто я говорил, что Вольтер обкрадывает стихотворцев¹⁴⁰.

При этом Сумароков уверяет, что одна из новых трагедий Вольтера с одной из его собственных очень сходна, но что, мол, подражание никому из стихотворцев бесславия не при-

¹³⁵ *Сомов В. А.* Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества: (две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: материалы и исследования / Отв. ред. С. Я. Карп. М.: Изд-во РГГУ, 2001. С. 37–99.

¹³⁶ Лондон, 27 октября 1768 г. – Mss. BL. Add 30, 877.

¹³⁷ *Henriade, travestie en vers burlesques* (1745), *Épître à M. de Voltaire pendant son séjour à Mayence au retour de Berlin* (1753).

¹³⁸ *Le Cosmopolite ou le Citoyen du monde*, par M. de Monbron. Londres, 1753. P. 3, 164.

¹³⁹ *Broome J. H.* *L'homme au cœur velu: the turbulent career of Fougeret de Monbron* // *SVEC*. Vol. 23. 1963. P. 179–213.

¹⁴⁰ *Сумароков А. П.* О пребывании в Москве Монброна // Он же. Полн. собр. соч. в стихах и прозе. Изд. 2. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. Часть X. С. 150–153.

носит, и что сам он тоже у французов заимствовал. Дружба Сумарокова и Монброна кончилась ссорой в покоях И. И. Шувалова. Француз назвал русского собрата льстецом, тот послал его читать свою «Превращенную Генриаду». Монброн «выступил из разума, ежели он его имел», стал браниться и получил оплеуху¹⁴¹. Как писала в январе 1754 г. «Утрехтская газета», неуместная живость, которую Фужере де Монброн явил в государевом дворце, настроила против него всех, кто поначалу желал ему добра. Из сострадания ему посоветовали покинуть пределы империи, ибо французы плохо переносят сибирский климат¹⁴².

Когда в 1760 г. Джакомо Казанова приезжает в Женеву и наносит визит Вольтеру в Турне, он представляется как положено: «Наконец я вижу вас, дорогой учитель: вот уже двадцать лет, сударь, как я ваш ученик. – Сделайте одолжение, оставайтесь им и впредь, а лет через двадцать не забудьте принести мне мое жалованье», – ответил философ (ИМЖ, 458–459). В старости Казанова поддерживал эту репутацию «младшего философа»: его приятель, либреттист Лоренцо Да Понте, уверял, что Казанову инквизиторы заточили в Пьомби именно за то, что он давал молодым людям читать Вольтера и Руссо¹⁴³.

Другой рекомендацией послужило то, что Казанова играл в пьесах Вольтера. Дважды в этом же году в Золотурне (Швейцария) и в Генуе, до и после встречи с патриархом, венецианец использовал спектакль «Кафе, или Шотландка», чтобы признаться в любви своим партнершам (он играл роль Мюррея). Казанова даже перевел на итальянский эту комедию, направленную против аббата Фрерона и литературной богемы. Вольтер написал ее по мотивам пьесы Карло Гольдони «Кафе», где выведены плут, игрок и доносчик, – Казанову заинтересовала пьеса, высмеивающая авантюристов.

В «Истории моей жизни» венецианец рисует беседу с патриархом как словесный турнир, где оружием служат ирония, насмешка и знание итальянской поэзии. При этом он изображает Вольтера не как профессионального сочинителя, а скорее как литературного аристократа, богача, который не зарабатывает на книгах, а дарит свои сочинения издателям Крамерам и тем обеспечивает их широкое распространение.

Если верить переписке Вольтера, посетитель поначалу произвел на него благоприятное впечатление, и он решил использовать «весельчака» против врагов просвещения: пусть напишет комическую поэму в духе «Похищенного ведра» Тассони, ведь серьезные перепалки наскучили, смех – орудие сильнейшее¹⁴⁴.

Но неблагодарный ученик, проиграв поединок с мэтром, обиделся. Через несколько лет, в 1765–1766 гг., Казанова попытается бороться с культом Вольтера в Европе, превратившимся в новую религию.

В то время образованные русские, военные и статские знали, читали, славили одного Вольтера и полагали, прочтя все сочиненное им, что стали столь же учеными, как их апостол (ИМЖ, 578).

Любя и почитая русских, венецианец отважно замыслил разуверить их, но отчаялся, ибо, по его словам, они носят Вольтера в кармане и наслаждаются, читая его беспрестанно. Покинув Петербург, Казанова в 1766 г. принялся разубеждать поляков в беседах и в пространных письмах к коронному стольнику графу Мошинскому и игравшему в Варшаве французскому актеру Суле. Он критиковал Вольтера за безбожие, плохое знание физики, исторических источников,

¹⁴¹ Berkov P. N. Fougeret de Monbron et A. P. Soumarokov // RES. T. 37. 1960. P. 29–38; Venturi F. Europe des Lumières. Paris: Mouton, 1971. P. 91–114.

¹⁴² Gazette d'Utrecht. 29 janvier 1754. – Romans libertins du XVIIIe siècle / éd. R. Trousson. Paris: R. Laffont, 1993. P. 665.

¹⁴³ Da Ponte L. Mémoires. Paris: Mercure de France, 1988. P. 166.

¹⁴⁴ Вольтер к Н. К. Тьерю, Турне, 7 июля [1760]. – Best. D9044.

иностранных языков, за то, что его изгоняли отовсюду (мы помним этот аргумент Монброна), и снова за безбожие, подрывающее общественные устои¹⁴⁵.

Казанова продолжил бесполезный спор, нередко заменяя доводы грубостью, в «Размышлении над „Похвальными словами г-ну де Вольтеру“» (1779) и в своей газете «Вестник Талии» (1780), которую выпускал в Венеции по-французски (*Le Messenger de Thalie*). Он раскритиковал все пьесы Вольтера, показанные заезжей французской труппой: «Кафе» (где сам играл двадцать лет назад), «Нескромный», «Аделаида Дюгесклен». Только трагедию «Меропа» похвалил, не преминув, разумеется, упрекнуть Вольтера в плагиате, ибо тот заимствовал сюжет у Маффей.

Последняя и наиболее интересная форма полемики авантюриста и философа – это диалог созданных ими мифов. Когда в 1777 г. кавалер д’Эон превращается в кавалершу и официально признается женщиной, он/она вступает в переписку с Вольтером и получает приглашение посетить Ферней. Патриарха интересует жизнь знаменитых травести, сорок лет назад он прочел «Мемуары аббата де Шуази, переодетого женщиной»¹⁴⁶ и сохранил книгу в библиотеке¹⁴⁷. Философа заинтриговали слухи, пронесшиеся по всей Европе, вплоть до России (о д’Эоне рассуждают и «Санкт-Петербургские ведомости», и Екатерина II в своей переписке), заинтересовал образ девы-воительницы, *captain Lady*, посвященной в масонские тайны¹⁴⁸. Вольтер многократно поминает д’Эона в письмах, ждет его с нетерпением, с интересом разглядывает полученный им портрет кавалерши в виде Минервы. Свое приглашение он написал по-английски, придав ему тем самым оттенок тайны и интимности.

Кавалерша приехать не смогла, ибо после того, как она перебралась из Англии во Францию, ей пришлось, повинувшись монаршей воле, переменить несколько женских монастырей. Из одного из них, обители Дочерей Девы Марии, она и написала послание, видимо, неотправленное и неопубликованное: «Мой скромный ответ великому Вольтеру» [черновик, осень 1777]¹⁴⁹.

Как полагается, кавалерша объявляет себя ученицей Вольтера, «великого учителя совершенства», апостолом «дарованного нам Бога в юдоли поэзии, прозы и скорби», несчастной гонимой. Но традиционный образ философа-стоика, героически переносящего невзгоды, превращается в образ бедной девушки, заточенной против воли в монастырь. Д’Эон как бы разыгрывает одновременно роль героини «Монахини» и ее создателя. В противовес Вольтеру кавалерша развивает свой собственный миф о неопределимом, противоречивом и переменчивом существе, мужчине и женщине одновременно, драгуне в кружевах и амазонке со шпагой. Д’Эон именно так и одевался, ибо Людовик XVI, повелев ему носить женское платье, дозволил прикреплять к нему ордена.

Этот страстный читатель и книголюб анализирует свою нынешнюю ситуацию, как если бы он был персонажем Вольтера. Он/она использует несколько литературных моделей; от волшебной сказки типа «Мудрая дева и царь» («я не имела чести прибыть к вам в Ферней по вашему зову ни пешком, ни на коне, ни в мундире, ни в платье») до ироикомиической поэмы «Орлеанская девственница». Вольтер сам писал графу д’Аржанталю (5 марта 1777), что д’Эон напоминает его героиню:

Мне прислали гравированный портрет д’Эона в виде Минервы вместе с пресловутым королевским патентом, который якобы дарует ему пенсион в тысячу двести ливров и приказывает почтительно молчать, как прежде приказывали янсенистам. Неплохая будет задачка для историков. Какая-

¹⁴⁵ Pages casanoviennes. Paris, 1925. Vol. 5. P. 34–47.

¹⁴⁶ Вольтер к Берже, 22 сентября 1736 г. – Best. D1153.

¹⁴⁷ Histoire de madame la comtesse des Barres. Bruxelles: F. Foppens, 1736 (BV 761).

¹⁴⁸ Дж. Кейт к Вольтеру, 15 августа 1777 – Best. D20765.

¹⁴⁹ Arsenal. Mss. № 9033. Fol. 312–314.

нибудь Академия надписей докажет, что документ самый что ни на есть подлинный. Д'Эон превратится в орлеанскую девственницу, избежавшую костра¹⁵⁰.

Соединяя саморекламу и розыгрыш, кавалер-девица строит свою жизнь по законам трагедийного жанра. Новоявленный Гермафродит не останавливается перед кощунством, давая уроки христианской веры. Дела низки, штиль высок, библейская и античная мифология служат для описания ситуаций, достойных «Фобласа». Играя словами, д'Эон соединяет военную и религиозную лексику. Живописуя «обращение дурного драгуна (или дракона) в добрую девицу» (*la belle conversion du mauvais dragon en bonne fille*), он уверяет, что «Бог войны превратился в Бога мира и милосердия для Женевьевы Марии д'Эон, как для Марии Магдалины и Марии Египетской. Господь посетил меня и тронул мое сердце, и потому все мои нынешние дела превозносят милость и славу Господню». Подражая Вольтеру, он хочет быть одновременно серьезным и едким.

Д'Эон и Вольтер встретятся в Париже 13 мая 1778 г., уже незадолго до смерти патриарха. По свидетельству Башомона, слуги потом выстроились в два ряда с факелами, чтобы лучше рассмотреть посетительницу¹⁵¹. Кавалерша осталась недовольной кратким и холодным приемом и не нашла ничего лучшего, как сочинить эпиграмму на больного старика¹⁵². Вольтер о визите д'Эона в переписке не упоминает.

После кончины философа д'Эон решит представить его своим биографом и защитником. В наброске мемуаров «Преамбула к истории жизни кавалерши д'Эон» (переписано 3 марта 1806 г.) он пишет:

Вот истинное движение души, оправдывающее меня: оно стоит того прекрасного сочинения, которое Вольтер в сердечном порыве начал писать в мою защиту <в 1778>, но поскольку я того не домогалась, то не буду передавать <здесь> всех похвальных слов его на мой счет¹⁵³.

Степан Заннович также строил жизнь в соответствии с легендой, а легенду – по литературным образцам. В своих сочинениях он множил собственные литературные портреты, описывал жизнь тех, за кого себя выдавал, тех, к чьим потомкам себя причислял. Чтобы придать солидности легенде, он написал историю короля Албании Скандерберга, предка принца Кастриотто (как он себя именовал), а в одном из эпизодов не удержался – вывел персонажа под фамилией Заннович, противника монарха¹⁵⁴. Автор раздвоился – так художник Возрождения рисует себя в уголке заказанной ему картины.

Раздвоение личности началось с февраля 1774 г., когда Степан Заннович напечатал в «Энциклопедической газете» (*Giornale Enciclopedico*), выходившей в Венеции, известие о собственной смерти, наступившей в Колорно 2 февраля. Другой авантюрист, граф Томмазо Медини, переводчик «Генриады» Вольтера, писал Казанове, что с кончиной сего поэта Парнас не много потерял¹⁵⁵. Степан Заннович исчез, чтобы принять участие в финансовой афере, задуманной его братом Премиславом, и выманить деньги у голландских купцов. Но он воспользовался этой возможностью, чтобы воздвигнуть себе, юному поэту и философу, нерукотворный памятник. Во «Всеобщей газете» (*Gazzetta universale*) от 19 февраля 1774 г. он опубликовал свое посмертное письмо к Вольтеру, которое через месяц, 30 марта, будет напечатано по-

¹⁵⁰ Best. D20594.

¹⁵¹ [Bachaumont L.-P. de]. *Mémoires secrets*. Т. XI. Р. 148.

¹⁵² Pinseau P. *L'Étrange destinée du chevalier d'Éon, 1728–1810*, 2e éd. Paris: Clavreuil, 1945.

¹⁵³ BL. Mss. 29, 994. Fol. 40–41. В угловых скобках дается зачеркнутый в рукописи текст.

¹⁵⁴ *Le Grand Castriotto d'Albanie*. Francfort: J. J. Kesler, 1772.

¹⁵⁵ Т. Медини к Казанове, Мюнхен, 18 июня 1774 г. (сообщено Г. Вацлавиком).

немецки в Готе (*Gothaische gelehrte Zeitungen*) вместе с примечанием, прославляющим юного гения, далматинского графа, удостоенного дружбы величайших умов Европы и перед смертью отказавшегося от прежнего вольнодумства¹⁵⁶.

В октябре 1773 г. Заннович послал Вольтеру сборник своих сочинений, изданный в Париже по-итальянски. Философ сохранил их в своей библиотеке¹⁵⁷ и ответил благодарственным письмом¹⁵⁸. Завязалась переписка (подробности ее изложены в упоминавшейся выше статье Франко Вентури), но Заннович был вынужден эффектно поставить финальную точку.

Итак, в посмертном письме от 3 февраля 1774 г. (напомним, что «умер» он 2 февраля) Заннович утверждает, что Вольтер благословил юного собрата и просил его продолжать свои «Далматинские письма» (нет сведений, писал ли он их в действительности). Но граф Заннович оказался человеком сентиментальным, едва ли не в духе персонажей Руссо, и сердце его не выдержало приступа глубокой меланхолии. Переписка с Вольтером, уверяет Степан, навлекла на него беду, разрушила здоровье и свела в могилу (соперничество поэтов превращается в мифологический бой отца с сыном). Но смерть, продолжает он, всего лишь переход на высшую ступень, прорыв к истине, и надо радоваться избавлению от телесной оболочки. Посмертный удел философа завидней жизни короля (еще один «топос», теперь типично вольтеровский). Из другого мира он может давать советы патриарху. «Если мне суждено умереть, я старше всех на земле», – пишет он¹⁵⁹. (В иерархии гонимых пророков у покойника авторитет выше, чем у сосланного или арестованного.) Заннович надеется обратить Вольтера на путь истинный: как прочие авантюристы, он дает образцово скучные советы, хвалит величие и милосердие Господа и «умирает» правоверным католиком¹⁶⁰.

Пять лет спустя Степан Заннович, превратившийся в принца Кастриотто Албанского, испробует роль вольтеровского персонажа. В свою книгу «Поэзия и философия одного турка» (1779) он включил «Портрет автора, принадлежащий г-ну де Вольтеру», который сам и сочинил, дабы посмертным трудом своего давнего корреспондента не обременять. Открывает сборник цитата из 26-й главы «Кандида» – тем самым принц Кастриотто отождествляется с собравшимися на обед королями в изгнании¹⁶¹.

«Пляска смерти» продолжается – 3 марта того же 1779 г. немецкие газеты (*Gazette de Worms*) печатают известие о кончине Кастриотто. Но писать Степан не перестает: в 1782 г. он обращается к жанру диалога мертвых, помещая в ад живых людей. Во «Фрагменте из новой главы „Хромого беса“, присланной с того света г-ном Лесажем» он под именем Варта беседует с наследным принцем прусским Фридрихом Вильгельмом, великим князем Павлом Петровичем и графом Михаилом Огинским, претендентом на польский трон. Автор снисходительно дает советы будущим правителям и свысока третирует аббата Рейналя, который якобы «причисляет его к тем редким людям, которые достойны именоваться гениями»¹⁶².

В те же самые 1780-е гг. Калиостро превращает диалог мертвых в подлинный спектакль. Он организует ужины, на которых присутствуют духи умерших философов: д'Аламбера, Дидро и Вольтера. Авантюрист, профессиональный соблазнитель, он вечно возвращается к своему излюбленному мифу о Дон Жуане и Каменном госте.

¹⁵⁶ Я благодарю голландского исследователя Жана де Боя, сообщившего мне об этой публикации, а также директора Библиотеки в Готе и директора Немецкого исторического института Юргена Фосса, приславших мне ксерокопию газеты.

¹⁵⁷ *Opere diverse*. Paris, 1773 – BV3864.

¹⁵⁸ 28 октября 1773 г. – Best. D18602.

¹⁵⁹ Тот же мотив спора о старшинстве возникает и в беседе Казановы с Вольтером: «...нынче, встретившись с вами, мне кажется, что я родился только вчера» (ИМЖ, 459).

¹⁶⁰ Принц де Линь утверждает, что Казанова сказал перед кончиной: «Я жил философом, а умираю христианином». См. Приложения. С. 402–403.

¹⁶¹ *La poésie et la philosophie d'un turc... Avec un portrait caractéristique de l'auteur par M. de Voltaire... Amsterdam, 1779.*

¹⁶² *Œuvres choisies du prince Castriotto d'Albanie [...] le fragment d'un nouveau chapitre du Diable boiteux, envoyé de l'autre monde par M. Le Sage, où se trouve un dialogue entre le comte de Ruppen, le comte du Nord, le comte de Slonim et Warta. S. I., 1782.*

Тайна и общественное мнение

Прежняя государственная власть держалась на тайне. Действительный тайный советник так назывался именно потому, что был допущен к святой святых – к принятию решений (русская административная лексика следовала немецкому образцу). Управление страной основывалось не на законе, а на системе правил и на воле государя; столь же неисповедимой и непреложной, как воля Господня. Любая авторитарная система предполагает анонимность и секретность. Французская теория государства основывалась на том, что власть взяла на себя роль Провидения, и потому отдельному человеку думать и решать не только бесполезно, но и вредно.

В XVIII в. первым делом рушится этикет: если придворные времен Людовика XIV напоминали безмолвные автоматы, то при Людовике XVI они позволяли себе говорить в присутствии короля. Тиранство Павла I, его борьба с «республиканскими» нарядами, с круглыми шляпами – это борьба за послушание, ибо он прекрасно понимал, что разрушение государства начинается с попрания этикета.

В эпоху Просвещения монарх постепенно теряет свой сакральный ореол. Французские короли исцеляли наложением рук, подобные церемонии предусматривал этикет – Людовик XVI справлялся с этим из рук вон плохо. Позднее Наполеон вернет себе эту магическую привилегию, и художники будут рисовать Бонапарта при посещении чумного госпиталя. Король символизировал мощь нации, символически обеспечивал плодородие страны, но если любвеобильный Людовик XV Возлюбленный превратил Францию в свой гарем, то бессилие Людовика XVI обсуждала вся Европа. С королем произошло самое страшное: он стал посмешищем, превратился в наиболее презираемую фигуру – комического роконосца. Казнив Людовика XVI, Революция спасла его репутацию, увенчав мученическим венцом. Памфлетисты изоцрялись, описывая распутство Марии-Антуанетты, давая ей в любовники королевских братьев, придворных. Скандал с «ожерельем королевы» свидетельствовал: кардинал де Роган, духовный пастырь, возмечтал купить за бриллианты любовь государыни – значит, это возможно.

Сакральная сила переходила к другим. Дар исцелять – к чудотворцам. Сен-Жермен, Казанова, Калиостро или Месмер – лишь самые известные целители; рассказы и слухи о врачах постоянно возникают в газетах, литературных корреспонденциях и письмах, в частности Гримма. Екатерина II весьма проницательно описала их в комедии «Шаман сибирский» (1786).

Второй атрибут, тайна, переходит к великим авантюристам и великим мистикам (дон Мартинес Паскуалис, Сен-Мартен). К ним обращаются как к апостолам истинной веры, просят раскрыть высшую мудрость, указать верный путь. Во Франции масонство приобретает массовый характер во второй половине века, некоторые списки лож напоминают списки членов профсоюза: так, в 1787 г. двадцатилетние инженеры департамента мостов и дорог поголовно вступают в парижскую ложу Урания¹⁶³. Большинство руководителей первой российской страховой компании посещают петербургские ложи Урания и Скромность (1775–1780), причем все они иностранцы, немцы и французы¹⁶⁴. Но уже с 1760-х гг., особенно на юге Франции, часть масонов испытывает сильное воздействие мистиков, влияние Учителя нарушает иерархическую масонскую структуру, противоречит власти Великой ложи Франции. В 1785 г., незадолго до скандала с «ожерельем королевы», конгресс филалетов, претендовавший на объединение не только французских, но и немецких масонов во имя поиска мистического знания, посылал своих депутатов к Калиостро, обращался в основанную им в Лионе материнскую ложу

¹⁶³ ЦХИДК. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 106.

¹⁶⁴ Bakouline T. Répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIIIe et XIXe siècles). Paris: Institut d'études slaves, 1967.

египетского ритуала, но Великий Копт сперва согласился посвятить избранных, а потом отказал, видимо желая подчинить себе все масонство¹⁶⁵.

В эпоху Просвещения философы приравниваются к королям (наиболее отчетливо это видно на примере Вольтера), поэты начинают восприниматься как пророки, культ великих людей подменяет собой религию¹⁶⁶. Так, в 1787 г. граф Грабянко основал в Авиньоне мистическую ложу «Божий народ», провозгласил себя царем Нового Израиля и возвел масонский храм. Маркиза де Виллет ежедневно воскуряла фимиам перед бюстом Вольтера. После смерти философа супруги де Виллет превратили его комнату в Фернее в место поминовения, куда поместили его сердце, портреты близких ему людей.

С другой стороны, сами монархи примеряют маску философов. Конечно, Фридрих II не был «гражданином на троне», как писал Вольтер в 1739 г. в посвящении «Генриады», но он вполне последовательно разыгрывал роль философа, поэта и солдата, заменив двор несколькими адъютантами, советниками и писателями, роскошь – спартанским обиходом, этикет – армейской дисциплиной. Разумеется, его простота и доступность были сродни любезности и обходительности Екатерины II, такой же формой жесткого авторитарного правления. Подобный стиль подходил лишь этим великим государям и великим психологам. Они обретали прозвание бессмертных и божественных во многом благодаря своим человеческим слабостям, тому, что действовали наперекор рутинным требованиям, сопряженным с их саном (так ранее поступал Петр I). В противном случае век Просвещения, по известной формуле, ограничивал самодержавную власть удавкой и гильотиной.

Но, разумеется, не только ими. Создаваемое философами и разносимое щеголями общественное мнение все активнее осознает себя как реальная новая сила, противостоящая государственной власти, основанной на тайне. Обсуждение начинается с литературы, театра, живописи, а кончается политикой. Критики создают и ниспровергают авторитеты; возникает та самая информационная среда, где циркулируют оценки и идеи, от кафе, салона и театра до парламента. Полемика об итальянской и французской комедии, об итальянской и французской опере («война буффионов») делит общество на непримиримые партии. В некоторых случаях, напротив, театр служит для выражения политических симпатий: по свидетельству Казановы, в 1766 г. в Варшаве сторонники и противники России поддерживали двух соперничающих между собой итальянских актрис.

Под влиянием буржуазных норм поведения тайной становится семейная жизнь, а публичный человек, щеголь и философ, оказывается у всех на виду. Обсуждать – значит влиять и отчасти контролировать. Подобно художественным произведениям, законы и указы проверяются на разумность, соотносятся с традицией, с естественным правом, а не только с волей государя¹⁶⁷.

Глас народа – глас Божий, и потому общественное мнение выше монарха. Само это понятие возникает в середине XVIII в., во многом под влиянием Руссо. Оно описывается как поток (как позднее будет рисоваться Революция), как всепобеждающая сила («и вот на чем вертится мир»), все тайное делающая явным. Но общественное мнение, утверждают просветители, в частности Кондорсе, надо формировать и воспитывать, им нужно управлять, оно должно следовать мнению философов, а не толпы. Публика – это разумные и образованные люди, а не темная переменчивая толпа¹⁶⁸. И мы опять возвращаемся к идее союза элит. «Одобрение д'Аламбера или Дидро мы ставили выше милости принца», – писал граф де Сегюр о своем поко-

¹⁶⁵ ЦХИДК. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 151; *Porset Ch. Les Philalètes et les convents de Paris: une politique de la folie*. Paris: H. Champion, 1996.

¹⁶⁶ *Bénichou P. Le Sacre de l'écrivain. 1750–1830*. Paris: J. Corti, 1973.

¹⁶⁷ *Habermas J. L' Espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise*. Trad. de l'allemand. Paris: Payot, 1978.

¹⁶⁸ *Ozouf M. Le concept de l'opinion publique au XVIIIe siècle*.

лении¹⁶⁹. В свою очередь, государство стремилось управлять общественным мнением, перекупать литераторов, ставить их себе на службу (аббат Сюар, Морелле, Бриссо, Мирабо и др.). Н. Новиков, недолюбливавший французских философов, напечатал в «Живописце» перевод из книги Фридриха II «Утренние размышления королевские», где утверждалось, что писатели —

люди нужные для государя, который хочет царствовать самодержавно и притом любить свою славу. Они раздают чести, и без них не можно приобрести никакого твердого прославления. И так надлежит их ласкать по необходимости, а награждать по политике [...] А чтобы иметь несколько в сем труде легкости, то я содержу при моем дворе некоторое число их блистающих разумов [...] Среди наивеличайших моих несчастий никогда не упускал я платить исправно ежегодные награждения ученым людям (1772, ч. II).

Авантюрист испытывает к королю те же чувства любви-ненависти и соперничества, что и к философу. Основные этапы и логика их отношений почти полностью совпадают: поиск идеала, мэтра, Отца – письмо, переписка – предложение услуг взамен на «жалованную грамоту», дарующую место в государстве или Республике Словесности – личная встреча – отказ, разрыв – нападки на кумира. Письмо авантюриста монарху можно рассматривать как вполне устойчивую литературную форму¹⁷⁰. Мы видели, что в письмах к философам и в критике их искатели приключений повторяются. Здесь происходит то же самое, тем более что авантюристы, как правило, пишут монархам то, что, по их мнению, те хотят услышать, и получается это добродетельно скучно. Как утверждал принц де Линь, Казанова – истинный философ, но только не в своих философских сочинениях.

Открывает письмо лесть императрице или королю, затем следуют похвалы себе и изложение проекта. Если их несколько, то начинают с простого, чтобы потом предложить нечто глобальное. В подтверждение литературных талантов преподносится книга, врачебных – прилагаются афишки. В заключение просят на службу или намекают на временные трудности.

Весьма характерно с этой точки зрения письмо, которое 1 января 1760 г. отправил из Амстердама императрице Елизавете Петровне уже знакомый нам «швейцарский дворянин, по крови москвитянин». Написано оно по-французски с грубыми ошибками, но непохоже, чтобы автор его был русским. «Золтыкоф Альтенклинген» предложил услуги некоего опытного мыловара, который мог бы открыть фабрики в России (аналогичный проект Казанова представил в Польше в 1765 или 1766 г.¹⁷¹), а заодно самолично взялся исцелить все болезни с помощью тайного знания и алхимии (императрица часто хворала, жить ей оставалось два года). В заключение он обещал открыть секрет, как увеличить доходы государства на десять миллионов, не взяв с подданных ни гроша. Печатные афишки на голландском расхваливали чудодейственное искусство лекаря «Соллхофа», практиковавшего год в Роттердаме, его магические «арканы», добытые упорными штудиями и далекими путешествиями. Трудно сказать, что за проект хотел подать «Золтыкоф»: если это не лотерея, на манер тех, что организовывал Казанова (что представляется наиболее вероятным), то, верно, изготовление золота, которым промышляли и венецианец, и граф Сен-Жермен. Оба великих авантюриста и соперника именно в это время приехали в Голландию с тайными миссиями; напомним, что Сен-Жермен также называл себя Салтыковым, также лечил от всех болезней. Стиль его писем и проектов 1759–1760 гг., адресованных датскому королю¹⁷² и маркизе де Помпадур, весьма напоминает

¹⁶⁹ *Ségur L.-Ph. de. Mémoires, souvenirs et anecdotes / éd. F. Barrière. Paris: Firmin Didot, 1859. T. 1. P. 97.*

¹⁷⁰ Подробнее см. нашу работу: *Stroev A. Aventuriers et petits-mâtres, philosophes et monarques // Lez Valenciennes. № 18. 1995. P. 83–96.*

¹⁷¹ *Projet pour établir une fabrique de savon à Varsovie // HNV, 11, 1186–1188.*

¹⁷² Париж, 24 декабря 1759. Сен-Жермен предлагает, среди прочего, соорудить непотопляемый быстроходный корабль без парусов и безоткатное скорострельное орудие, которыми сможет управлять один человек. – *Langeveld L. A. Der Graf von*

послание к Елизавете Петровне, хотя почерк отличен: жанр авантюрного поведения диктует эпистолярную форму. Но императрица письмо не прочла: хотя послание перевели для нее на русский язык, министры в конце концов решили, что оно не заслуживает Высочайшего внимания¹⁷³.

Аналогично действовал С. Заннович. В отличие от Вольтера Екатерина II не ответила ни на льстивые письма, которые он ей послал из Варшавы и Дрездена в 1775 г., прося вспомоществования и надеясь получить приглашение приехать¹⁷⁴, ни на сочинения в прозе и стихах, где он ее восхвалял («Ода» была опубликована в его «Турецких письмах», 1777). В 1783 г., когда его братья Премислав-Марко и Ганнибал Занновичи были арестованы в России как фальшивомонетчики, Степан Заннович опубликовал трактат «Коран наследных принцев», где назвал императрицу «жестоккой и непристойной Семирамидой» и обвинил в убийстве мужа (то есть себя самого, ибо наш герой выдавал себя за черногорца Степана Малого, самозваного Петра III)¹⁷⁵. Анж Гудар, напротив, начал с нападок, а кончил хвалой, но примерно с тем же результатом. Его «Мемуары для истории Петра III» (1763) так разгневали императрицу, что она повелела канцлеру графу Воронцову приказать послам отыскать автора, добиться его наказания, конфисковать тираж и не допустить ввоза книги в Россию. Все переменялось, когда в июле 1771 г. граф Петр Александрович Бутурлин получил Сару Гудар за 500 фунтов стерлингов, ездил с ней по Италии, представил ее в Ливорно графу Алексею Орлову, командовавшему русским флотом во время войны с турками. Орлов стал любовником Сары либо в том же 1771 г., либо летом 1773 г.¹⁷⁶

Анж Гудар написал «Похвальное слово Екатерине II» (1771) и «Рассуждения о причинах бывшей слабости Российской империи и ее новой мощи» (1772)¹⁷⁷. Сочинитель, видимо, подготавливал почву для поездки в Россию, но Орловы вышли из фавора, и план остался неосуществленным. Все же его трактат об установлении всеобщего мира в Европе (1757) был напечатан в России в 1789 г., во время следующей русско-турецкой войны, и, что примечательно, переведен он был непосредственно в военном лагере¹⁷⁸. Итак, подобно философам, монархи в лучшем случае не замечают или высмеивают авантюриста, в худшем – высылают.

Saint-Germain. P. 291–292. См. Приложения. С. 402–403.

¹⁷³ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. Z 36. Я благодарю голландского ученого Жана де Боя за советы и помощь при анализе этого письма. См. Приложения. С. 387–389.

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14 Z. Ед. хр. 1. См. Приложения. С. 404–407.

¹⁷⁵ Stiepan-Annibale d'Albanie à Frédéric-Guillaume de Prusse. *Épître pathétique, philosophique, historique etc. ou l'Alcoran des princes destinés au trône*. Saint-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale, 1783. Выходные данные книги (Санкт-Петербург, Типография Академии наук) – безусловно вымышленные.

¹⁷⁶ Mars F. L. Ange Goudar, cet inconnu // Casanova Gleanings. 1966. Vol. IX.

¹⁷⁷ Goudar A. *Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III*. Francfort et Leipzig, 1763; *L'Éloge de Catherine seconde, impératrice des Russes*, 1771; *Considérations sur les causes de l'ancienne faiblesse de l'empire de Russie et de sa nouvelle puissance*. Amsterdam, 1772.

¹⁷⁸ Мир Европы не может иначе возстановиться, как только по продолжительном перемирии или Проект Всеобщего замирения сопряженного купно с отложением на двадцать лет между всеми политическими державами. Переведено с французского языка в стане под Очаковым в 1788 г. [...] СПб., 1789.

Глава 2

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Книги в романах и судьбе авантюристов

Поскольку авантюрист стремится превратить свою жизнь в произведение искусства, сопоставительный анализ романной и биографической топики показывает, как жизнь и вымысел подражают друг другу и взаимодополняют друг друга.

Мотив книги представляет собой пучок значений. Чтобы вычленить топос, повторяющийся повествовательный элемент, следует учитывать, что место эпизода в нарративной схеме меняет его семантику. Упоминание книги в начале, середине или конце повествования может привести к разным, даже противоположным последствиям. Добавим также, что другие топосы, в первую очередь те, что развивают тему театра, могут играть в интриге ту же роль, что и чтение.

В начале повествования книга обычно связана с мотивом ученичества. Она вводит в общество, служит путеводителем, учебником жизни, рекомендательным письмом, превращается в фолиант чернокнижника. Чтение предваряет или заменяет сексуальную, социальную и литературную инициацию. На следующем этапе книга и библиотека начинают конкурировать с действительностью и подменяют ее воображаемым миром. В итоге чтение и сочинительство вытесняют активную деятельность, любовь.

«Вселенная – это книга, из которой прочитана одна лишь первая страница, если видел только свою страну. Перелистал я их немало, но почти все нашел одинаково скверными», – заявляет Фужере де Монброн в первых строках романа «Космополит» (1750)¹⁷⁹. Та же устойчивая метафора появляется в беседе Вольтера с Казановой: «Осмелюсь спросить, какой род литературы вы избрали? – Никакой, но время терпит. Пока я вволю читаю и не без удовольствия изучаю людей, путешествуя. – Это недурной способ узнать их, но книга слишком обширна» (ИМЖ, 459)¹⁸⁰. Напомним, что, по легенде, первый розенкрейцер перевел с арабского на латинский *Librum mundi*, «Книгу мира». В соответствии с мистической традицией весь мир, живая и неживая природа, – письма Бога, которые можно и нужно прочитать. Все книги суть одна-единственная¹⁸¹.

Путешествия, занимающие столь большое место в жизни авантюристов и в романах Просвещения, – всего лишь один из способов интерпретировать знаки, начертанные в великой Книге бытия. Юноша или девушка должны прежде всего узнать язык светского обхождения и любви, пересечь не географическую, а символическую границу.

При этом необходимо различать два типа книг: романы даруют наслаждение, ученые сочинения обеспечивают положение в обществе. Первые возникают на начальном этапе, вторые программируют развитие действия и развязку.

Во французской прозе XVIII в. юноша прибегает к романам, дабы понять свои чувства, проанализировать поведение. «Я прочел несколько романов и счел себя влюбленным», – заявляет герой «Исповеди графа де***» Шарля Пино Дюкло¹⁸². Ему вторит герой «Заблуждений сердца и ума» (1736) Кребийона-сына:

¹⁷⁹ *Fougeret de Monbron*. *Le Cosmopolite ou le Citoyen du Monde*. Londres, 1753. P. 3.

¹⁸⁰ Именно этим простеньким вопросом философ поставил на место венецианца, претендовавшего на роль младшего собрата, чем и раздражил его.

¹⁸¹ *La Bible des Rose-Croix* / éd. B. Gorceix. Paris: PUF, 1970. Ср. трансформацию этих идей в творчестве Х. Л. Борхеса.

¹⁸² *Duclos Ch. Les Confessions du comte de**** / éd. L. Versini. Paris: Desjonquères, 1992. P. 30.

В полном смятении вернулся я домой, уже не сомневаясь, что я влюблен по-настоящему, тем более что страсть эта возникла в моем сердце внезапно, точно гром среди ясного неба, а во всех романах пишут, что это первый признак большой любви¹⁸³.

К литературе обращается он за советом:

На память мне пришли все описанные в романе предлоги, какими можно пользоваться, чтобы вступить в разговор с возлюбленной; к моему удивлению, ни один из них не подходил...¹⁸⁴

В сказочной повести Шеврие «Биби» (1745) воспоминание о прочитанных романах помогает добиться благосклонности королевы. В сказочном романе Ла Морльера «Ангола» (1746) принц во время свидания с феей тут же проделывает все, о чем читает в романе.

Посмотрим, – сказала фея, открывая книжицу, – быть может, мы найдем здесь какие-нибудь ситуации или советы, которыми вы могли бы воспользоваться. [...] «Но он был ненасытен, и грудь возлюбленной открылась порывам его страсти», – продолжил чтение принц и тотчас, верный образцу, он устремился к фее, распростер объятия, прильнул губами к ее белоснежной груди и покрыл ее жгучими ласками¹⁸⁵.

Книга играет роль наставника в «науке страсти нежной», устойчивого персонажа галантной литературы. Чтение возбуждает героев, а тем паче героинь, предвосхищает любовную сцену, обычно первую из длинной серии («Софа» Кребийона-сына, 1737, опубл. 1742). Отметим, что в этом эпизоде появляется еще один характерный мотив, лицемерие: роман прячется под обложкой благочестивого сочинения. Подобный топос святотатства возникает в жизнеописании Степана Занновича, сочиненном его поклонником и разоблачителем бароном Клоцем: принц, провозгласивший себя патриархом черногорцев, якобы читал во время службы испанский плутовской роман вместо молитвенника и соблазнил в углу храма юную молочницу¹⁸⁶.

Роман становится расхожей метафорой для обозначения любовного действия: «Я начал роман издаека, дабы оттянуть, как мог, развязку» (Р. М. Лезюир, «Удачливый философ», 1787)¹⁸⁷. Сочинители нередко заменяют описание эротической сцены отсылкой к Кребийону, создавшему жанровый канон («Поелику решено, что один автор „Софы“ может рисовать наслаждения...»¹⁸⁸). Для маркирования галантной ситуации достаточно упомянуть «литературную» мебель – софу или канапе: «Он вспомнил, что во всех читанных им романах авторы, по старой привычке, приносят в жертву добродетель на софе...»¹⁸⁹; «Какое заразительное канапе, только приблизишься, сразу воспламенишься», «Не это ли канапе было свидетелем вашей доблести?»¹⁹⁰

Упоминание романа предвещает эротическую инициацию. Творение само может соблазнить юную девушку, свою читательницу, как подчеркивают предисловия к «Нескромным сокровищам» (1748) Дидро:

¹⁸³ *Кребийон-сын*. Заблуждения сердца и ума. М.: Наука, 1974. С. 46 (пер. А. А. Поляк и Н. А. Поляк).

¹⁸⁴ Там же. С. 72.

¹⁸⁵ *La Morliere Ch. Angola*. Paris: Desjonqueres, 1991. P. 92, 99.

¹⁸⁶ *Cloots J.-B. de. Vœux d'un gallophile*. Amsterdam, 1786. P. 186, 232.

¹⁸⁷ *Lesuire R. M. Le Philosophe parvenu*. Londres; Paris, 1787. T. 1. P. 141.

¹⁸⁸ *Chevrier F. Bibi*. [Paris], 1745. P. 50–51.

¹⁸⁹ *Ibid.* P. 17–18.

¹⁹⁰ *Godar d'Aucourt Cl. Themidor ou mon Histoire et celle de ma maitresse* (1745). Paris: Offenstadt, 1907.

Зима, воспользуйтесь удобной минутой [...] известно, что «Софа», «Танзай» и «Исповедь графа де ***» уже были под вашим изголовьем [...] берите, читайте, читайте все¹⁹¹, —

и к «Новой Элоизе» (1761) Руссо:

Целомудренная девица романов не читает [...] И если вопреки заглавию девушка осмелится прочесть хотя бы страницу — значит, она создание погибшее; пусть только она не приписывает свою гибель этой книге — зло свершилось раньше. Но раз она начала чтение, пусть уж прочтет до конца — терять ей нечего¹⁹².

Сходные мотивы — юноша, анализирующий свои чувства, девушка, узнающая психологию из романов, — появляются в начале «Истории моей жизни» Казановы при рассказе о его первом любовном опыте:

Эта девушка казалась мне удивительней всех, о ком рассказывали в романах чудеса. [...] Но в какой школе изучила она сердце человеческое? Читая романы. Быть может, чтение многих из них погубило уйму девиц, но бесспорно, что чтение хороших научило их любезности и следованию общественным добродетелям (НМV, I, 43).

После галантной инициации персонаж принят в общество. Теперь он с полным правом может выступать в роли знатока литературы и критиковать романы. Ученый диспут, описание библиотеки, обсуждение книжных новинок перебивают любовные эпизоды: «Разговор зашел о чтении — прибежище усталого мужчины и женщины, бросившей злословить» («Темидор, или История моя и моей любовницы» Годара д'Окура, 1745)¹⁹³. Создается топос салонной беседы о литературе, где у каждого персонажа — остроумной дамы, аббата, щеголя, рассудительного дворянина — определены роли и художественные пристрастия («Штопальщица Марго» Фужере де Монбронна, 1749; «Хорошенькая женщина» Н. Т. Барта, 1769).

Литературные персонажи вступают в полемику о развитии романного жанра. Жанетта, героиня «Удачливой крестьянки» (1735) шевалье де Муи читает «Жизнь Марианны» Мариво и сопоставляет себя с ней. Заглавные героини «Штопальщицы Марго» и «Новой Марго» Уэрна де ла Мота (1763) также подыскивают себе литературный образец для написания мемуаров. Персонажи романа Муи «Париж, или Модный ментор» (1735) обсуждают по горячим следам сравнительные достоинства «Удачливой крестьянки» и «Удачливого крестьянина». Дидро («Нескромные сокровища»), Ла Морльер («Ангола») и Шеврие («Биби») разворачивают целую литературную панораму, их герои осматривают библиотеки. Подобно своим персонажам, вступающим в жизнь, галантная сказочная повесть ищет и определяет свое место в мире словесности, а конкретное произведение вписывается в предшествующую традицию (один из устойчивых мотивов экспозиции — похвала Кребийону и порицание толпы подражателей). Герой может слиться с собранной им библиотекой, как в романе «Библиотека щеголей, или Мемуары для истории хорошего тона и исключительно хорошего общества» Ф. Ш. Года (1762) аббат де Пупонвиль комически описывается через его книги: «Парикмахерская энциклопедия» с добавлением двух тетрадок ежедневно; «Женский ум», все страницы чистые; «Искусство выглядеть представительно без денег», сочинение гасконца, обладателя двух миллионов чистыми долгами; «Наставление, как плевать, кашлять, сморкаться, нюхать табак, чихать и утирать всем нос»; «Трактат об осаде и обороне альковов, написанный рукой мастера, с планами и иллю-

¹⁹¹ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. 4. М.; Л.: Academia, 1937. С. 187 (пер. Е. Б. и Н. И. Соболевских).

¹⁹² Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1961. С. 10 (пер. А. Худадовой).

¹⁹³ Godar d'Aucourt. Themidor. P. 10.

страциями, необходимыми для уяснения содержания»; «Разбор вопроса: „должны ли еще женщины рожать детей?“, написанный Жан-Жаком Руссо, женеvским гражданином», и пр.¹⁹⁴

Авантюрист пользуется репутацией эрудита, который помнит наизусть целые книги, его называют «ходячей библиотекой» (Казанова, С. Заннович¹⁹⁵). Сочинительство для него – способ самоутвердиться, создать и упрочить репутацию философа. Книги играют роль рекомендательных писем и верительных грамот: они пишутся для вручения, дарения, подношения. Посвящение знатному покровителю, список подписчиков (то есть состоятельных знакомых автора), фронтиспис с гравированным портретом, титульный лист, превозносящий автора и его сочинение, нередко более важны, чем сам текст. Так, Степан Заннович мог всегда предъявить книгу вместо паспорта – вот он я, принц Кастриотто Албанский, наперсник Фридриха Вильгельма. Или он объявлял о выходе так и не написанных им книг. Посредством каббалистических сочинений авантюристы подчиняют доверчивых, превращая в золото их надежды на скорое обогащение. Книга разоряет, вводит в соблазн, превращаясь в оракула или лотерею.

Литературные персонажи, взрослея, оставляют романы; авантюристы переходят от любовных историй к ученым трудам. Чтение из удовольствия превращается в работу. Читают, чтобы писать. Искатель приключений, желающий слыть литератором, законодателем, философом, экономистом, историком и т. д., производит огромное множество текстов.

Мы подошли к третьей, заключительной фазе повествования. На предыдущем этапе еще можно было спастись, обмануть судьбу. Решив стать адвокатом, юный маркиз д'Аржанс меняет книги: «Романы, занимательные истории – все было изгнано из моего кабинета.

Локк сменил г-жу де Вилледье, Гассенди и Рюо – „Клелию“ и „Астрею“»¹⁹⁶. Но вскоре любовное приключение в театре пробуждает в нем отвращение к книгам, и он оставляет удачно начатую карьеру. Напротив, в конце «Анголы» Ла Морльера вместо возбуждающих романов появляется талисман, составленный из скучнейших книг, который навевает на героя сон и лишает его мужской силы.

Став в конце жизни осведомителем инквизиции, Казанова доносит именно на те книги, что составляли утеху его молодости. Но еще раньше, с того момента, как венецианец почувствовал, что прошел середину земного пути и началось умирание, книги появляются во все большем числе, библиотеки заменяют прежние гаремы:

Не имея довольно денег, дабы помериться силами с игроками или доставить себе приятное знакомство с актеркой из французского или итальянского театра, я воспыал интересом к библиотеке монсеньора Залусского, епископа Киевского (ИМЖ, 600).

Библиотека превращается в убежище, среди книг время останавливается:

Жил я в совершеннейшем покое, не помышляя ни о прошлом, ни о будущем, труды помогали забыть, что существует настоящее (ИМЖ, 516).

В 1764 г. Казанова проводит в библиотеке Вольфенбюттеля неделю кряду, никуда не выходя. В 1757 г. барон де Билиштейн пять месяцев в уединении глотает книги, сочиняя «Французского Вегетия» (1762)¹⁹⁷. Степан Заннович уверяет, что провел несколько недель в добровольном заточении, не покидая кровати, где читал и писал. Ближе к сорока Казанова также охотно пишет в постели – теперь ему так удобнее.

¹⁹⁴ *Gaudet F. Ch. Bibliothèque de petits-maîtres, ou Mémoires pour servir à l'histoire du bon ton et de l'extrêmement bonne compagnie. Au Palais-Royal, chez la petite Lolo, marchande de galanterie, à la Frivolité, 1762.* Подобный прием использует и Новиков в своих сатирических журналах.

¹⁹⁵ *Cloots J.-B. de. Voeux d'un gallophile. P. 172, 184.*

¹⁹⁶ *Argens de Boyer J. B. d'. Mémoires de monsieur le marquis d'Argens (1735). Paris: Desjonquères, 1993. P. 95.* Как Рюо (Jacques Rohault, 1620–1675) – последователь Декарта, автор «Трактата о физике» и «Беседы о философии».

¹⁹⁷ *Andreu de Bilistein Ch. Institutions militaires de la France ou le Végèce Français. Amsterdam: E. van Harrevelt, 1762. P. VII.*

Авантюрист, находящийся на подъеме, может пренебречь местом библиотекаря, как поступили в России пьемонтец Одар и женевец Пикте. Иван Тревогин, живший в Париже куда как небогато, исправно посещал библиотеки и составил даже путеводитель по ним, а потом рискнул сделаться принцем, попытать судьбу. У старого Казановы выбора нет: библиотека в замке графа Вальдштейна в Духцове станет для него последним приютом и тюрьмой, откуда, несмотря на многие попытки, он так и не смог убежать. Ему платили за составление каталога библиотеки, он предпочитал пополнять ее собственными книгами. Единственной отрадой и спасением было сочинение мемуаров: «Я писал по десять-двенадцать часов в день и тем помещал черной тоске погубить меня либо лишить разума» (ИМЖ, 647).

Сочинительство вместо поступков: не можешь действовать – пиши, чем и занимаются авантюристы в тюрьме. Но именно так поступают герои десятков романов XVIII в. Имплицитно тема книги присутствует в любом произведении, где повествование ведется от первого лица: в конце жизни преуспевшие герои сочиняют мемуары.

Для авантюриста-книголюбца и коллекционера, каким был шевалье д'Эон, библиотека – такой же способ запечатлеть для потомства свой облик, как мемуары. Собранные сочинения помогали моделировать судьбу и даже переделывать ее, ибо д'Эон творил свою жизнь по книгам, как книгу и из книг. В письме герцогу де Брольо (Лондон, 30 ноября 1767 г.) он утверждал, что в жизни не имел любовниц и все время проводил с книгами¹⁹⁸ (и, видимо, не врал, ибо травестия его была сопряжена с импотенцией). Его поступки и писания равно требуют внимательного чтения, сличения рукописей и вариантов, интерпретации каждого эпизода. Мифоман и графоман, переписчик (а это главная обязанность секретаря посольства) и компилятор, не брезговавший плагиатом¹⁹⁹, он тщательно хранил и систематизировал записные книжки, распоряжения, письма, депеши и умело фабриковал недостающие. Так, в архиве французского МИДа хранятся написанные им собственноручно копии его переписки 1764 г. с Терсье, одним из руководителей «Секрета короля», где описывается, как якобы уничтожались документы о поездке д'Эона в Россию в женском платье²⁰⁰. Публикуя в трудные минуты оправдательные документы, шевалье превращал их в эпистолярный роман о себе самом («Письма, мемуары и частные переговоры шевалье д'Эона», 1764).

Д'Эон всю жизнь собирал рукописи и книги. Конечно, он не был в 1755 г. чтицей у Елизаветы Петровны (как он уверял), ибо должности такой при дворе не было. Приехал д'Эон с дипломатической миссией в Россию в 1756 г. якобы для того, чтобы стать библиотекарем у графа Воронцова, и, по его словам, удивился, как мало было книг у графа, тогда как сам он оставил в Париже забитую книгами комнату и еще шесть сундуков²⁰¹. Когда годом раньше в аналогичное путешествие отправился его начальник, шевалье Дуглас, он уверял, что сойдет за «самого отчаянного библиомана, минералога и путешественника»²⁰².

В Петербурге шевалье покупал книги в лавке Миллера: Эпикур (70 копеек), Мирабо, Руссо, собрание сочинений Макиавелли (4 рубля), книги по русской и французской истории, «Россиада» Хераскова, указы Петра I и др.²⁰³ Правда, на заказ французских вин и нарядов денег уходило больше, но это оплачивалось по статье представительских расходов секретаря посольства.

¹⁹⁸ ААЕ. СР. Angleterre suppl. Vol. 16. Fol. 290.

¹⁹⁹ «Историческую и политическую картину Польши», вошедшую в первый том его «Досугов» (1774), д'Эон списал у французского дипломата Ж. Кастера.

²⁰⁰ ААЕ. СР. Angleterre suppl. Vol. 16. Fol. 127–136.

²⁰¹ Дешеша д'Эона маркизу де л'Опиталю, 23 июля 1760 – ААЕ. МД. France. Vol. 2187. Fol. 50; publ. *Hombert O., Joussetin F. Un aventurier au XVIIIe siècle, le chevalier d'Éon (1728–1810)*. Paris: Plon-Nourrit, 1904. P. 21.

²⁰² Дешеша шевалье Дугласа, Страсбург, 8 июля 1755 г. – ААЕ. СР. Russie, suppl. T. 8. Fol. 27.

²⁰³ *Decker M. de. Madame la chevalière d'Éon*. Paris: France Loisirs, 1987. P. 67.

Д'Эон использовал книги в качестве тайника. В переплете «Духа законов» Монтескье он привез императрице Елизавете Петровне личное послание от Людовика XV. Свою секретную корреспонденцию в Лондоне он хранил в двадцати еловых шкатулках, имитирующих фолианты и озаглавленных «Собрание документов»: он, по его словам, составил и «точный каталог этой библиотеки»²⁰⁴.

Параллель между шпионом и поэтом, донесением и книгой достаточно характерна для шифрованного языка дипломатической переписки той поры. Мы помним, как барон де Чуди выдал русским властям своего соотечественника Мейссонье де Валькруассана. В ответном письме к Чуди от 9 (20) марта 1756 г. И. И. Шувалов говорит о перехваченной депеше как о «стихотворении в прозе», об аресте и допросе как о литературной полемике, о расшифровке как о переводе с немецкого:

Вирши сии довольно любопытны. Сочинитель явился самолично в Петербург и четырежды побывал у меня. Поскольку он человек молодой и не решается объявить себя публично поэтом, то пытался отрицать, что это он. Под конец он-таки мне признался и подозревает, что вы добыли для меня его творение, хоть я и утверждал обратное. Все же, узнав меня лучше, он остался мною доволен. Вы знаете, что я не столь силен в немецком языке, чтоб понять его творение, но я велел перевести его на французский. Измышления, коими оно наполнено, не позволяют ему взобраться на Парнас, и я полагаю, что он более писать не будет²⁰⁵

(что, добавим, и затруднительно было бы сделать, сидя в тюрьме). Письмо это французская полиция нашла в бумагах Чуди и, видимо, без труда расшифровала.

Но вернемся к д'Эону, способствовавшему освобождению Чуди из Бастилии. Он продолжал покупать книги и во Франции, и в Англии. Но, потеряв свой пост в Лондоне, он лишился жалованья и решил продать библиотеку Северной Семирамиде. 27 января 1769 г. он послал А. В. Олсуфьеву, кабинет-министру Екатерины II, каталог собранных им рукописей. Отвез каталог петербургский купец Анри Фулон, хозяин мануфактуры в Петровском, которому шевалье показал всю свою библиотеку²⁰⁶. Год спустя д'Эон снова напоминал Фулону об этом деле, утверждая, что рукописи необходимы императрице для работы по составлению нового свода законов, и назначил цену: от 8 до 10 тысяч рублей (заодно предлагая взять в уплату российское железо)²⁰⁷.

Купец сумел распространить в Петербурге подписку на многотомные «Досуги» д'Эона (подписались граф А. П. Шувалов, граф А. С. Строганов, С. К. Нарышкин, князь М. М. Щербатов – на два комплекта). Обрадованный д'Эон послал 5 сентября 1770 г. целый ящик своих творений и попросил поместить объявления об их продаже в газетах Петербурга и Москвы.

По утверждению д'Эона, Олсуфьев предложил ему 4,5 тысячи фунтов стерлингов за всю библиотеку (7 каталогов), но, сославшись на военное время, просил обождать²⁰⁸. Д'Эон тем временем заложил рукописи за 1800 фунтов стерлингов. После того как в 1774 г. между Россией и Турцией был заключен мир, шевалье обратился к послу в Лондоне гр. А. С. Мусину-Пушкину с просьбой о двух тысячах фунтов, дабы выкупить рукописи и передать их императрице, обязуясь и далее подбирать для нее сочинения по юриспруденции (то есть стать ее биб-

²⁰⁴ Д'Эон к Терсье, Лондон, 20 января 1764 г. – ААЕ. СР. Angleterre suppl. Vol. 16. Fol. 129.

²⁰⁵ Arsenal, Mss, F. Bastille. № 11945. Fol. 292.

²⁰⁶ Д'Эон к А. В. Олсуфьеву, Лондон, 27 января 1769 г. (черновик). – ААЕ. MD. France. Vol. 2187. Fol. 62r^o–v^o. Фулон был свойственником и компаньоном петербургского купца Мишеля, французского дипломатического агента с 1755 г.

²⁰⁷ Д'Эон к Фулону, Лондон, 25 августа 1770 г. (черновик). – ААЕ. MD. France. Vol. 2187. Fol. 64–66.

²⁰⁸ Détail exact de tout ce qui s'est passé à ce sujet entre la cour de Saint-Pétersbourg et le chevalier d'Éon depuis 1769 jusqu'à présent [entre 1774 et 1777] – ААЕ. MD. France. Vol. 2187. Fol. 72–73.

лиотекарем на манер Дидро), а также предлагал уступить всю свою «библиотеку литератора» по цене, которую будет угодно назначить Северной Семирамиде. Но той не было угодно: императрица утверждала, что после опубликования «Наказа» ее буквально засыпали подобными предложениями²⁰⁹.

На склоне лет, в 1791 г., кавалер-девица создала из книг свой парадный портрет, опубликовав каталог выставленной на продажу на аукционе Кристи библиотеки²¹⁰. Чтобы привлечь публику и выручить побольше денег, д'Эон решил пустить с молотка свой миф: мебель, оружие, драгоценности и «в общем все, что содержит гардероб драгунского капитана и французской дамы».

Общий каталог состоял из шести малых каталогов: вначале рукописи, затем книги, систематизированные по формату и тематике:

1. Рукописи маршала де Вобана – д'Эон намеревался издать его труды по фортификации.
2. «Гражданские и уголовные законы Франции» – коллекция законодательных актов и парламентских документов, в основном XVII в., включая «Оценку статей, предложенных для составления гражданского кодекса» (апрель 1667), а также издания Платона, Маймонида, Монтескье и Руссо. Д'Эон, юрист по образованию, адвокат парижского парламента, писал в «Досугах» о законах Петра I и об истории русского права, используя при этом работы Штрубе де Пирмонта, члена Петербургской академии²¹¹.
3. Рукописи о финансах (мы уже упоминали о его экономических трудах).
4. «Рукописи по истории, политике, искусству, науке и прочим интересным материям».
5. «Труды о священном языке, включающие печатные и рукописные Библии, на языках древнееврейском, сирийском, талмудо-раввинском, арабском, персидском, турецком, эфиопском, грузинском, малайском, готском, греческом, латинском, гальском, французском, английском и др.». Здесь же – словари и грамматики восточных языков, рукописи XV в., книги XVI в. с пометами автора. Обширный список языков вполне соответствует облику полиглота, искателя праязыка, каким представлялись авантюристы.

Шестой раздел – аннотированный каталог книг, 674 названия (включая многотомники), с библиофильским описанием переплетов, бумаги, широких полей. Вначале идут фолианты, затем издания в четвертку, осьмушку и двенадцатую часть листа. Десяток изданий на греческом, сорок – на английском.

По данным Мишеля Мариона, в середине XVIII в. частная парижская библиотека обычно состояла из сотни книг. Из них на долю богословия приходилось 22% (причем 2% отводилось иудаизму), юриспруденции и права – 13%, науки и искусства – 9%, литературы – 21%, истории и географии – 14%; на все остальное – 21%. Современной литературы было немного, причем Вольтер значительно преобладал над Руссо, что для этого периода и неудивительно. Из наиболее часто встречающихся книг отметим Библию, энциклопедию, словари Бейля и Фюретьера, словарь Треву, «Дон Кихота» Сервантеса, письма г-жи де Севинье, «Приключения Телемака» Фенелона, «Опыты» Монтеня, «Басни» Лафонтена, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Генриаду» Вольтера и «Знаменитые судебные дела» Гайо де Питанваля²¹².

Тематика книг и рукописей, собранных д'Эоном, в целом соответствует духу времени (разве что Руссо у него много), и все расхожие издания, разумеется, присутствуют. Но при

²⁰⁹ Две богословские рукописи из библиотеки шевалье д'Эона (*Exercices du chrétien, Traité sur la prière*) попали в собрание графа М. Ю. Виельгорского, а с 1856 г. хранятся в Петербурге в Национальной (бывшей Публичной) библиотеке (Fr. O. I. Ед. хр. 205, 206). Пользуюсь случаем поблагодарить В. А. Сомова, который любезно сообщил мне о них.

²¹⁰ *Catalogue des livres rares et des manuscrits précieux du cabinet de la chevalière d'Éon*. Londres: Spilburg, 1791.

²¹¹ *Strube de Piermont F. H. Sur l'origine et les changements des lois russiennes*. Saint-Petersbourg, 1756; *D'Éon. Recherches sur les divers changements arrivés dans les lois russes jusqu'à ce jour // Les Loisirs du chevaliers d'Éon de Beaumont*. T. 5. Amsterdam, 1774. P. 1–78.

²¹² *Marion M. Recherches sur les bibliothèques privées à Paris au milieu du XVIIIe siècle (1750–1759)*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1978.

этом каталог стремится представить в выгодном свете энциклопедические познания и многочисленные ипостаси владельца библиотеки: военного (труды по тактике и стратегии, истории войн), дипломата, политика, юриста, экономиста (отметим, что были в собрании д'Эона и работы Библиштейна), путешественника, философа, богослова. Присутствуют и собственные сочинения д'Эона. Большое число словарей и энциклопедий (около 8%), рабочих инструментов литератора и ученого, много руководств по этикету, поведению в обществе, искусству жить и обращаться с людьми (в том числе «Придворный» Бальтасара Грасиана и «Наставления юному вельможе» де ла Шетарди, 1734), письмовников, трактатов по сочинительству, педагогике (5%), показывающих, как применять на практике книжные знания. Есть собрания сочинений Руссо, Гельвеция, Монтескье, труды Паскаля, Вольтера, Локка, аббата де Сен-Пьера, Шарля Бонне, «Государь» Макиавелли и «Анти-Макиавелли» Фридриха II, мемуары Ришелье и Реца. Изящная словесность представлена Буало, Лафонтеном, Мармонтелем, Грекуром, Граффины и др. Отметим особо «Хромого беса» Лесажа, «Железную маску» Муи, «Космополита» Фужере де Монбрана, «Кума Матье» Дюлорана, «Китайского шпиона» Гудара, «Севильского цирюльника» Бомарше, «Еврейские письма» и «Каббалистические письма» д'Аржанса.

Среди романов есть любовные, слывшие учебниками соблазнения («Исповедь графа де ***» Дюкло), но более тех, что повествуют о приключениях женщин: «Героиня-мушкетерша» Прешака (1677–1678)²¹³ (прообраз д'Эона), «Знаменитые француженки» Робера Шаля, «Манон Леско» и «История современной гречанки» аббата Прево. Они естественно вписываются в раздел «феминистской литературы», включающий десятки апологий, словарей, историй и жизнеописаний – образцов для подражания: «Галерея сильных женщин» аббата Ле Моня (два изд., 1660 и 1665), «Апология дам» (1737), «История древних и современных амазонок» (1740) аббата Гийона, «История Жанны д'Арк» (1753) Ленгле Дюфренуа, «Жизнь знаменитых женщин Франции» (2 т., 1761), «Портативный исторический словарь знаменитых женщин» (1769), «Защита прекрасного пола», «Защита женщин», «Галантные дамы» Брантома и т. д. Разумеется, «Исследования о женском платье» (1727) д'Эону, записной моднице, были необходимы, но вот многочисленные справочники по женским болезням и руководства по акушерству и гинекологии покупались для самообразования и вставлялись в каталог для блезиру: д'Эон был женщиной.

Объявленная на 5 мая 1791 г. распродажа не состоялась: была объявлена подписка в пользу д'Эона, и почитатели собрали ему 465 фунтов. В 1792 г. он продолжал покупать книги и выложил 500 фунтов за коллекцию из ста изданий Горация. И все же 24 мая 1793 г. на лондонском аукционе Кристи он продал часть библиотеки и некоторые вещи (в частности, табакерку, якобы пожалованную Елизаветой Петровной)²¹⁴. Публичные торги спасали д'Эона не только от бедности, но и самое главное – от забвения. Привлечь к себе внимание было едва ли не главной его целью. В том же 1791 г. он подал прошение о зачислении его капитаном в республиканскую армию, дабы защищать революцию и Францию. Он давал в газеты (в частности, в «Морнинг кроникл») объявления и приглашал зрителей на шахматный матч с Филидором в 1793 г. (в библиотеке его хранилась рукописная «Книга моральных наставлений благородных людей о шахматной игре, переведенная с латыни на французский братом Жаном де Виге около 1300 г.»), на фехтовальные поединки с известными мастерами, в том числе с шевалье де Сен-Жоржем, причем фехтовал он в юбке (правда, в 1796 г. бой окончился печально – 68-летний д'Эон был ранен обломком рапиры).

Оставшиеся книги и рукописи (всего 116 названий) пошли с молотка через три года после смерти д'Эона, 19 февраля 1813 г., в том числе шесть томов юридических документов и

²¹³ *Préchac J. de. Héroïne mousquetaire. Paris, 1677–1678. У д'Эона было другое издание – Illustré Mousquetaire. La Haye, 1699.*

²¹⁴ *Contades G. de. Un bibliophile singulier et inattendu. Le chevalier d'Éon // Annales littéraires, 1891. P. 39–50.*

собрание Горация²¹⁵, а вот рукописи Вобана фирма Кристи оставила себе. Наибольший интерес для нас представляют те книги, которые д'Эон не поместил в парадный каталог: исторические труды, путешествия и записки о России на французском и английском (20 изданий!), богохульные, сатирические и эротические сочинения, в том числе столь важные для стиля его поведения «Орлеанская девственница» Вольтера и «Папесса Иоанна» (несколько изданий). Последний сюжет весьма интересовал Вольтера, а позднее Пушкина. Таким образом, кавалерша д'Эон предстает как писатель, читатель и библиотекарь своей собственной жизни.

²¹⁵ A Catalogue of the very Valuable and Rare Historical, Biblical and other curious MSS and library of printed Books of the chev. d'Éon. London, 1813.

Повествовательные жанры

Рассмотрим наконец судьбу авантюриста в контексте литературных произведений его времени. На первый взгляд кажется, что наибольшее число параллелей предоставит нам роман. Он настолько близок мемуарам, что возникают гибридные жанровые формы – поддельные мемуары знаменитых людей: вероотступника графа де Бонваля, ставшего турецким пашой²¹⁶, Калиостро («Исповедь графа К**** с историей путешествий его в Россию, Турцию, Италию и египетские пирамиды», 1787)²¹⁷. Да и сами авантюристы сочиняли романы, в том числе приключенческие. Но наибольшее число сходжений обнаружилось не в них, а в комедиях, сказках и утопиях, где просматривается единая логика действия, воссоздаются архетипические сюжеты. В повествовательных текстах, тяготеющих к «правдоподобию», совпадают (или заимствуются) лишь отдельные мотивы и эпизоды; авантюрист остается на обочине магистральной линии развития романа.

Чтобы попытаться уяснить причины этого явления, обратимся к самому понятию приключения, авантюры. Французский философ Владимир Янкелевич писал, что главное и необходимое условие для приключения – скука²¹⁸. Необходимо болото рутинного повседневного существования, чтобы можно было из него вырваться. Ежедневное повторение событий приглушает их восприятие, они перестают замечаться, а значит – происходить; размеренное календарное течение времени равносильно его остановке. Напротив, авантюра распахивает дверь в неведомое, в будущее. Три явления, полагает В. Янкелевич вслед за Георгом Зиммелем²¹⁹, превращают жизнь в приключение: любовь, смерть и искусство. При этом справедливо и обратное: вырывая кусок жизни из контекста, приключение делает событие единичным, придает ему начало и конец, эстетически завершает его.

Авантюрист – тот самый романтический герой, который, по определению Д. Лукача, находится в глубинном конфликте с миром. Думается, что в российской словесности с ее тягой к изображению «антиповедения» и «лишних людей» приключение в предельном случае оборачивается сидением на печи и лежанием на диване.

Но понятие приключения меняется вместе с эпохами и литературными нормами; наиболее ясно это видно на примере литературы путешествий. Кроме того, в самом искусстве кроется ловушка. Получая в произведении идеальную форму, событие застывает, каменеет. Лишившись непредсказуемости, Дон Жуан превращается в статую Командора. Как объяснял В. Б. Шкловский в самых первых статьях, литературный канон «автоматизирует» события совершенно так же, как быт. Мемуары Казановы, которые при всей их достоверности нарушают литературные стереотипы, интересней и необычней его утопического романа «Икозамерон» (1788), где вымысел ограничен законами жанра.

В фантастическом тексте нормой становится невероятное, в любовном романе предсказуемы любовные похождения, а в приключенческом – все новые перипетии. Одна из главных проблем, которую так и не удалось решить французскому роману Просвещения, – это отсутствие быта, отсутствие повседневности. Красочные, а то и кровавые подробности просачиваются в роман в первую очередь при описании деревни, городских низов или чужих стран, но романский хронотоп все равно остается условным. Персонажи не испытывают сопротивления

²¹⁶ Приехав в Константинополь, и Казанова, и Фужере де Монброн наносят визит Бонвалю, подолгу беседуют с ним. Монброн паша объясняет, что в приписываемых ему мемуарах все – ложь. – *Fougeret de Monbron. Le Cosmopolite. Londres, 1753. P. 12.*

²¹⁷ *Confessions du comte de C**** avec l'histoire de ses voyages en Russie, Turquie, Italie et dans les pyramides d'Égypte. Au Caire et à Paris, 1787.*

²¹⁸ *Jankélévitch V. L' Aventure, l'ennui, le sérieux. Paris: Mouton, 1963.*

²¹⁹ *Simmel G. Philosophie de la modernité. Trad. de l'allemand. Paris: Payot, 1989 (ch. «L'aventure». P. 305–325).*

среды, они борются с литературными препятствиями. Свой мир (светский Париж) описывается как идеальный, и потому в нем нет ни быта (разве что поминается новомодное щегольское изобретение), ни преград для человека, усвоившего правила поведения. Чужой мир описывается как антипод своего, и потому экзотика достаточно предсказуема, даже если не сводится к декорациям, как в галантных сказках. В любом случае от смертельной опасности герой защищен законами жанра (подобно тому, как в детективе неуязвим сыщик) и уверенностью в том, что он существует в лучшем из миров.

В ряде работ я уже предлагал типологическое описание французского романа Просвещения²²⁰. Поэтому здесь я только кратко напомню выводы и предложу некоторые дополнения. Сразу оговорюсь, что анализ повествовательных моделей не включает прозу сентиментализма.

Классификация ведется по типу главного героя. Их четыре: юный дворянин, юный крестьянин, юная крестьянка, знатная дама. Выбор центрального персонажа определяет дальнейшие события и расстановку действующих лиц, их имена и внешность. Первые три персонажа активны, и потому они психологически меняются, тогда как добродетельная аристократка остается пассивной и неизменной в круговерти событий.

В эпоху Просвещения сравнительно мало романов образцового воспитания, развивающих традиции «Приключений Телемака» (1699) Фенелона²²¹. Наиболее известные произведения связаны с утопической и масонской традицией и рисуют образ идеального юного монарха и государства ему под стать (А. М. Рамсей «Путешествия Кира», 1727; Ж. Террассон «Сет», 1731). Первые три выделенных нами типа романа (истории аристократа, крестьянина, простолюдинки) также связаны с идеей воспитания, но представляют ее светский вариант. Отметим две их особенности. Во-первых, почти все приключения – любовные. Адаптация в обществе, подъем или спуск по социальной лестнице рисуются через эротические похождения. Конец романа – свадьба, она же удаление от света: женатый человек для общества потерян. Во французской прозе у мужа может быть только одна функция – комический рогагоносец. Если автор по неосторожности женил героя, а читатели требуют продолжения, приходится либо похищать супругу (убивать, сводить в могилу), как это делает Луве де Кувре («Фоблас», 1787–1790), либо награждать героя рогами, как поступает шевалье де Муи («Соглядатай», 1736).

Вторая особенность связана с тем, что описываемый в романах процесс превращения «естественного» человека в «цивилизованного» воспринимается не только как положительный, но и как отрицательный. Вопрос о природе человека во французской прозе XVIII в. весьма подробно рассмотрен в работах М. В. Разумовской²²², поэтому я остановлюсь только на одном моменте. Думается, не случайно все три романа, создавшие в 1730-е гг. три основные повествовательные модели («Заблуждения сердца и ума» (1736–1738) Кребийона, «Жизнь Марианны» (1731–1741) и «Удачливый крестьянин» (1735) Мариво), остались незаконченными. Делаясь светским человеком, герой обязан потерять индивидуальность, персонаж превращается не в личность, а в маску. Пользуясь терминологией К. Г. Юнга, можно сказать, что по мере обретения своей «персоны» (социальных ролевых черт) «анима» (внутренний скрытый мир) исчезает, отмирает за ненадобностью.

Роман – «список любовных побед» щеголя, модного человека, разработанный Ш. Дюкло, Ж. Ф. Бастидом («Исповедь фата», 1742), Ш. А. Ла Морльером, К. Годаром д'Окурором, Ф.

²²⁰ См.: Строев А. Ф. Типология романических жанров и французский роман эпохи Просвещения: Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: МГУ, 1983; Строев А. Ф. Роман антивоспитания во французской литературе XVIII в. // Филологические науки. 1983. № 5. С. 29–35; Французская литературная сказка XVII и XVIII веков. М.: Худож. лит., 1990 (составление, предисл. и коммент. А. Ф. Строева).

²²¹ Grandroute R. Le Roman pédagogique de Fénelon à Rousseau. Genève; Paris: Slatkine, 1985.

²²² Разумовская М. В. Ars amatoria и понятие природы человека во французском восточном романе первой половины XVIII в. // История и современность в зарубежных литературах. Л., 1979. С. 18–27; Разумовская М. В. Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х гг. Л., 1981 и др.

Ж. Дарю де Гранпре («Любезный щеголь, или Военные и галантные мемуары графа де Ж*Р***», 1750) и др., стал более популярным, чем история о крестьянине, делающем карьеру в Париже. Ведь в случае успеха простолюдин отказывался от буржуазной модели поведения и принимал дворянскую, тем самым оказываясь ухужденной, а значит ненужной копией первого типа героя. Если же он не преуспевал, то его жизненный путь рисовался как путь деградации и порока, ведущий к гибели, что более характерно для прозы второй половины века («Совращенный крестьянин» Н. Ретифа де ла Бретонна, 1775).

Думается, что этот «отрицательный» вариант мужской судьбы возник не без воздействия приключений «удачливых» крестьянок. Героиня Мариво преуспевает, добродетельно кокетничая, ибо она, как выясняется, – дворянка (знатность предохраняет от порока). Героиня романа шевалье де Муи «Удачливая крестьянка» (1735–1736) также исхитряется сохранить добродетель и сочетаться законным браком. (Отметим, что на заднем плане постоянно мелькает тот, к кому подсознательно устремлены помыслы героини, – Король.) Литературным последовательницам это не удастся (французские читатели готовы верить в чудеса, но не до такой же степени), и крестьянки, любить умеющие, превращаются в содержанок (Вилларе – «Антипамела», 1742, и «Пригожая немка», 1745; Мовийон – «Антипамела», 1743; Фужере де Монброн – «Штопальщица Марго», 1748; Маньи – «Мемуары Жюстины, или Исповедь публичной женщины, удалившейся в провинцию», 1754; Сент-Круа – «Актриса – знатная девица и дама», 1755 и т. д., и т. п. вплоть до «Совращенной крестьянки» Нугаре, 1777, и «Совращенной крестьянки» Ретифа, 1784).

По мере развития действия во всех трех повествовательных моделях возникают сходные затруднения. Наиболее колоритна и выигрышна фигура новичка, не знающего ни манер, ни светского языка, путающего герцогинь с актерками, а «уединенный домик» – с сельским (Келюс «Взаимные признания», 1747). Тут есть что объяснить читателю и чем его позабавить, и здесь персонаж наиболее похож на авантюриста, впервые прибывшего в столицу мира, – Казанова совершал похожие ошибки. Этот этап кончается инициацией, которая дает толчок дальнейшим приключениям. Но постепенно движение по инерции замедляется, подробный рассказ о новой победе сменяется скороговоркой, если не перечислением. Где уж там говорить о психологии и характерах, если «штопальщице Марго» приходится против воли обслужить тридцать мушкетеров за два часа. В мужском варианте сюжета, как правило, разрабатываются психологические портреты дам: кокетка, ученая жеманница, святоша, корыстная, чувствительная, потом исследуются национальные отличия (ревнивая мстительная испанка, холодная рассудительная англичанка, импульсивная темпераментная итальянка), затем – социальные типы, причем победы одерживаются все проще: если жен финансистов и судебных соблазняют, то мещанок и актеров покупают. В женском варианте сюжета, напротив, в основном перечисляются социальные характеры: богатый откупщик и его двойник, тупой богатый иностранец (немец или англичанин), аббат (священник – одна из наиболее популярных фигур эротической литературы), бедный плутоватый дворянин (часто – гасконец), пожилой аристократ и его юный сын повеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.